

Б. Х. МУСУКАЕВ

ТОПОНИМИЯ
ВЫСОКОГОРЬЯ
БАЛКАРИИ

НАЛЬЧИК 1981

Б. Х. МУСУКАЕВ

✓

ТОПОНИМИЯ
ВЫСОКОГОРЬЯ
БАЛКАРИИ

938159

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС» НАЛЬЧИК . 1981

БИБЛИОТЕКА И. О. И. М. К. ПРУДИН
гор. Нальчик, ул. Ногмова, 42

БК 81, 2 Ба — 3
4С (Балк) — 07
М 917

М $\frac{0713 - 057}{M125 (03) - 81}$ 88—81 2604050000

© Издательство «Эльбрус», 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

Земля есть книга, где история человечества записывается в географической номенклатуре.

Н. И. Надеждин

На современном этапе общественного развития перед наукой ставятся задачи более глубокого изучения истории, языка и духовного наследия всех наций и народностей СССР. Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют особую заботу о дальнейшем расцвете национальных культур и развитии науки в среде младописьменных народов нашей страны, к которым относятся и балкарцы. Благодаря помощи всесоюзных и республиканских (тюркоязычных — Алма-Аты, Баку и др.) научных центров местные ученые за короткое время сделали большой скачок в разработке теоретических и практических проблем карачаево-балкарского языка. Но, как подчеркивают ученые-тюркологи, «проблема истории и диалектологии является наименее исследованной в карачаево-балкарском языкознании»². К ним с полным основанием можно отнести его ономастические слои.

¹ *Надеждин Н. И.* Опыт исторической географии русского мира. — Библиотека для чтения, 1837, т. 22, отд. 3, с. 28.

² *Грамматика карачаево-балкарского языка.* Под общей ред. проф. *Баскакова Н. А.* Нальчик, 1976, с. 18.

Предлагаемая работа посвящена одному из неизученных вопросов карачаево-балкарского языкознания — лингвистическому анализу его топонимических пластов. Изучение данного раздела ономастики, сохранившего древнейшие — архаичные формы языка, имеет определенное научно-теоретическое и практическое значение. Как указывал Ф. Энгельс, «материя и формы родного языка только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие...»³.

Необходимость изучения топонимов, одного из разделов ономастики, не вызывает сомнений, так как для извлечения правильных лингвистических выводов необходимо анализировать все части словарного состава языка, в том числе такой консервативный слой лексики, как топонимы, сохранившие в своем составе «много омертвевших форм». В географических наименованиях, этих малоподвластных времени словах, заложены порою уникальные сведения о языке и истории народа. Как пишет Е. Койчубаев, «проходят столетия, а названия местностей передаются от прадеда к деду, от отца к сыну, отражая различные явления природы, представления народа об окружающей его действительности, а также особенности его языка и т. д.»⁴. Следовательно, от углубленного изучения и правильного решения вопросов топонимики в известной степени зависит состояние некоторых общенаучных положений по ряду наук.

По мнению В. А. Никонова, «топонимика — мо-

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 327.

⁴ Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, с. 4.

гучее средство привить интерес к географии, языку, истории, привить любовь к родному краю»⁵.

Научные изыскания в данном словарном слое карачаево-балкарского языка дадут возможность проследить тенденции, закономерности в функционировании и развитии географических имен, помогут в установлении их связи с другими слоями лексики, тем самым будут способствовать правильному освещению многих сторон истории языка. Исследование местных географических названий данного региона представляет интерес и как один из источников правильного установления этногенеза и истории балкарского народа, так как в этом вопросе в науке еще немало неясностей.

Кроме того, изучение балкарских топонимов будет несомненным вкладом в развитие общей тюркологии. По высказыванию проф. Дж. Н. Кокова, «система балкарских географических названий, или топонимов, представляет исключительный интерес для тюркологии, для истории горных районов КБАССР»⁶.

Настоящая работа является специальным исследованием, преследующим цель в определенной степени восполнить существующий пробел в изучении балкарских топонимов с лингвистической точки зрения, и адресована тем, кто имеет дело с карачаево-балкарским языком, с его теоретическими и практическими проблемами, с вопросами ономастики тюркских языков. Наличие в ней исторического, этнографического, краеведческого материалов делает ее небезынтересной и для лиц, соответствующих

⁵ Никонов В. А. Топонимика в высших учебных заведениях. — В сб.: Принципы топонимики. М., 1964, с. 136.

⁶ Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 4.

специальностей, для краеведов и широкого круга читателей.

Книга выходит в жанре научно-популярном. Это обстоятельство и ограниченный объем предопределили ее структуру и содержание — не все разделы изучаемой проблемы рассматриваются в данном издании, да и рассматриваемые разделы даются в более популярной форме.

Проблема изучения топонимов многогранна в силу того, что они представляют собой своеобразный слой словарного состава языка, содержащий историческую, этнографическую, географическую, лингвистическую информации. Информационные возможности топонимов делают их объектом изучения для специалистов соответствующих отраслей знаний. Но топонимы — «прежде всего слова» и потому должны изучаться языковедами. Перед лингвистами стоят проблемы изучения семантики, морфологической структуры, функционирования, изменения, происхождения и развития местных географических названий. В связи с этим возникают вопросы: с чего начать изучение топонимов? В какой последовательности его вести?

В последнее время на страницах местных газет и журналов появляется множество статей, замсток, где авторы, специалисты или просто читатели пытаются установить этимологию того или иного непрозрачного топонимического названия. Само по себе приобщение к этой проблеме многих читателей, частое появление таких статей, видимо, связано с развитием научных исследований, с расширением научного кругозора и запросов читателей. Среди этих выступлений встречаются более или менее убедительные, интересные рассуждения, но все же большинство из них, удовлетворяя лишь любопытство читателя, не выдерживает научной критики.

Принципы номинации местных объектов связаны с многими факторами. Не оперируя диалектологическими материалами местного языка, бесполезно браться за установление этимологии непонятных топонимов: ключ к решению задачи может находиться рядом, а исследователь где-то далеко от истинного источника будет заниматься бесполезной игрой в науку. Или же, не изучив истории края, народа, не зная, какие исторические события пережил исследуемый регион, невозможно установить первоисточник географического названия. Например, не увязывая с борьбой кабардинцев, балкарцев с крымскими завоевателями, невозможно разобраться в происхождении топонимов **Хан тѣбе**, **Къан жол**. И наконец, не имея представления о внешних и внутренних законах развития местного языка, о сравнительных сведениях с другими родственными и неродственными языками, о принципах заимствования слов из соседних языков по их дальнейшей адаптации, трудно разобраться в исследуемом вопросе. Например, не зная чередования звуков «з», «д», «й» в тюркских языках, нельзя установить этимологию топонима **Хурзук** (къудурукъ//къуйрукъ), карачаево-балкарское слово **чаука** (топоним «Чаукала дорбуну») «грач», «галка» из-за отсутствия его в других тюркских языках можно принять за заимствованное слово, если не знать, что оно фигурирует в современных чувашском и болгарском языках в том же значении; или карачаево-балкарское **иеги** «ребро» во всех близкородственных тюркских языках отсутствует, его значение передается словом **къабыргъа**, и лишь в тувинском языке звучит как **ээги** «ребро».

Исследующему происхождения топонимов особенно необходимо учитывать лингвистические данные, так как достоверных документальных дан-

ных по истории Балкарии почти нет, имеются лишь языковые факты. С сожалением можно констатировать тот факт, что не разработаны разделы карачаево-балкарского языкознания, способствующие восстановлению истории языка,— его диалектология, не установлены закономерности фонетического, морфологического, лексического изменения и дальнейшего развития его форм, сравнительные данные с другими языками и т. д.

Но работе по установлению этимологии должны предшествовать изыскания по другим вопросам исследования топонимов. Здесь уместно привести высказывание В. А. Никонова, одного из известных отечественных топонимистов: «Топонимика—наука о географических названиях, а не о происхождении их, как по старинке представляют многие. Этимология названий—только один из разделов топонимики, может быть, не главный и во всяком случае не имеющий права на монополию»⁷.

— При этом нам необходимо исходить из опыта тюркоязычных республик. В свое время один из ведущих топонимистов Казахстана А. Абдрахманов писал: «Топонимика Казахстана исследовалась в лексико-семантическом и лексико-грамматическом направлениях, что же касается работы по этимологии топонимов, то она только начинается»⁸.

Исходя из этих принципов, наше исследование направлено на решение следующих задач: определение влияния социально-исторических условий на возникновение тех или иных групп местных назва-

⁷ Никонов В. А. Пути топонимического исследования. — Принципы топонимики. М., 1964, с. 65.

⁸ Абдрахманов А. Сообщения. — Принципы топонимики. М., 1964, с. 131.

ний; определение слоев топонимов взятого региона в историко-хронологическом аспекте; выявление и анализ семантических классов географических названий; выявление структурно-морфологических моделей образования топонимов во взаимосвязи с другими слоями лексики карачаево-балкарского языка.

При сборе материала использовались различные источники. Литературными источниками явились: «Балкарский топонимический словарь» Дж. Н. Коква и С. О. Шахмурзаева⁹, «Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии» П. С. Ротогаева¹⁰, топографические карты края, материалы местных газет и печатных изданий, планы и списки сельских Советов, списки местности полеводческих бригад колхозов и других производственных подразделений. Информаторами выступали старожилы, знатоки местности, деятели культуры, ученые, студенты, руководители полеводческих бригад и животноводческих ферм.

Имеющиеся работы по топонимии Балкарии, — как правило, небольшие по объему статьи и затрагивают лишь отдельные вопросы топонимической системы Балкарии, а словари в большинстве своем имеют чисто практическое назначение. Данное исследование является первой попыткой лингвистического анализа топонимических названий одного из относительно больших регионов Кабардино-Балкарской АССР.

В изучении топонимов в нашей стране достигнуты большие успехи. Научные исследования советских топонимистов А. В. Суперанской, В. А. Никонова, Э. М. Мурзаева, Е. М. Пospelова, А. И. По-

⁹ *Коква Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

¹⁰ *Ротогаев П. С.* Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

пова, В. Н. Топорова, Ю. А. Карпенко, А. П. Дульзона, И. А. Воробьевой, Н. В. Подольской, В. Д. Беленькой, Г. Ф. Саттарова, Х. Хасанова, Т. Т. Бондарук, Е. Л. Любимовой, В. А. Жучкевича, З. П. Никулиной, М. Н. Морозовой, А. А. Белецкого и других внесли большой вклад в теорию изучения топонимов.

За последние десятилетия появились фундаментальные работы и по тюркской топонимике. Толчком к этому явился выпуск серии сборников «Топонимика Востока».

Тюркская топонимика имеет многовековую историю. По мнению Э. М. Мурзаева, «...первым из соотечественников, специально занимавшимся этимологией топонимов, был ныне хорошо известный тюркский лингвист и географ Махмуд Кашгарский, который еще в XI в. составил свой знаменитый трехтомный словарь «Диван лугатат турк» и несколько географических карт»¹¹.

В трудах среднеазиатских ученых Абу Рейхана Бируни (X—XI вв.), Хайдара Мирзы (XV в.), Захириддина Бабура (XV—XVI вв.) содержится немало сведений по топонимике Туркестана, по семантике тюркских географических названий.

Ценные материалы по топонимии тюркских народов широко представлены в трудах академика В. В. Радлова. Многие его высказывания, касающиеся топонимии, подтвердились последующими исследованиями.

Но повсеместное и всестороннее изучение тюркской топонимики началось в послевоенные годы.

Из тюркоязычных республик сравнительно хорошо изучены топонимия Казахстана (работы Г. К. Конкашпаева, Т. Жанузакова, Е. Қойчубаева,

¹¹ Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 28.

А. Абдрахманова, О. А. Султаньяева, В. Н. Поповой), Азербайджана (Т. Мамаев, А. Ахундов, С. Б. Ашурбейли, А. Демирчи-заде, А. И. Алиев, А. Гусейн-заде, Р. М. Юзбашев, С. Молла-заде, Ч. Х. Мирза-заде, А. Г. Гасанов, Э. Б. Нуриев, Г. А. Гейбуллаев).

Широкие исследовательские работы по топонимике ведутся в Узбекистане (Х. Хасанов, С. Караев, А. Ишанов, Ж. А. Хашимов, Т. Нафасов, З. Дусимов, Ш. Кадырова, Дж. Латыпов, Н. Охунов), Татарии (Р. Х. Субаева и Г. Ф. Саттаров), Башкирии (Г. К. Киекбаев, Н. Д. Гарипова, Т. М. Гарипов, А. Н. Камалов), Киргизии (Д. Исаев, Ш. Токомбаев, С. У. Умурзаков, Ю. Жапаров, А. Б. Исабекова, Х. Шарипов), Туркмении (С. Атаниязов), Каракалпакии (К. Абдимуратов), Якутии (К. Ф. Гриценко), тюркской топонимии Северной Осетии — (А. Д.-З. Цагаева), Чувашии (Г. Е. Корнилов), Дагестане (С. М. Хайдаков, И. Х. Абдуллаев, И.-Х. Г. Магомедов), Горном Алтае (О. Т. Молчанова), Карачаево-Черкесии (Х.-М. И. Хаджилаев, С. Я. Байчоров, Н. И. Гулиева, М. А. Хабичев, Ш. Х. Акбаев).

В горной части Кабардино-Балкарии, т. е. в нашем топонимическом регионе, живут в основном балкарцы, поэтому нам представляется необходимым дать некоторые сведения о них.

В прошлом территория, населенная балкарцами, была расположена исключительно в верховьях рек Черек Балкарского, Черек Безенгийского, Чегема и Баксана, представляя один из самых высокогорных районов Кавказа. На юге, по Главному Кавказскому хребту, балкарцы соседствовали со сванами, на севере по Скалистому хребту проходила граница с кабардинцами, на западе по северным

склонам отрогов Эльбруса — с карачаевцами, на востоке — с осетинами¹².

В настоящее время балкарцы живут и в равнинных районах Кабардино-Балкарской АССР, как в кабардинских и русских населенных пунктах, так и отдельными селениями. На балкарцев распространилась и всеобщая тенденция урбанизации: они составляют немалый процент населения Нальчика и других городов республики. Однако основная часть балкарцев по-прежнему живет в горной зоне по ущельям. По переписи населения 1979 года балкарцы составляют 59 970 человек.

Как отмечают исследователи, предки балкарцев в Центральном Предкавказье обитали еще в неолитическую эпоху. В 1959 году в городе Нальчике была созвана специальная научная сессия по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев. Как видно из материалов сессии, в вопросе этногенеза балкарского народа еще много неясностей, что требует от ученых применения новых сил в исследовании проблем истории народа и языка.

По словам Н. А. Баскакова «карачаевцам-балкарцам, чтобы стать отдельным народом, потребовалось много времени. Они складывались в течение многих веков, и этот процесс своими корнями уходит в далекие прошлые века, и в своем развитии они имели сходные признаки с булгарами, кипчаками, аланами»¹³. Они жили пятью горскими обществами и именовали себя по месту своего обитания — по названию ущелья, а их общим самоназ-

¹² См.: Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976, с. 3.

¹³ *Грамматика карачаево-балкарского языка*. Под редакцией Баскакова Н. А. Нальчик, 1966, с. 7.

ваннем было таулу¹⁴ — «горцы». Их общее этническое название забыто, а поскольку этноним «балкарцы» соответствует их прежнему, не дошедшему до нас этнониму, сказать трудно. Предполагается, что балкарцы и карачаевцы жили тогда (в XIII—XV вв.) не только в высокогорной, но и в предгорной зоне¹⁵. Если исходить из этого, то, возможно, горцами балкарцы называли себя еще в пору, когда их сородичи жили и в предгорной зоне, чтобы отличить себя от них по характеру места обитания. Судьба же той части балкарцев, которая жила в предгорной зоне, неизвестна: то ли они были уничтожены пришлыми завоевателями, то ли перекочевали в другие места и ассимилировались с другими племенами, то ли присоединились к балкарцам, жившим в горной части. Последнее вряд ли могло быть: малочисленность населения горной части (к 1884 г. оно составляло 10 тыс. человек) не позволяет допустить такое предположение. Остаются первые два, которые, вероятно, одновременно явились причиной этого исторического явления. По той же причине, видимо, кануло в неизвестность и их этническое название.

Итак, сами балкарцы называли себя «таулу» — «горцы». Соседние же народы именовали их по-разному: кабардинцы — «кушха», осетины — «асы», грузины — «басияне» и т. д. Поэтому, я полагаю, до начала нашего века они не имели единого этнического имени. В скудных научных источниках о языке и истории балкарцев того времени их называли горскими татарами, турками, горскими турками, булгарами, болкарами и т. д.

¹⁴ См.: *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней*. В двух томах, т. I. М., 1967, с. 86.

¹⁵ См.: *там же*, с. 81—87.

Первые попытки изучения карачаево-балкарского языка с научной точки зрения относятся к началу XIX века. Немногочисленные сведения о карачаевцах, балкарцах и их языке появились в работах немецкого путешественника И. Клапрота (Берлин, 1814; Париж, 1832), который составил первый глоссарий карачаево-балкарского языка. Венгерские ученые В. Прёле (Будапешт, 1909, 1915), Ю. Немет (Будапешт, 1911) в своих трудах обратили внимание на связь карачаево-балкарского с древним — куманским (половецким) языком. Но первым русским исследователем, составившим очерк грамматики балкарского языка, является Н. А. Караулов¹⁶. «Работа Н. А. Караулова, несмотря на неточности в описании балкарского языка, впервые дала науке довольно полные сведения о характере балкарского языка, его диалектах, фонетической структуре, грамматическом строе и словарном составе»¹⁷. В своих трудах к фактам карачаево-балкарского языка в той или иной степени обращались ученые Вс. Миллер*, М. Алейников¹⁸, В. М. Сысоев¹⁹.

Из дореволюционных работ, содержащих научные сведения о карачаево-балкарском языке, следует особо отметить учебник И. Я. Акбаева²⁰, напи-

¹⁶ *Караулов Н. А.* Балкары на Кавказе.— Сб. Кавказ, 38. Тифлис, 1908; *его же.* Краткий очерк грамматики горского языка «болкар».— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. 42. Тифлис, 1912.

¹⁷ *Грамматика карачаево-балкарского языка.* Под ред. проф. Баскакова Н. А. Нальчик, 1976, с. 12.

* Труды перечислены в библиографии.

¹⁸ *Алейников М.* Карачаевские сказания.— Сб. Кавказ, 3. Тифлис, 1883.

¹⁹ *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении.— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 43, в. 2. Тифлис, 1913.

²⁰ *Акбаев И. Я.* Ана тил. Тифлис, 1916.

санный на родном языке. Но все эти работы содержали отрывочные, поверхностные сведения о карачаево-балкарском языке и доступны были лишь немногим, так как основное население по своей неграмотности не могло воспользоваться ими.

Победа Великого Октября, как и перед всеми народами нашей страны, перед балкарским народом открыла неограниченные возможности политического, экономического и культурного развития. Отбросив оковы, преодолевая вековую отсталость, он потянулся к свету, знаниям. Балкарцы, грамотность среди которых до революции составляла 0,9%, в братской семье народов СССР, ликвидировав свою экономическую отсталость и неграмотность, приобщились к высшим социалистическим формам хозяйства и культуры. В результате интенсивно проведенной культурной революции из среды молодежи выросла своя национальная интеллигенция. Появилась возможность проводить исследования по карачаево-балкарскому языку. Таким образом, карачаево-балкарское языкознание как новая отрасль частного языкознания появилось лишь после установления народной власти. В довоенный период по карачаево-балкарскому языку были опубликованы научные работы У. Д. Алиева²¹, У. О. Байрамкулова²², А. К. Боровкова²³,

²¹ *Алиев У. Д.* О принципах составления карачаево-балкарской грамматики.— Записки Северо-Кавказского Краевого Горского НИИ, вып. 1. Ростов н/Д, 1928; *его же.* Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Кисловодск, 1930.

²² *Байрамкулов У. О.* Грамматика карачаевского языка. Кисловодск, 1931.

²³ *Боровков А. К.* Карачаево-балкарский язык.— Яфетический сборник, т. VII. Л., 1932; *его же.* Очерк карачаево-балкарской грамматики. Языки Северного Кавказа и Дагестана.— Сборник лингвистических исследований, т. I. М.-Л., 1935.

В. И. Филоненко²⁴ и др. В большинстве работ того периода наравне с научным исследованием тех или иных сторон карачаево-балкарского языка ставилась практическая цель — способствовать повышению образовательного уровня населения.

Глубокое научное изучение карачаево-балкарского языка было начато с 60-х годов нашего века. Как пишет Н. А. Баскаков, «По своему происхождению карачаево-балкарский язык теснейшим образом связан с кыпчакским языком, т. е. с языком кыпчакского союза племен, имеет значительное количество сходжений с живыми языками — кумыкским, отчасти ногайским — и с мертвым половецким языком»²⁵. Такая связь карачаево-балкарского языка с современными живыми и древними мертвыми тюркскими языками обратила на себя внимание крупнейших отечественных ученых-тюркологов, как академик А. Н. Самойлович, Н. К. Дмитриев, А. К. Боровков, Н. А. Баскаков, Ф. Г. Исхаков, Э. В. Севортян и др. В изучение карачаево-балкарского языка большой труд вложил У. Б. Алиев, многогранный ученый, из трудов которого черпали знание все последующие исследователи карачаево-балкарского языка. В настоящее время местные ученые-языковеды, в том числе и молодые, успешно разрабатывают все разделы карачаево-балкарского языкознания. Среди них: А. М. Аппаев, А. Ж. Будаев, А. Х. Согтаев, Х. И. Суюнчев, И. Х. Ахматов, А. Ю. Бозиев, Х.-М. И. Хаджилаев, М. А. Хабичев, И. Х. Урусбиев, Ж. М. Гузеев, И. М. Отаров, Б. Т. Созаев, А. А. Жаппуев, А. З. Малкандуева, З. К. Жарашуева.

²⁴ Филоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Фонетика и морфология. Нальчик, 1940.

²⁵ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 280.

938159

Готовятся фундаментальные монографии, толковый словарь карачаево-балкарского языка. Но, как справедливо отмечает Н. А. Баскаков, «самым слабым звеном в исследовании карачаево-балкарского языка являются его история и диалектология». К ним с полным правом можно отнести и топонимию Балкарии.

По географическим наименованиям Кабардино-Балкарии (Кабарды) доктор филологических наук Дж. Н. Коков издал ряд работ²⁶.

За исключением «Балкарского топонимического словаря» Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева, «Краткого словаря горных названий Кабардино-Балкарии» П. С. Рототаева и одиночных журнальных и газетных статей, большинство которых любительского характера, по местным названиям Балкарии нет научных исследований²⁷.

Словарь Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева — это первая книга, охватывающая более или менее полный перечень местных географических названий — около полутора тысяч наименований и около тысячи словарных статей. Прав Дж. Н. Коков, когда

²⁶ Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Краткий словарь. Нальчик, 1966; *его же*. Адыгская (черкесская) ономастика (топонимия, антропонимия). АДД. Тбилиси, 1975; *его же*. Словообразовательные типы и форманты средства адыгской топонимики. — В кн.: Ономастика Кавказа. Махачкала, 1979 и др.

²⁷ Хаджилаев Х.-М. И. К топонимике Карачая и Балкарии. — В кн.: Очерки карачаево-балкарской лексикологии, 1970; Хабичев М. А. Кубань, Терек, Черек. — В кн.: Возникновение сопоставительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1978; Акбаев Ш. Х. К происхождению названия «Мин» и «тау». — Доклады АН Азерб. ССР, т. 20, 1964, № 2; Мизиев К. А. О топонимии Балкарии. — «Советская тюркология». Баку, 1978, № 2; Мизиев И. Местные названия и история (на карачаево-балкарском языке). — Газ. «Коммунизмге жол», 1979, 14 июля и др.

говорит, что рассмотрение балкарской топонимики с точки зрения исторической тюркологии и тюркской диалектологии может дать интересные результаты²⁸.

В своем предисловии к словарю, коротком, но емком, автор делает важные выводы, выделяя несколько групп с однотипными формантами на *-икьы*, *-гы*, *-ты*, *-чы* и их варианты. Особое внимание во вступительной статье уделено глагольным наименованиям, приводится процентное соотношение их с отыменными названиями. Дж. Н. Коков на основе анализа топонимических названий, видимо, не только балкарских, делает вывод, высказывает, на наш взгляд, верное предположение о тех наименованиях, которые сталкивают нас с легендой и преданиями. При этом он выделяет два случая, когда слова, составляющие топонимы, неясны или не вполне ясны. «В этом случае истина закрыта легендой и созданной ею лжеэтимологией», — заключает автор. И там же: «...когда языковой материал названия совершенно ясен, но образование для топонимики необычное, не этимология слов здесь составляет загадку, а условия, которые закрепили данные слова или сочетания за той или иной местностью. В этом случае, — осторожно говорит автор, — иное из сохраняющихся в народе преданий может что-то и подсказать»²⁹. Это, безусловно, ценный научный совет для начинающих топонимистов, особенно по изучению материалов нашего края. Так, в наших примерах именно условия за-

²⁸ Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 4.

²⁹ Там же, с. 11.

крепления названия чаще всего являются загадкой. Хотя Дж. Н. Коков и С. О. Шахмурзаев много сделали по сбору, систематизации и трактовке этимологии многих слов, тем не менее словарь не охватывает всех вопросов исследования. И это вполне понятно, так как, по словам самих авторов, «данный словарь является первым опытом сбора и истолкования балкарской топонимии, и он, естественно, не может претендовать ни на исчерпывающую полноту, ни на безупречность»³⁰.

Недостатки словаря детально не разбираются в нашей книге, назовем некоторые. Это механические ошибки или отдельные неудачные переводы названий типа: **Секиртме** букв. «не заставляй прыгать», (стр. 111), вернее будет «место, откуда прыгают»; **Мысакаланы жерлери** «Мысакаловых земли» (стр. 100), следует переводить «Мысакаевых земля», **Чабакълы кёл** «озеро, где водится рыба «чабак»; «чабакъ» в балкарском языке имеет собирательное значение «рыба», и потому правильнее будет «озеро, где водится рыба». В предисловии авторы выделяют несколько типов глагольных названий, посвященных различным событиям, имевшим разностепенные значения в жизни балкарцев. **Эшекле тохтаучу** «где останавливаются ослы»; **Арба сынган къол** «балка, где сломалась арба» они относят к названиям, в которых отразились запомнившиеся случаи и важные, с точки зрения скотоводов, явления, в то же время топоним **Кукук кычыргъан** «где куковала кукушка» — к названиям, которые вовсе не являются порождением драматических событий и необычных происшествий, а гово-

³⁰ Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 17.

рят о заурядных явлениях³¹. Нам кажется, возникновение топонима **Кукук кычыргъан** «где куковала кукушка» связано с древним религиозным поверьем балкарцев о том, что услышать кукование кукушки по утрам, натошак — предвещает несчастье. К этой же группе названий, восходящих к обрядовым религиозным верованиям, относятся **Мурдар агъач** «убийца-лес» (дерево), **Жуунуучу эл** «селение при месте купанья», **Тешик таш** «камень с отверстием», **Къарындашла ташы** «братьев камень» и др. В их семантике отразилась духовная жизнь народа.

В словаре Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева отдельные топонимические названия лишены географической привязки: **Эл ойнагъан** «место, где веселились жители селения» (стр. 152), **Фоншур** осет. «дележ скота» и т. д.

Но самым сложным и трудным делом в составлении словаря было установление этимологии непрозрачных названий. На данной стадии исследования балкарских географических названий трактовка многих топонимов убеждает читателя. Например, очень удачной, краткой и убедительной, нам кажется этимология **Ирик** (с. 71—72), **Ырхы къол** (с. 149) и других непрозрачных топонимов. При этом авторы учитывают, что самое ненадежное в установлении этимологии это опираться на простое, внешнее созвучие. Как пишет В. А. Никонов, «в поисках тождества надо искать как раз непохожее, сначала установив по требованиям исторической фонетики, какие изменения должны произойти»³². По современному состоянию истори-

³¹ *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь, с. 8.

³² *Никонов В. А.* Пути топонимического исследования. — Принципы топонимики. М., 1964, с. 64—65.

ческой фонетики карачаево-балкарского языка невозможно проследить те изменения, которые произошли в формах всех непрозрачных топонимов. Но объяснение многих топонимов звучит довольно убедительно.

Вызывает сомнение ряд этимологических толкований Дж. Н. Кокова, С. О. Шахмурзаева (**Дорбун** — с. 4, **Кам** — с. 73, **Бек кам** — с. 41 и др.) со ссылкой на проф. В. И. Абаева и с весьма категоричным поддержанием его точки зрения о том, что в карачаево-балкарском языке сохранились устаревшие формы слов осетинского языка, которые не сохранились в самом осетинском. Следуя этому принципу, можно любое неразложимое слово расчленить средствами другого языка и объявить его заимствованным. Чтобы доказать тюркоязычность той или иной словоформы, мы часто сверяем его с монгольским языком (ссылаясь на алтайскую теорию о существовании в прошлом праязыка). Если прибегнуть к этому методу, то карачаево-балкарское слово **дорбун** имеет аналогию в монгольском — **орбон**. Здесь звуковые различия объяснимы спецификой тюркских и монгольского языков: ср. монг. **обр** «центральная часть пола в юрте», тюрк. **тёр** «почетное место за столом, в доме», соответственно: **оронорун** «место, вакансия, штат»; **онол-оноу** «теория, совет»; **начин** — **илячин** «сокол»; **оьмч** — **энчи** «собственность»; **хана** — **хуна** «стена»; **яншаа** «болтливый» — **жаншакъ** «болтун» и т. д.³³

Хотя словарь имеет некоторые погрешности, в целом он пока является единственной серьезной научной работой по топонимии Балкарии, и имеющийся в нем материал и теоретические рассужде-

³³ *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970, с. 56—65.

ния несомненно послужат важным подспорьем в дальнейшем изучении топонимики края.

Необходимо остановиться и на «Кратком словаре горных названий Кабардино-Балкарии» П. С. Рототаева. Как отмечено в аннотации к словарю «подобное издание выходит впервые, и оно рассчитано на альпинистов, туристов и всех любителей гор»³⁴. Но автор затрагивает в нем и ряд научных вопросов.

П. С. Рототаев пытался дать классификацию географических названий ущелий, рек, перевалов, вершин, горных хребтов по значению слов. Это в определенном смысле сделано верно, но не полно. Даже на основе того материала, которым располагал автор, он имел возможность более подробно классифицировать топонимы по их смыслу.

В словаре топонимические названия приводятся по простейшей схеме: наименование объекта, высота, район расположения, объяснение названия, первоисходители (зарубежные и советские), даты их восхождения. В данной схеме самым уязвимым местом, на наш взгляд, явилось объяснение названия, иначе говоря, его этимология. В скрупулезности и старании при приведении в систему топонимического материала автору нельзя отказать, тем более, что они им «собраны,— как он пишет,— в течение тридцати лет путем личного общения с жителями гор, изучения исторической и словесной литературы, консультаций с учеными»³⁵. На объяснении топонимов явно отразилось первое — личное общение с жителями гор. Исторические и словарные источники автором использованы слабо.

³⁴ Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 2.

³⁵ Там же, с. 4.

П. С. Рототаев в предисловии к словарю выделил пять групп топонимических названий: по внешнему виду или форме географического объекта; по характерным особенностям окружающей природы; по преданиям и легендам; по событиям из жизни и быта местных народов; по выдающимся историческим событиям и именам людей, оставивших заметный след в истории страны; мира, дав каждой из них краткую характеристику. Здесь же, в предисловии, содержится справедливая критика порочной практики ничем не оправданной замены старых названий новыми, порою ничего не значащими. И этот процесс, как отмечает автор, с каждым годом усиливается.

П. С. Рототаев в своем кратком словаре рассмотрел более двухсот пятидесяти горных названий, объяснив их в интересной и доступной для каждого читателя форме. Автор с основной своей задачей, которую поставил перед собою, — фиксация названий, толкование, — не претендуя на глубокую научную достоверность, на наш взгляд, справился. Для нас же эта работа ценна тем, что она явилась первым опытом сбора балкарских топонимических названий.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТОПОНИМОВ РЕГИОНА

Объект исследования топонимики — географические названия составляют определенную часть словарного фонда языка. Следовательно, топонимика имеет дело с языком. Язык же, являясь, по словам В. И. Ленина, «важнейшим средством человеческого общения», есть «общественное явление, отражающее в себе колоссальную познавательную работу человека»¹. И закономерен вывод о том, что возникновение топонимических названий, как и всяких других слов в языке,—явление общественное. Это отмечали в своих трудах многие топонимисты. Известный советский ученый Э. М. Мурзаев пишет, что «названия поселений, в отличие от гидронимов, крайне подвижны, они часто меняются и зависят от социально-экономических условий»². Гидронимы, безусловно, тоже зависят от социально-экономических условий, но здесь, видимо, подчеркивается их относительная устойчивость.

Тезис одного из ведущих советских топонимистов В. А. Никонова о том, что «историзм — основа всех названий»³, подтверждается и примерами на-

¹ Супрун А. Е. Лекции по языкознанию. Минск, 1971, с. 118.

² Мурзаев Э. М. Основные направления топонимических исследований. — В сб.: Принципы топонимики. М., 1964, с. 26.

³ Никонов В. А. Пути топонимического исследования. — В сб.: Принципы топонимики. М., 1964, с. 59.

шего края. Как и все слова, местные названия подвластны лишь объективным законам развития языка, хотя эти законы проявляются по отношению к топонимам своеобразно, с большим учетом исторических и социально-экономических факторов. Топонимическое название не может даваться и закрепляться по воле одного человека. Для закрепления названия за объектом необходимо, чтобы общество, живущее в данной местности, считало его правильным и признало его. А для этого, т. е. для правильной оценки представителями общества, нужно, чтобы появившееся наименование отвечало требованиям существующих социально-экономических условий. По верному утверждению А. И. Попова, «всюду и всегда имеется необходимость отметить объекты, особенно важные в хозяйственном отношении»⁴. Таковы, например, для скотовода-балкарца названия **Бай орун** «богатая стоянка (загон)», **Къара шаудан** «черный родник», **Ёзен кёл** «озеро в долине» и т. д. По высказыванию В. А. Жучкевича, «вместе с изменениями социально-экономических условий и способа производства менялось отношение общества к географической среде и ...некоторые названия несут приметы того времени, когда они возникли»⁵.

Из-за отсутствия документальных данных прошлое Балкарлии в исторической литературе почти не отражено, что затрудняет проследить появление тех или иных групп балкарских топонимических названий в зависимости от социально-экономических условий. Анализ же самих топонимов в этом плане небезынтересен для истории данного края и может дать интересные результаты.

⁴ Попов А. И. Географические названия. М., 1965, с. 22.

⁵ Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск, 1968, с. 12.

По мнению Ю. А. Карпенко, «имея общие, панхронические ограничения, топонимическая семантика вместе с тем обнаруживает столь четкие временные пласты, что представляется в принципе возможным при известной дате возникновения названия однозначно расшифровать его семантику и, наоборот, по расшифрованной семантике датировать возникновение топонима»⁶.

Какие исторические и социально-экономические условия вызвали возникновение изучаемых топонимических наименований? Какие специфические черты края, его исторические особенности наложили свой отпечаток на существующие местные названия?

Наш край в прошлом пережил бурную историю. По его территории пролегли древнейшие торговые пути, связывавшие разные страны и народы. Благоприятное географическое положение Северного Кавказа сталкивало здесь интересы многочисленных завоевателей. Среди них были: *скифы* — VII—III вв. до н. э., о чем свидетельствуют археологические данные, *аланы* — I—IX вв., оставившие многочисленные катакомбы, *гунны* — IV в., *хазары* — VII—X вв. В VI—VII вв. Северный Кавказ находился в составе западнотюркского каганата. С VI в., до разгрома хазарами, здесь процветала «Великая Болгария», а в XII—XIII вв. — племенное объединение «Кипчакия». В XIII в. сюда вторглись татаро-монголы и вплоть до второй половины XV в. население края находилось под господством Золотой Орды. В конце XIV в. здесь прошли полчища жестокого

⁶ Карпенко Ю. А. История этимологического метода в отечественной топонимике. — Развитие методов топонимических исследований. М., 1970, с. 14.

Т а м е р л а н а. «Тут сходились дороги Европы и Азии, издавна звучала иноязыкая речь, люди разных обычаев и верований, нравов и привычек постоянно посещали эти края»⁷.

И все они не могли не оставить следов в топонимии нашего региона. По исследованиям ряда ученых установлены лексические схождения между языками балкарцев и скифов, алан, монголов, уже не говоря о тюркоязычных племенах — гуннах, хазарах, булгарах и кипчаках. Нет сомнения в том, что непрозрачные топонимические названия типа **Бедик, Бозтан, Къызген, Жууарген, Муш, Мырлы, Тызыл, Сылгран, Дыгъа бауат** и т. д. (они составляют процентов десять общего числа названий) — следы пребывания на нашей территории вышеназванных этнических групп. Интересно отметить, что среди непрозрачных топонимов немало таких, в которых прослеживаются древнетюркские отложения т. е. лексические компоненты или элементы, ставшие для современного балкарца архаизмами: **Ырдар ныгъыш**, образов. от тюрк. — *ыр* (балк. — *жыр*) «песня» + *дар* (балк. — *ар*) — афф. прич. буд. врем. и *ныгъыш* «место сбора жителей села»; **Къапчагъай** от общетюрк. «ущелье», **Берс ойнакъ** Бёрс? и общетюрк. **ойнакъ** «игривый» (по типу балк. **жанша** «болтай, говори», **жаншакъ** «болтун, говорливый»), **Балыкъ** общетюрк. «рыба» (в балк. — **чабакъ**) и т. д.

Одной из отличительных особенностей Балкарии в плане социально-экономических условий было преимущественное развитие здесь животноводства. Оно было традиционным заня-

⁷ Аксентьев А. В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973, с. 4.

тием жителей данной местности с древнейших времен. В Баксанском и Чегемском ущельях обнаружены могильники и поселения кобанской культуры (II—I тысячелетия VII в. до н. э.), которая выступает, как считается, одним из компонентов в этногенезе балкарцев и карачаевцев. «Ведущей формой хозяйства кобанцев было овцеводство», и еще во времена кобанцев «из простого пастушеского скотоводства оно постепенно превратилось в отгонное «кошевое»⁸. О том, что принципы номинации тесно связаны с хозяйственным укладом населения, красноречиво свидетельствуют такие топонимы, как **Таш орун** «каменный загон», **Ёгюзле уруучу** «куда волов загоняли», **Эчхи орун** «козий загон», **Чалманла** «плетни», **Куудушла** «ясли», **Токълу орун** «загон для ягнят», **Къой баула** «загон для овец», **Къой сюрюлген** «где овец угнали», **Жабагылы кютген** «где Жабагылы пас овец» и т. д. По многочисленности и разнообразию первое место в наших примерах занимает группа топонимических названий, так или иначе связанных с животноводством. «Зажиточность балкарской семьи зависела от количества принадлежавшего ей скота»⁹. Это и понятно, так как оно «обеспечивало население пищей, давало сырье для большей части обрабатывающей промышленности, т. е. для изготовления одежды, обуви и т. д.»¹⁰. Да и природные условия способствовали развитию животноводства: горные склоны, отсутствие земли для ведения зем-

⁸ *История Кабардино-Балкарской АССР...*, т. 1. М., 1967, с. 36.

⁹ *Азаматов К. Г., Хутуев Х. И.* Мисост Абаев. Пальчик. 1980, с. 70.

¹⁰ *История Кабардино-Балкарской АССР...*, т. 1. М., 1967, с. 135.

леделия, сравнительно мягкий климат, бурные реки, альпийские и субальпийские луга с высоким травостоем, умело использовавшиеся для выпаса скота и сенокосения.

Социальные отношения

Социальные отношения, существовавшие между различными группами общества, не могли не отразиться на топонимии края. «Общность патронимических земель в прошлом нашла проявление и в сохранении топонимических названий в балкарских ущельях: «Гелляланы жерле», «Кючюкланы жерле», «Бекмырзаны жери», «Къудайланы жайлыкъ» и т. д.»¹¹. Названия **Локъяланы къол** «Локьяевых балка», **Озарыкълары туруучу** «Озарыковых место», **Къудайланы жайлыкъ** «Кудаевых пастбище», **Малкъарукланы къала** «Малкаруковых башня», **Гара улуну жери** «Гара сына земля», **Чежок къабакъ** «Чежоковых аул», **Бабас сабан** «попа пашня» и другие несут на себе отпечаток прежних социальных отношений. В местных названиях оставили свои следы особенности социальных отношений Балкарии в прошлом. Труднодоступные горные ущелья, относительная изолированность и ограниченные связи с соседними народами обуславливали сравнительно замедленное развитие социально-экономических отношений в изучаемом регионе. «Общественный строй и быт Балкарии конца XIX — начала XX века характеризуются переплетением элементов начального этапа капитализма, не-

¹¹ Мусукаев А. И. Балкарский «тукъум». Нальчик, 1978, с. 92.

зрелого феодализма и пережиточных форм общинно-родового строя»¹².

В период существования Аланского союза племен и «Кипчакии» (до XIII в.) состояние социальных отношений у балкарцев, очевидно, определялось общесеверокавказским фоном. А изолированное развитие населения Балкарнии, видимо, началось тогда, когда полчища Чингиз-хана вторглись на Северный Кавказ и «спасшиеся от погрома половцы и аланы бежали в горы»¹³. Археологические данные говорят о том, что в период средневековья происходит дальнейший распад родо-племенных устоев, усиливается имущественное неравенство и начинают развиваться феодальные отношения. «С увеличением числа населения в балкарских сельских обществах многие их пастбищные угодья были захвачены наиболее сильными семьями и патронимиями и впоследствии объявлены частной собственностью»¹⁴.

Условия землевладения. Малоземелье

«Говоря о малоземелье горцев, один из балкарских дореволюционных просветителей Мисост Абаев писал: «В этих горах другой земельной меры не существует, кроме так называемых «кулач, аяк-узун», «таш-орун», «черен-орун», «гебен-орун». «Кулач» — значит обхват около 2—2,5 аршина; «аяк-узун» — длина ступни ноги; «таш-орун» — место под один камень; «черен-орун» — пахотное место, дающее

¹² Мусукаев А. И. Балкарский «тукъум». Пальчик, 1978, с. 3.

¹³ История Кабардино-Балкарской АССР..., т. 1. М., 1967, с. 81.

¹⁴ Мусукаев А. И. Указ. раб., с. 102—103.

одну копну хлеба; «гебен-орун» — место, дающее одну копну сена»¹⁵.

При установлении влияния социально-экономических условий на существующую топонимию необходимо учесть такую особенность Балкарии, как малоземелье. «До сих пор в ущельях Балкарии возвышаются целые пирамиды камней — немые свидетели вечной борьбы человека за свое существование»¹⁶. По словам Н. В. Подольской: «Информация, получаемая от топонима любым человеком, если не равна нулю, то минимальна и лежит на «поверхности» топонима. Успех же получения информации, заключенной в топониме, для специалиста зависит от того, сколько явных и скрытых сведений он сможет в ней распознать»¹⁷. Немаловажно здесь знать и учитывать специфику края. «...земли в Балкарии, в отличие от Кабарды, где они вначале подвергались периодическим переделам и лишь впоследствии закрепились за отдельными семьями, принадлежали семейным общинам, очищавшим и подготавливавшим к обработке земельные участки, затем членам патронии, которые обрабатывали и пользовались ею совместно»¹⁸.

У балкарцев самые незначительные, мизерные участки земли имеют свои названия. Эти микропонимы известны лишь ограниченному числу жителей, обитающих в данной местности. «Малоземелье, низкое качество почвы и большие трудности в обработке земли способствовали раннему возникновению здесь частной собственности на пахотные

¹⁵ Мисост Абаев. Наделы осетин. — Газ. «Каспий», 1905, № 108; Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Указ. раб., с. 56.

¹⁶ Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Указ. раб., с. 27.

¹⁷ Подольская Н. В. Какую информацию несет топоним. — Принципы топонимики. М., 1964, с. 94.

¹⁸ Мусукаев А. И. Указ. раб., с. 92.

земли, а пастбищные и сенокосные угодья составляли общественную собственность»¹⁹.

Малоземелье влияло и на выбор места для дома и хозяйственных построек. «...Ограниченность пригодных для хозяйства земель заставляла балкарцев строить жилища на каменистых местах»²⁰. Балкарские селения в прошлом располагались на каменистых склонах, на естественных террасах, а участки на ровной местности отводились под пашню. Интересно отметить, что и теперь, когда балкарцы обосновались и на равнине, наблюдается их традиционное экономное отношение к использованию земли: у жителей равнины, кабардинцев — широкие дворы, простор между постройками, а у балкарцев они расположены теснее.

Отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии в 1866 году в значительной степени изменила отношение к земле, что способствовало появлению новых географических названий. Общинные земли стали делить ежегодно, но владели ими, как и прежде, богачи и князья.

«В 1889 году 18 семейств Урусбиевского общества просили у начальника Нальчикского округа разрешения на выезд в Турцию, и в качестве основной причины они выдвигали отсутствие земли»²¹.

Царизм проводил политику натравливания горских народов друг на друга, теснил их со своих земель в горы. Еще в 1853 году депутация пяти балкарских обществ обратилась к царю с прошением выделить им участки земли, паходившиеся

¹⁹ *История Кабардино-Балкарской АССР...*, т. 1. М., 1967. с. 203.

²⁰ *Мусукаев А. И.* Указ. раб., с. 67.

²¹ *Касумов А. Х.* Разные судьбы. Нальчик, 1967, с. 23—24.

близ обитаемых ими гор²², но просьба, конечно, не была удовлетворена.

Балкарские феодалы назывались **акъсюек** «белая кость» или **басняты**, а с середины XIX века русское правительство признало их таубнями—«горскими князьями». Кроме таубнев, были и другие социальные слои, зависящие от них: **каракиши**, **ясаки**, **казаки** и **карауаши**. «В Балкарнии феодализм не получил такого развития, как в Кабарде, так как горная Балкария была слабо связана с экономическими центрами Кавказа и Юга России. Общественные отношения не достигли уровня крепостничества»²³. Видимо, это обстоятельство повлияло на то, что топонимических названий, связанных с именами князей,—незначительное количество: **Хадажукълары туруучу** «Атажукина стоянка», **Малкъарукъланы къала** «Малкаруковых башня» и др. Очень много топонимов, связанных с именами разбогатевших каракиши, которые являлись многочисленной категорией еще перед реформой (5 тысяч)²⁴. Они имели по 300 и более голов скота и арендовали пастбища у своих и у кабардинских князей на один год и на более продолжительные сроки. Пастбищные участки впоследствии стали носить их имена. Таковы: **Гылыу туруучу**, «Гылыу находившиеся (место, пастбище, зимовье)», **Моллалары туруучу** «Моллаевы находившиеся (место)», **Къудайланы жайлыкъ** «Кудаевых пастбище», **Газаланы баула** «Газаевых загон» и т. д. В балкарских обществах практиковались совмест-

²² См.: *Документы по истории Балкарии*. Пальчик, 1959, с. 51.

²³ *История Кабардино-Балкарской АССР...*, т. I. М., 1967, с. 208.

²⁴ См.: там же, с. 207.
1967, с. 207.

ная работа по заготовке сена, леса, коллективная пастьба и охрана овец. Чаще всего две-три патриархальные семьи из одной фамилии объединялись для совместной пастьбы и кошевого содержания скота. В таких семьях обычно имелось до 5—6 сыновей. Это обстоятельство также повлияло на принципы наименования местных объектов. В период развития капиталистических отношений зажиточные крестьяне пользовались услугами **жалчы** — «батрака» — новой социальной категорией людей, порожденной новыми условиями. Они нанимались на 3—5—10 лет пасти скот на определенных условиях. «Феодалы отдавали в аренду свои земли на 5—10 лет, иногда бессрочно»²⁵.

Условия аренды были различными, например, «...основная масса крестьян в Урусбиевской сельской общине брала участки в ортак за половину урожая. За $\frac{2}{3}$ урожая сдавал в ортак свои земли гунделеновцам Атажукину»²⁶.

Некоторые пастбищные участки назывались именами «жалчы» и тех, кто трудился на данном объекте. Это была в определенном смысле дань уважения к трудящемуся человеку. Вообще, горцы всегда отличались свободолюбивым духом. При объявлении проекта «об освобождении крепостные балкарского поселка Кирхожан (в Баксанском ущелье.— Б. М.), принадлежавшего князю Атажукину, отказались входить... в добровольное соглашение с князем Атажукиным, заявили, что они свободны от князя Атажукина не принимают, ибо они считают себя издревле свободными»²⁷. Как из-

²⁵ Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Указ. раб., с. 37.

²⁶ Мусукаев А. И. Указ. раб., с. 96.

²⁷ История Кабардино-Балкарской АССР..., т. 1. М., 1967, с. 313.

вестно, этому принципу горцы были верны и в годы революции, принимая активное участие в борьбе против эксплуататоров.

Отношения с соседями

Социально-экономические условия, оказывавшие воздействие на возникновение изучаемых топонимов, зависели и от отношений балкарцев с соседними народами, с которыми они с древнейших времен, хотя и ограниченно, имели экономические, культурные и торговые контакты.

«Несмотря на натуральный характер своего хозяйства, балкарцы часть своих изделий вывозили на рынок. Они с давних времен поддерживали торгово-экономические связи с Кабардой, Осетией, Закавказьем, что нашло отражение в работах М. Абаева»²⁸.

В Балкарнии имеются топонимы грузинского, осетинского, кабардинского происхождения, не говоря о еще не выясненных в этимологическом плане названиях. Балкарцев с кабардинцами и осетинами объединяла совместная борьба против иноземных завоевателей. С соседями балкарцы торговали, обменивали продукты животноводства на соль, зерно. «Балкарния славилась производством сукна»²⁹, здесь было немало плотников, седельников, кузнецов, ремесленников, серебряных дел мастеров. В Балкарнии была отчасти развита и горнорудная промышленность. В 1732 году коллегия иностранных дел получила сведения, что балкарцы «сами делают серу горячую, порох, свинец и железо из

ref. 109

²⁸ Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Указ. раб., с. 30.

²⁹ История Кабардино-Балкарской АССР..., т. I. М., 1967. 313.

руд, находящихся в горах»³⁰. Об этом говорят такие названия, как **Къоргъашишли гау** «свинцовая (бо'свинцом, имеющая свинец) гора», **Гюрбежи тала** «кузнечная поляна», **Кукуртлу сырт** «возвышенность, имеющая серу» и т. д. Балкарцы приглашали мастеров из соседних народов для строительства домов, башен и других сооружений, о чем свидетельствует существование в Балкарнии «Эбзе къала» — «сванские башни».

О различных связях, «межфеодальных столкновениях грузин и балкарцев сообщают и русские источники. По сведениям русских послов Толочанова и Иевлева, незадолго до 1651 года балкарский феодал Алибек напал на крепость в верховьях р. Риони и разорил ее. В отчете посольства сказано: «За Реонью за рекою городок пуст каменной, что имал Алибек, болгарский (балкарский. — К. А., Х. Х.) владелец»³¹.

Особенности духовной жизни

Характеристика социально-экономических факторов, влиявших на появление имеющихся топонимов, была бы не полной без учета особенностей духовной жизни, религиозных верований, обычаев местного населения.

Грозные утесы, необузданные стихии — снежные лавины и камнепады внушали людям суеверный страх. Они обожествляли стихийные явления природы и верили в то, что вторжение в запретные области «владык погоды, обвалов и охоты» повлечет за собой неминуемые бедствия³². Балкарцы по-

³⁰ *История Кабардино-Балкарской АССР*. т 1 М. 1967 с. 140.

³¹ *Азаматов К. Г., Хутуев Х. И.* Указ. раб., с. 37.

³² *География Кабардино-Балкарнии.* Нальчик, 1971, с. 15.

клонялись разным божествам: неба — Тейри, охоты — Апсаты, молнии — Элия, кузнечного дела — Даулету. В средние века из Византии и Грузии усилиями миссионеров на Северный Кавказ проникло христианство, а с конца XV века вместе с крымско-турецкими агрессиями начал распространяться ислам. Ислам балкарцами исповедовался до наших дней, а о существовании в прошлом христианства красноречиво говорят остатки молебен, храмов, культовых мест. Об этом же свидетельствуют топонимические названия: **Бабас сабан** «попа пашня», **Никкола** «св. Николай», **Тотур** «св. Федор», **Бий къачы** «богатого крест» и др.

В жизненных условиях, материальной культуре, обычаях и обрядах балкарцев много общего с окружающими их кавказскими народами. Нартский эпос — это древнейшее духовное наследие — почти одинаков у балкарцев, карачаевцев, кабардинцев, осетин и у народов Чечено-Ингушетии. Нартский эпос, который начал создаваться, по мнению ученых, в глубокой древности (около трех тысяч лет назад?) отразился в топонимах **Нарт жолла** «нартские тропы», **Нарт таш** «нартов камень».

Итак, топонимия нашего региона, как и всякого другого, имеет свои специфические свойства. Принципы номинации географических объектов, их своеобразие, возникновение и последующее развитие тесно связаны с историческими и социально-экономическими условиями общества, дающего эти названия. «На каждом историческом этапе развития общества были свои, наиболее существенные признаки места, отражавшие особенности материальной культуры и духовной жизни»³³. Эти признаки, будучи основами новых названий, вели к

³³ Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск. 1968, с. 58.

обогащению топонимии края и появлению разнообразных форм сообразно с изменяющимися социально-экономическими условиями.

Исходя из имеющегося материала и опираясь на семантические связи слов, топонимические названия взятого нами региона можно разделить на древний, основной и новейший пласты. Чем можно руководствоваться при отнесении названия к той или иной из этих групп?

Одним из сложных вопросов, с чем сталкивается исследующий топонимию любого языка — это установление топонимических пластов в хронологическом плане. Почти все исследователи делят названия на древнейшие, средние и новейшие. Например, казахский топонимист Е. Койчубаев делит топонимы на 1) древнейший слой (наличие элементов древнейших языков — *тал, сал, гар, кан*); 2) древний слой (с тюрко-монг., тюрко-иранск. элементами — *ал, ала, бай, бала...*); 3) тюркоязычный слой (древний); 4) слой, отражающий признаки современных тюркских языков (казахского, киргизского...); 5) слой, отражающий русские топонимические напластования³⁴. Но критерием при такой разбивке топонимов (древний, основной, новейший) каждый автор имеет что-то свое, отличное от других.

Видимо, оно и правильно, так как факторы, влияющие на возникновение топонимов: особенности исторического, социального и культурного развития, языковые контакты, миграция населения в каждом языке и регионе своеобразны. Кроме этого, исследующий вынужден считаться и с другим немаловажным условием — уровнем разработанно-

³⁴ Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, с. 5.

сти истории языка и его ономастических, топонимических пластов.

По нашему мнению, критерием древности топонима выступает не то обстоятельство, что данное слово давно существует в языке, например: **Тёбеле** «холмики», **Ташлы сырт** «возвышенность с камнями». Древность этих названий определить без побочных данных, документальных подтверждений невозможно. Может быть, они очень древние, а может быть, как топонимы функционируют совсем недавно. Древность топонима и древность бытующего в языке слова — разные понятия. Поэтому большинство «рельефных» топонимов нами отнесено к основной группе. Древний пласт составляют такие названия, в компонентах, семантике, лексических формах которых наблюдается архаичность, новейший — наименование, которые появились в наше время, вся остальная часть относится к основному пласту. Рассмотрим конкретно перечисленные группы.

Древний пласт топонимов

К древнему пласту топонимов, по нашему мнению, относятся:

1) названия, в семантике которых обнаруживаются следы традиций, религиозных представлений и культовых обрядов, восходящих к глубокой древности в истории народа: **Тотур** «св. Федор», **Нарт жолла** «нартов тропы», **Никкола** «св. Николай», **Аштотур ташы** «камень св. Федора», **Жор** «крест», **Байрым чунгулла** «Впадины св. Марии», **Нарт таш** «нартов камень», **Бий къачы** «господина крест», **Обурла къусдургъан** «ведьм заставившее рвать (место)», **Ба-**

бас сабан «попа пашня», **Деука обасы** «Деука захоронение», **Байрым кышлыкь** «зимовье св. Марии», **Жор ырхысы** «поток креста», **Къалын обала** «густые захоронения», **Сынла** «надгробия», **Кешенеле** «мавзолен, надгробия», **Капыр шауданла** «неверного родники», **Басмалы къая** «скала с надписями» и др.

Как явствует из семантики составляющих слов, большинство перечисленных терминов духовной культуры выступает топонимами еще с домусульманского периода жизни горцев. Обрядовая лексика, как и сами обрядовые представления, своими корнями уходят к далекому прошлому. Слово же **оба** «захоронение», будучи архаизмом, отражает в своей семантике признаки прошлых эпох;

2) названия, компоненты которых являются лексемами карачаево-балкарского языка, но их сочетание необычное — лишено привычной семантической связи (если исходить из позиции применения данных слов в современном языке) или нарушен обычный порядок слов в словосочетании. Например: **Бюрчюк къабакь** «бургорок + селение», **Къышы аузу** «его зимы» + «ущелье», **Тохтар къууат** причастие буд. вр. от глагола «остановиться» + «здоровье», «солидность», **Баш къара** «голова (возм. «верховье») + черное, **Ара боран** «середина» + «буран», **Баш тыкыр** «вершина голая»;

3) топонимы, в составе которых обнаруживаются древнетюркские отложения: **Минги гау** «Вечная (ледниковая) гора», **Билчи** от бил «знать, изучать», **Битикле** от битик «цельность», «укрепление», **Кам** «река», **Шаукам** «скверная река», **Чегем** «пограничная река», **Юйре тюбю** «качай» + «низовье», **Ырдар ныгыш** «звонящее» + «место сбора жителей», **Балыкъ** «рыба, щука»,

Берс ойнакъ «место игр», **Багъууул** «откормочное (место)», **Ёсенги** «прорастающее», **Сууарек аууш**, «вода» + «арек» «перевал». **Къапчагъай** «ущелье» и др.

4) топонимы, состоящие из двух слов, одно из которых имеет прозрачную, понятную семантику, а другое — не понятно современному носителю карачаево-балкарского языка: **Жёде аузу** «Жёде (?) ущелье», **Ёрюзме башы** «Ёрюзме (?) верховье», **Сакъашили суу** «Сакъашили (?) речка», **Ыстын башы** «Ыстын (?) верховье», **Машиле ичи** «В Машиле», **Чий сыбыдын** «Зеленый сыбыдын (?)», **Чыгъыр тагы** «Голос тагы (?)», **Къоду къол** «Къоду (?) балка», **Кълум къол** «Кълум (?) балка», **Дых тау** «Дых (?) гора» и др.

5) субстратные названия, состоящие из понятного и иноязычного компонентов: **Галыстауат**, где гал (осет.) «бык», **ыстауат** «стойбище», **Ич цафтар** от **ич** (балк.) «внутренние», **цафтар**, (осет.) «горы» и др.;

6) названия, этимология которых окончательно еще не установлена. Как справедливо отмечают Дж. Н. Коков и С. О. Шахмурзаев, из этой группы топонимов можно выделить несколько подгрупп с однотипными формантами. Среди них преобладают наименования на *-гъы* (и их варианты): **Бедаргъу**, **Беттургъу**, **Быкъмылгъы**, **Былдышхы**, **Гюдюргю**, **Гудоргъу**, **Думоргъу**, **Жюйюргю**, **Ликерилги**, **Луунгу**, **Ломоргъу**, **Тютюргю**, **Ыстыргы**, **Тузулгъу**, **Тызгъы**, **Хуралги**, **Наргъы**, **Хуцошгу**, **Хумашиги**, **Жырнашгы**, **Шешги**, **Мелюшгю**, **Жалишги** и т. д.

Мы полностью разделяем мнение В. Д. Беленькой о том, что «морфологическая структура топонимов также непосредственно связана с той или иной культурно-исторической эпохой и часто указы-

вает на время и условия возникновения того или иного географического названия»³⁵.

Например, многие местные названия, оформленные в форме *-гъы* в качестве словообразовательного аффикса, широко применяются в балкарском языке. Научные изыскания в области функционирования и изменения топообразующих аффиксов пролили бы свет на возникновения многих топонимов. Это дало бы немало ценных сведений об истории развития языка, о времени возникновения и функционирования топонимов и т. д.

В вышеприведенных примерах из группы непрозрачных топонимов обращают на себя внимание сочетания *-ар + гъы*. Элемент *-ар* присутствует во многих тюркских топонимах и этнопонимах. Д. Е. Еремеев пишет: «При анализе тюркской этнонимии выделяется несколько групп этнонимов со сходной морфологической структурой. Прежде всего это названия народов и племен, имеющие окончание *-ар*: татар, хазар, болгар, (балкар, малкар); авар (абар, апар), маджар (мадьяр), (мишар), кангар (кенгер), сувар (субар), каджар (кеджер, качар, гаджар), кабар и др. Было высказано мнение, что окончание *-ар* в этих этнонимах восходит к слову *-ар(эр) -ир*, означающему «человек». Во многих современных тюркских языках слово *эр/ир*, сохраняет близкое значение — «мужчина», «муж»³⁶.

Повторяемость элемента *-ар* в балкарских топонимах, еще не поддающихся этимологии, и наличие его в самом этнониме балкарцев (малкъарлы) наталкивает на мысль о том, что этим окончанием в прошлом могли оформляться названия тюрко-

³⁵ См.: Беленькая В. Д. — В сб.: Оронимика. М., 1969, с. 13.

³⁶ Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии. — В сб.: Этнонимика. М., 1970, с. 133.

язычных племен и народностей и на нашей территории.

К этой же подгруппе следует причислить ряд непрозрачных топонимов с аффиксами *-ти* (и его вариантов): **Гестенти, Кюлтю, Къайишти, Хурети, Хунгурту, Шегишти, Ысхылты, Ылыты, Курушту, Дыргъити, Хейти, Гаргияти, Мишти, Гъерти** и др. Возможно, непосредственной связи с нашими примерами и нет, но высказывание казахского топонимиста Е. К. Койчубаева о названиях с аналогичными формантами в Казахстане и Киргизии интересно: Алмалы и Алматы, Аршалы и Аршаты, Карагайлы и Карагайты и др. Не оспаривая параллельно однозначного применения *-ты* и *-лы*, он пишет: «...переход древнего *-ту* в *-ты* и *-су* в *-сы*, вполне реален, поэтому неизвестные *-ты* и *-сы* вполне могут считаться формами *ту* «гора» и *су* «вода», «река»: **Алматы** «яблонева гора», **Архарты** «архаровая гора», **Есикти** «дверь-гора», **Шидерти** «глинистая гора», **Лепси** «буйная или стремительная река», **Самсы** «сумрачная река» и т. д.³⁷

В топониме **Кюлтю**, если расчленить его по вышеприведенной схеме, получаем: Кюл «зола» + *тю* «гора». Но такой вывод может быть правомерен лишь после дополнительных исследований.

К группе древних относятся топонимы с формантами: *-шкы-* **Ылышкы, Жюкюрюшкю, Мыкылышкы, Хуцошгу**; *-т-* **Зырдагъыт, Люкзут, Ламгзут, Зырнауат, Шауурдат, Курнаят**; *-тан-* **Къоштан, Бозтан, Шештан** и др. Глубокое изучение непрозрачных топонимов с привлечением тщательно подобранного материала, особенно с однотипными формантами,

³⁷ Койчубаев Е. К. Казахские географические названия с формантами *-ты* и *-сы*. — В сб.: Топонимика Востока. М., 1969, с 141—146.

может привести к весьма интересным выводам, которые могут дать возможность четко разграничить время возникновения различных групп местных географических названий. Многие топонимисты подчеркивали, что уточнение этимологии топонима еще не объясняет его возникновения и переход в класс географических имен. Об этом хорошо сказал Карпенко: «Даже правильное установление этимона корневого элемента топонима еще не объясняет происхождение этого топонима, так как остается неизвестным, на каком этапе развития слово перешло в топонимию. Словообразовательная же структура названия отражает его историю, зашифровано повествует о его происхождении»³⁸.

К древнему пласту относятся и другие непрозрачные топонимы: Бедик, Бозтан, Гирхожан, Донгат, Дыгъа бауат, Жууарген, Жигран, Жел бауат, Жуду, Илсингир, Иличир, Кичгидар, Курму, Камук, Кермен, Къоштан, Къудайнат, Къызген, Личиу, Логумса, Мукгулан, Мижерген, Муш. Мырлы, Мидихили, Орусундакъ, Сылтран, Тютю, Тызыл, Тапшин, Тегюден, Урдоз, Ууаза, Усхадур, Хунукъ бауат, Хунчур, Хыжрык, Чылмас, Шаш бауат, Шешган, Эльбрус, Эльдегъур, Ышхыран, Мулуцу, Сауур, Мукуш, Раубазы, Кураннан, Сауту, Хаугам, Гъуат и др.

Основной пласт названий

В основной разряд топонимов входят названия с прозрачной формой, понятные с точки зрения современного балкарского языка, различные семантические группы балкарских топонимов: **Акъ**

³⁸ Карпенко Ю. А.— В сб.: Развитие методов топонимики М., 1970, с. 13—14.

тьюбу «низ (низовье белой (скалы)», Къара къая «Черная скала», Ташлы «каменистое», Къой сюрюлген «откуда были угнаны овцы», Тохара тюзю «Тохара долина», Муса туруучу «Мусы стоянка» и т. д. В хронологическом отношении эта группа названий неоднородна. Например, из двух последних, семантически-однородных топонимов появление последнего относится к более позднему периоду развития социальных отношений в Балкарии. Этому пласту топонимов здесь отводится нами мало места, так как он, в основном, и будет предметом анализа в следующих разделах работы.

Новейшие топонимические наименования

Пласт новейших топонимов отражает те изменения, которые произошли в общественно-политической жизни общества после установления народной власти. Это и понятно. Ведь принципы названия объектов, т. е. принципы номинации, тесно связаны с политическими, экономическими проблемами в жизни общества. И эти проблемы, которые касались коренных жизненных интересов народа, отражались как во всем языке, так и в топонимике края. Многие географические объекты стали называться по-новому. Топонимы, отражающие старый уклад жизни, носящие имена владельцев, уже забываются. Вместо них употребляются имена тех, кто обрабатывал землю, кто трудился и имел дело с данным объектом не как владелец, а как труженик. Этот процесс и сейчас находится в стадии развития. Но в этом важном деле зачастую допускается субъективность, канцелярщина. А потому при решении таких вопросов необходимо прислушиваться к мнению народа, к мнению ученых, которые знают принципы номинации объектов,

народные традиции. К новейшим топонимам (по нашему географическому ареалу) относятся: **Къызыл партизанла къырылгъан тала** «поляна, где были расстреляны красные партизаны»; **Промплощадка** «промысловая площадка»; **Кюзлюк сабанла** «озимые пашни»; **Жангы эл** «новое селение»; **Рудник** «рудник»; **Жангы бау** «новый загон»; **Хутур** «хутор»; **Сары жолла** букв.: «желтые дороги» (в смысле дороги для автомашин); **Комсомол къош** «комсомольская кошара»; **Карчевка** «корчевка», **Арт завод** «завод на тыльной стороне» и др.

Топонимы иноязычного происхождения

Основная и самая многочисленная группа по языковому составу среди топонимов нашего региона — это названия балкарского происхождения. Вместе с тем, как и на любой территории, в Балкарнии имеются названия иноязычного происхождения: грузинского, осетинского, кабардинского и русского³⁹. Назовем лишь некоторые из них, так как детальный анализ этой группы в задачи книги не входит⁴⁰. Известно, что балкарцы изучаемых нами ущелий с древнейших времен жили по соседству со сванами. Их территории разделяли горные хребты и перевалы. Со сванами балкарцы всегда вели торговлю, ходили друг к другу в гости, имели разносторонние экономические связи. Надо сказать, что, несмотря на различие языков и религиозных верований, и в прошлом наблюдались случаи, когда балкарцы женились на сван-

³⁹ См.: *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

⁴⁰ Даются по данным словаря Дж. Н. Кокова и С. О. Шахмурзаева с объяснением их появления.

лась народность кумыков. Рядом с этими народностями, образовавшимися в монгольский период, существуют другие, как балкарцы и карачаевцы, язык которых обнаруживает следы более древнего происхождения и сближается с кипчакским»⁴³. Уместно отметить, что балкарцы разных ущелий называют себя по местности своего обитания — *чегемли, малкѣарлы, бакѣсанчы, кѣнденчи* (т. е. по названию ущелья или населенного пункта). Все эти факты проливают свет на этимологию ряда топонимов, которые выступают как самоназвания этнических групп. В связи с отсутствием других письменных источников, народная этимология, различные легенды и истории о происхождении того или иного названия местности приобретают в данном случае определенную значимость. Отдельные непонятные с точки зрения современного балкарского языка топонимические наименования целесообразно сверять с фактами древнетюркских письменных памятников, языков предполагаемых предков балкарцев — половцев-кипчаков и современных (других) родственных тюркских языков. Ценные языковые материалы содержатся в Древнетюркском словаре, в котором более 20 000 слов и словосочетаний V—XIII вв., т. е. так называемый домонгольский период орхоненской письменности: памятник в честь Кюль-Тегина, памятник Бильге-кагану (хану Могилянцу), памятник в честь Тюньюкука, Онгинский памятник, памятник Моюн-чуру и памятник Куличуру. Одной из групп источников словаря является словарь тюркских языков Махмуда Кашгарского, составленный в XI в.

Казалось бы, какая связь между этими пись-

⁴³ Академик Бартольд В. В. Сочинения, т. 5, с. 143.

менными памятниками, составленными далеко от Северного Кавказа, и карачаево-балкарским языком. Это правомерно хотя бы потому, что Северный Кавказ в VI—VII вв. находился в составе западно-тюркского каганата⁴⁴.

Болгары были в то время в тесном контакте с тюркским каганатом: «До 630 г. они (болгары) охраняли западную границу каганата от возможного нападения аваров, но восстание кутургуров против аварского хана отодвинуло эту границу. Выиграл от распри только один болгарский вождь Кубрат. Сначала он избавился от тюркютов и хазар, поддерживая своего дядю Сибирь-Хана. Затем, используя отдаленность от центра каганата, он превратился в самостоятельного владетеля»⁴⁵.

Из сохранившихся письменных памятников наиболее близким к балкарскому языку является *половецко-кипчакский*. Ему отводится в словаре тюркских языков Махмуда Кашгарского большое место. И поэтому эти материалы представляют определенный интерес для исследования карачаево-балкарского языка. Кроме того, по свидетельству Л. Н. Гумилева, «в древности кипчаки жили на Алтае в долине, называемой китайцами Чжелян, что означает слово Джилан «змея»... там они назывались (надпись «селенгинского камня». — Б. М.) тюрки-кипчаки».

Все это дает основание считать, что при выяснении этимологии непонятных балкарских топонимических названий необходимо обращаться к фактам памятников древнетюркского языка, учитывая фонетические, морфологические, лингвистические раз-

⁴⁴ См. карту «Завоевания тюрков (550—600 гг.)» в книге Л. Н. Гумилева «Древние тюрки» (М., 1967, с. 127).

⁴⁵ Гумилев Л. Н. Указ. раб., с. 202.

личия между современным карачаево-балкарским языком и другими родственными языками. При изучении топонимов следует использовать и влияющие соседних языков — кабардинского, сванского, осетинского, русского, оказавших определенные воздействия как на весь язык балкарцев, так и на топонимические названия Балкарии.

Каждому ясно, что сравнивая только с фактами древнего языка, нельзя выяснить этимологию всех тех топонимов, которые непонятны носителю современного языка. Односторонность такого подхода к научной проблеме более чем очевидна. Необходимо учесть, что название объекта — слово, которое в свое время несло на себе определенную семантическую нагрузку или же было названием племенной группы. Так как с первых веков нашей эры Центральное Предкавказье населяли в основном тюркоязычные племена, то этимологию непонятных из современного балкарского языка местных названий Балкарии нужно искать, конечно, в первую очередь именно в языках тюркской группы. О тюркском языке, из которого развились современные тюркские языки, теперь уже почти не спорят. Благодаря убедительным выводам, к которым пришли крупные тюркологи, особенно такие, как Б. Я. Владимирцев, Н. А. Баскаков, алтайская теория прочно вошла в тюркологическую науку. Если исходить из этого, то корни многих непонятных топонимов бесполезно искать и в монгольском языке. Кроме того, Северный Кавказ долгое время находился под игом монголов, и это также могло оказать определенное влияние на топонимику края.

«Монгольский язык вместе с тюркским и тунгусским имеет одного общего предка, которого условно можно назвать алтайским языком. Алтай-

ский язык неизвестен, но зато известны алтайские языки, т. е. монгольский, тюркский, тунгусский, получившиеся в процессе развития алтайского языка», — писал в свое время академик Б. Я. Владимирцев⁴⁶.

Карачаево-балкарский язык в своем развитии входил в разные языковые контакты со многими соседними, в том числе с нетюркскими. Исходя из имеющихся сведений, на территории Балкарии долгое время жили, кроме чисто тюркоязычных народов, еще и аланы. Язык алан до сих пор считался иранским, но в настоящее время выдвигаются другие гипотезы. В частности, Х.-М. И. Хаджилаев пишет: «Обнаружение древнетюркских руднических надписей в верховьях Кубани, в одном из важнейших центров средневековой Алании, возможности дешифровки надписи Зеленчукского памятника на основе карачаево-балкарского языка, топонимический материал..., наличие этнонима «алан» в языке карачаевцев и балкарцев в значении «единомышленник, друг, товарищ» и ряд других факторов дают основание считать средневековых алан бассейна Кубани и Балкарии тюркоязычными»⁴⁷. Опираясь на имеющиеся материалы, известный археолог Е. Л. Алексеева также утверждает, что «наряду с «черными болгарами» и кипчаками одним из основных компонентов в формировании карачаевской и балкарской народностей были древние кавказские племена, носители так называемой «кобанской культуры», и северо-кавказские аланы, подвергав-

⁴⁶ Владимирцев Б. Я. Географические имена орхонских надписей... — Доклады АН СССР. Л., 1929, с. 18.

⁴⁷ Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970, с. 45.

шнися тюркизации в средние века»⁴⁸. Вышеприведенные утверждения не бесспорны, и, как известно, не все согласны с ними, но, как говорится, в споре рождается истина, и науке предстоит в будущем решить этот вопрос.

О целесообразности обращения к другим родственным языкам при установлении этимологии слов свидетельствует высказывание профессора Н. К. Дмитриева и Ф. Г. Исхакова: «Мы иногда неожиданно встречаемся с такими словами, которые обычно употребляются в наиболее далеких от него (карачаевского языка.— Б. М.) языках. Например, **ножницы** почти во всех тюркских языках называются словом «кайчы», в соответствующих для того или иного языка фонетических вариантах этого слова. В турецком языке ножницы называют «макас», в карачаевском — «кынты». И вдруг мы встречаем «хынты» в хакасском, «кыпты» в шорском и «кыптый» в якутском. Какая может быть общность между карачаевским и этими языками — непонятно»⁴⁹.

Множество подобных лингвистических фактов можно найти в тюркских языках. Это объясняется, с одной стороны, бесконечной миграцией народонаселения и бурной историей тюркских народов, с другой — существованием в свое время тюркского праязыка. В свою очередь, такая лингвистическая связь между различными тюркскими языками может служить подтверждением правильности алтайской гипотезы о развитии тюркских языков из одного языка — основы.

⁴⁸ *Алексеева Е. Л.* Карачаевцы-балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, с. 41.

⁴⁹ Проф. *Дмитриев Н. К., Исхаков Ф. Г.* Вопросы изучения хакасского языка и его значение. Абакан, 1954, с. 22.

Этимологический анализ отдельных топонимов

Установление этимологии топонимов — один из сложных вопросов топонимики. При этом нужно иметь в виду, что «задачи этимологических исследований при изучении лексики и топонимики различны: в одном случае надо установить происхождение слова, в другом его значение»⁵⁰. Проанализируем этимологию некоторых непрозрачных топонимов.

Азау — название ряда мест в Баксанском ущелье на границе между Балкарней и Сванетией в районе Приэльбрусья: **Азау тала** «Азау — поляна», **Азау** — перевал через Главный Кавказский хребет, **Азау чыраны** «Азау — ледник», **Азау чегет къара башы** «Азау — теневая черная вершина (гора)». Вероятнее всего, первичным является **Азау-тала** «Азау-поляна». Неубедительно будет, если этимологизировать Азау как искаженный географический термин аууз «ущелье», азыу «коренной зуб». Правильным считаем предположение Дж. Кокова, что Азау — имя собственное. Но при этом он приводит в качестве примера сванское имя Азав⁵¹. Скорее всего это слово тюркского происхождения. В пользу такого утверждения говорит практика применения этого слова в качестве мужского собственного имени в Карачае и Балкарии. Допустима из тюркского и этимология слова Азау, впоследствии ставшего собственным именем. В памятниках древнетюркского языка Азау означало «удивление», «изумление», «изумительный», «удивительный»: *сафалыкъ азау иер кёнгуллар йарур* «прият-

⁵⁰ Матвеев А. К. Субстратная топонимика Русского Севера ВЯ, 1964, № 2, с. 65.

⁵¹ См.: Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 26.

ное, удивительное место, просветляющее душу»⁵². А кто знаком с нормами тюркской антропонимии, поверит в возможность слова с таким значением стать собственным именем. Можно было появление топонимического названия **Азау** непосредственно связать с этим древнетюркским словом, но наличие собственного имени Азау убеждает нас в том, что именно через собственное имя оно могло закрепиться за местностью.

Басхан//Баксан — одна из значительных рек в Кабардино-Балкарнии. Берет начало в ледниках южного склона Эльбруса. Также называется ущелье, селение и город в нижнем течении реки. Первичность названия гидронима, которое впоследствии перенесено на названия других объектов, признается всеми. Но по поводу происхождения гидронима **Баксан** имеются многочисленные и разноречивые толкования.

Дж. Н. Коков, С. О. Шахмурзаев в своем словаре приводят несколько различных мнений ученых по этимологии названия **Баксан**, но сами не приходят ни к какому решению⁵³. Известный просветитель адыгов Ш. Б. Ногмов возводит этимологию Баксан к имени витязя Баксиена, прославившегося в глубокой древности⁵⁴. Балкарский историк И. Мизиев считает возможным искать появление гидронима Баксан в собственных именах исторических личностей. В частности, он пишет, что в середине V в. — 448 г. войско гуннов под предводительством Басых через Дарьяльское ущелье дошло до Грузии и нанесло поражение войску иранского

⁵² *Древнетюркский словарь*. М., 1969, с. 52.

⁵³ *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 38.

⁵⁴ *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1947, с. 43.

шаха, после чего предводителя стали называть Басых-хан. Исходя из того, что в те времена на данной территории были широко распространены тюркские народы, И. Мизиев считает этимоном гидронима **Баксан** имя Басых-хана⁵⁵. А. В. Суперанская также объясняет происхождение названия Баксан из личного имени Бака-Асан-Хаджи⁵⁶.

П. С. Рототаев⁵⁷ придерживается мнения К. Ф. Ган о происхождении интересующего нас гидронима: из черкесского *бахе* «пар» и *сане* «вино», т. е. «пенящаяся вода»⁵⁸.

Исследуя **Баксан//Басхан**, Х.-М. И. Хаджилаев приходит к такому заключению: «Гидроним **Басхан//Баксан** имеет значение «затопляющая, разливающаяся» (причастная форма на *-хан* от карачаево-балкарского глагола *бас* «затопить») и наиболее полно характеризует свойство этой реки, которая ежегодно в соответствующие времена года, выходя из берегов, затопляет прибрежные низины»⁵⁹. При этом он ссылается на Г. И. Донидзе, что и в других тюркских языках аналогичные отглагольные географические названия имеют широкое распространение⁶⁰.

⁵⁵ Мизиев И. Географические названия Балкарии.— Газ. «Коммунизмге жол». 1979, 16 июня.

⁵⁶ Суперанская А. В. Топонимический словарь Крымской области. — В кн.: IV Республиканская аноматична конференция. Киев, 1969, с. 147.

⁵⁷ Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 27.

⁵⁸ Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Тифлис, 1909, с. 21.

⁵⁹ Хаджилаев Х.-М. И. К топонимике Карачая и Балкарии. В кн.: Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970, с. 2.

⁶⁰ Донидзе Г. И. Глагольные топонимы в тюркских языках.— Сб. Топонимика Востока, 1964, с. 41.

Но исследования ведущих топонимистов нашей страны и других ученых показывают широкое, почти глобальное распространение компонента — *хан* в разных фонетических вариантах (*кан, ган, гон, гун, ком, хом, кем, хем*) в значении «река», «вода» и других гидронимических объектов. По этому поводу А. П. Дульзон пишет: «Специфична для Тувы большая серия речных названий на *хем* (*кем*). Эти названия составляют плотный ареал, занимающий всю Туву, юго-восток Горно-Алтайской области и территорию Красноярского края к югу от Минусинска»⁶¹. О распространении элемента — *кан* в составе гидронимов от Хабаровска до Енисея, включая всю территорию эвенкийского языка, подтверждает Ким Чер Лен⁶². По мнению К. Ф. Гриценко компоненты — *кан* и *ган* активно участвуют в образовании гидронимов Якутии и применяются с оттенком уменьшительности⁶³.

В. А. Никонов склоняется к тому, что *кан* как нарицательное имя означает «река», «приток» (из тунгусо-маньчжурских языков)⁶⁴. Э. М. Мурзаев происхождение элементов — *кам, кем, кан* связывает с корейским *кан, канг, ган* «река», «вода», с индийским *ганг* «река», «большая река», (у монголов — «крутой высокий берег реки, обрыв, овраг, утес») и выводит из индоевропейских языков⁶⁵.

Что касается древних тюркских языков, то этот

⁶¹ Дульзон А. П. Топонимы Средней Сибири.—Изв. СОАИ СССР. Серия общ. наук, № 5, 1965, с. 112.

⁶² Ким Чер Лен. Гидронимический ареал — *кан* в средней Сибири. — Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964, с. 148.

⁶³ Гриценко К. Ф. Названия рек и озер Якутии. АКД. Томск, 1968, с. 15.

⁶⁴ Никонов В. А. Краткий топонимический словарь М 1966, с. 172.

⁶⁵ Мурзаев Э. М. Природа Синцзяна. М., 1966, с. 348.

гидронимичный элемент в формах *кан*⁶⁶, *кем*⁶⁷ встречается в памятниках древнетюркской письменности. А ареалом распространения компонента — *кан* можно считать большие территории с тюркоязычным населением: Кавказ, Казахстан, Среднюю Азию, Сибирь.

Анализируя гидронимы подобного типа, А. Абдрахманов приходит к заключению об общности казахских гидронимов *Баскан*, *Саркан* и элементов *-кан*, *-кем*, широко представленных в тюркских, тунгусо-маньчжурских и корейском языках Алтая и Сибири. По мнению А. Абдрахманова *Баскан* от *бас* + *кан* «большая, главная + река», *Саркан* от *сары* + *кан* «желтая + вода, река»⁶⁸.

В Кабардино-Балкарии с участием компонентов *хан*, *кан*, *кен* имеется несколько гидронимов: *Кам*, *Улу кам*, *Шаукам*, *Лескен*, *Чегем*, *Басхан*, притоки самой реки *Баксан*: *Кызген*, *Жантуган*; *Саугам*, *Фазыкам*; в Карачаево-Черкесии — *Учкекен* и др. К. А. Мизиев, сопоставляя *Басхан* с названиями Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока, делает вывод о том, что название реки *Баксан*// *Басхан* этимологически однотипно с гидронимами вышеназванных ареалов и считает *Басхан* от *баш* (в диалектах *бас*) + *хан* «основной + приток» (ссылается на то, что *Баксан* — основной приток реки *Малки*)⁶⁹.

Безусловно, все перечисленные нами мнения

⁶⁶ *Кляшторный С. Г.* Кангуйская этнотопонимика в орхонских текстах. — Советская этнография, 1951, № 3.

⁶⁷ *Айдаров Г.* Из материалов древнетюркской письменности (языковые особенности памятника Моюн-Чор VIII века). *Алма-Ата*, 1966, с. 8.

⁶⁸ *Абдрахманов А.* Топонимика жане этимология. Алматы, 1975, с. 79.

⁶⁹ *Мизиев К. А.* О топонимии Балкарии. — Советская тюркология, 1978, № 2, с. 36.

ученых об этимологии гидронима **Баксан**, где, опираясь на различные источники, приводятся возможные варианты происхождения данного названия, не лишены научной логики. Но такое повсеместное распространение гидроформантов — *кан*, *кем* не может быть отклонено как случайное явление, оно выступает как целая система. А системный подход к языковым явлениям — одно из достижений современной лингвистики. Ю. А. Карпенко пишет: «Два важнейших начала — учет фонетических и вообще языковых закономерностей и комплексный, системный подход были соединены в отечественной топонимике в работах послевоенного времени. Этим самым топонимическая этимология вступила в новый третий период своего развития»⁷⁰.

Одним из факторов, который делает правомерным и целесообразным учет таких арханчных элементов как *кан//кем* при этимологизации названия реки Басхан//Баксан, является относительная арханчность самих гидронимов вообще по сравнению с другими типами топонимов. Как пишет А. И. Яценко, «наибольший интерес для лингвистики, а также для других наук гуманитарного цикла (истории, археологии, этнографии и др.) представляют гидронимы как самые древние по сравнению с другими географическими названиями»⁷¹. Об этом же свидетельствует наличие гидронима — *кан* в составе древнейшего этнонима — *канглы*⁷².

⁷⁰ Карпенко Ю. А. История этимологического метода в отечественной топонимике. — В сб.: Развитие методов топонимических исследований. М., 1970, с. 13.

⁷¹ Яценко А. И. Гидронимический словарь Посемья. — В кн.: Проблемы ономастики. Вологда, 1974, с. 3.

⁷² Кенесбаев С. К., Джанузаков Т. Д. О лексических пластах ономастики казахского языка. — Советская тюркология, 1976, № 3, с. 83.

Исходя из всего сказанного можно заключить: **Басхан//Баксан**, видимо, восходит к *бас(баи) + хан* «главная река». Что касается метатезы **Басхан//Баксан**, то это явление обычное для карачаево-балкарского языка: *ахча//ачха* «деньги», *асхакъ//акъсакъ* «хромой», *бахчыч//бачхыч* «лестница», *ачхыч//ахчыч* «ключ» и др.

Булунгу—селение в Чегемском ущелье. Дж. Кокков, ссылаясь на Э. и В. Мурзаевых, связывает этимологию этого названия с термином *булун, булунг*, «округлый залив реки, излучина реки» (тюрк.). Мотивировка Дж. Коккова не лишена логики. В киргизском языке *булунг* — залив, может означать «угол»⁷³, в монгольском языке понятие «угол» также передается словом *буланг*⁷⁴. Нельзя сказать, что расположение самого селения **Булунгу** по отношению к речке Чегем не соответствует значению «излучина реки», хотя мало где данная речка имеет прямое течение. Но нам более вероятной кажется другая версия. Из материалов древнетюркского языка можно извлечь следующие значения слова **булунг**: 1) «угол»; 2) «страна света», «направление горизонта»; 3) «край», «конец». Наиболее верно характеризует природные условия местоположения селения **Булунгу** третье значение—«край», «конец», зафиксированное и в древнетюркских памятниках: *йагълыгъ къамыч булунгын йалгъайу тирилмиш* «она полизала край масляного ковша и ожила», *булунгсуз* «бескрайний»⁷⁵. В балкарском языке есть архаизм **булунгу** в смысле «крайний», но он, правда, стал для многих уже непонятным. Селение

⁷³ См.: *Киргизско-русский словарь*. Составитель Юдахин К. К. М., 1965, с. 159.

⁷⁴ См.: *Русско-монгольский словарь*. Составители Дамба-Ринчинэ А. Р. и Мупкин Г. С. М., 1960, с. 700.

⁷⁵ См.: *Древнетюркский словарь*. М., 1969, с. 124.

Булунгу действительно является самым крайним, конечным населенным пунктом в ущелье. Отсюда уже начинается дорога к перевалу, и нет удобных для расположения поселений мест. По нашему мнению, топоним **Булунгу** восходит к понятию «конечное», «крайнее» селение в ущелье. *Булунг* «конец» + аф. *-гу* = **Булунгу** «конечный».

Уллу кам — речка в Баксанском ущелье. Имеется несколько названий с компонентом *кам*: **Уллу кам башы** — горный хребет в Баксанском ущелье, **Уллу Орта кам** — речка в Баксанском ущелье, **Кам** — селище в Чегемском ущелье. Первая часть топонима **Уллу кам** в балкарском языке означает «большая». Это слово общетюркское. В отношении второго компонента данного географического названия мнения исследователей расходятся. Некоторые из ученых слово **кам** сводят к староосетинской форме из общеиранского **ком** в значении «пасть, небо, глотка, ущелье» (В. И. Абаев, Дж. Н. Коков, А. Цагаева, Э. М. Мурзаев), к индоевропейскому корню с аналогичным значением (А. П. Дульзон), к угро-финскому корню (В. А. Никонов).

По В. И. Абаеву, на современном осетинском языке слово **ком** — 1) «рот», «отверстие», «пасть»; 2) «ущелье»; 3) «острие» — является общеиранским, «хотя, — как он пишет, — прямых древнеиранских соответствий не видно». И он делает вывод, что «староосетинская форма **кам** отложилась в названиях ущелий горной Кабарды: Сау-кам, Месте-кам, Уллу-кам, Дани-кам и др.»⁷⁶ Дж. Н. Коков также склоняется к этому мнению⁷⁷. В. А. Ни-

⁷⁶ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958, с. 598—599.

⁷⁷ См.: Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 41, 73, 129.

конов название реки Кама связывает с удмуртским **кам** «река»⁷⁸. А. П. Дульзон, ссылаясь на наличие этого слова в германских языках в названиях рек, считает это слово от индоевропейского корня⁷⁹.

Карачаевский же языковед Х.-М. И. Хаджилаев на материале карачаево-балкарского и других тюркских языков убедительно доказывает тюркоязычное происхождение топонимического элемента *кам*⁸⁰. В частности, он делает упор на языковые факты других тюркских языков: в Туве и на Алтае имеется несколько десятков названий рек с элементом *кем*, *хем*. Даже Енисей тувинцы и хакасы называют словом *Кем//Кам*. Х. Хаджилаев в своей работе возражает высказыванию Э. М. Мурзаева о том, что «это слово в тувинском языке употребляется только в названиях рек. Отсюда можно сделать вывод, что оно не тувинское, а иноязычное, сохранившееся только в топонимике». Х. Хаджилаев резонно замечает, «а где же должно употребляться (слово.— Б. М.), обозначающее понятие «река», если не в названиях рек?» Он отрицает ираноязычное происхождение гидронимов *кам*, *кэм*, *хэм*, *гэм* на том основании, что они встречаются и в таких местах, где ираноязычные племена никогда не были.

Кам употребляется в карачаево-балкарском языке не только в топонимах, но и в географическом термине *айрыкам* «остров, земля, окруженная водой». Слово *айрыкам* состоит из двух самостоятельных слов: *айры* + *кам*, где *айры* «разделенная», *кам* «река, вода» (из общетюркского). В

⁷⁸ См.: Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 170.

⁷⁹ См.: — В сб.: *Топонимика Востока*. М., 1964, с. 15.

⁸⁰ См. Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970, с. 26—29.

современном карачаево-балкарском языке **Кам** в значении «река, вода» самостоятельно не употребляется, но из контекста вышеприведенного примера явствует, что оно дает понятие о воде, так как остров может «разделить» только воду.

Кам как географическое название зафиксировано и в древнетюркских языках⁸¹. К тому же, по словам Х. Хаджилаева, академик Б. Я. Владимирцев в своей работе «Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском языке» указывал, что верховье Енисея было известно тюркоязычным племенам под названием **Кам**, (**кэм**) еще в VI—VIII вв., и сопоставлял это слово с монгольским письменным **кэм**⁸².

Итак, этимология топонима **Уллу кам**, возможно, сводится к карачаево-балкарскому **Уллу** «большая» + общетюрк. **кам** «река».

Шаукам — пастбище, речка и ущелье в верховьях рек Баксана и Малки. Дж. Н. Коков и С. О. Шахмурзаев, опираясь на высказывание В. С. Миллера, а затем и В. И. Абаева, этимологию этого топонима сводят к осетинскому **саукам** «черное ущелье»⁸³. В одно время с легкой руки В. С. Миллера и М. Ковалевского не только географические названия Балкарии и Карачая, но и их язык стал считаться чуть ли не полуиранским, полутюркским. А самих карачаевцев и балкарцев эти исследователи называли «отатарившимися осетинами»⁸⁴. В. И. Абаев, в свое время критикуя Миллера, по этому поводу писал: «Следуя методу Миллера—

⁸¹ См.: *Древнетюркский словарь*. М., 1969, с. 297.

⁸² *Доклады АН СССР*, 1929, № 10, с. 171.

⁸³ См.: *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 146.

⁸⁴ *Абаев В. И.* Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. — *Язык и мышление*. Л., 1933, № 1, с. 275.

Ковалевского, не представило бы особого труда доказать, что ни у кого другого, как у осетин, эти несчастные балкарцы научились кушать хлеб, ходить на ногах и рожать детей»⁸⁵. Сомнительность этимологии топонима **Шаукам** от осетинского **Саукам** видна хотя бы из того, что форма **саукам** в балкарской среде никак не могла измениться в **Шаукам** по той простой причине, что саукам имеет в балкарском языке прозрачную этимологию: *сау* «целая, цельная, здоровая» + общетюрк. *кам* «река». Иноязычные топонимы, да и вообще любые слова в чужой языковой среде изменяются так, чтобы они стали понятными, прозрачными, фонетически созвучными с собственными словами. Приведем ряд примеров трансформации названий: селу Сумароково незаметно было дано название Саморуково, тюркское название **Сары тау** «желтая гора» в русском произношении стало Саратов, **Акь тѣбе** «белый холм» — Актюбинск⁸⁶; **Уллу тау** «большая гора» — гора Улутова; **Зилен тау** «зменная гора» — Зилантова гора⁸⁷; иностранное слово **бульвар** первоначально трансформировалось в «гульвар» в результате ассоциации с понятием «гулять», «место для гулянья» и т. д. Этимология топонима **Шаукам** скорее всего сводится к балкарскому *шау* «скверное» + *кам* «река, вода». Компонент *шау* в карачаево-балкарском языке относится к пассивному слою словарного фонда. Его архаичность лишней раз подтверждает вышесказанное предположение. Как уже говорилось, принципы номинации геогра-

⁸⁵ *Абаев В. И.* Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев.—Язык и мышление. Л., 1933. № 1, с. 173.

⁸⁶ См.: *Жучкевич В. А.* Общая топонимика. Минск, 1968, с. 83—87.

⁸⁷ См.: *Попов А. И.* Географические названия. М.-Л., 1965, с. 133.

фических наименований были самые разнообразные, порой даже маловероятные на первый взгляд: **Обурла кьусдургъан**, букв «ведьм заставившее рвать»; **Тону юлешген тѣбе** «холмик, где делили награбленное»; **Къуш уя** «гнездо орла». Обширные пастбища носят название **Къочхар таш**, букв.: «баран-камень». Понятные с точки зрения современного языка слова дают непонятные сочетания: **Уллу жютю**, букв.: «большой, острый»; **Хажибаш** «с чалмой на голове»; **Киши тюзю** «долина чужого» и т. д.

Кыртык — небольшое ущелье в верховьях Баксана, **Кыртык суу** — речка там же; **Кыртык аууш** — перевал через северо-восточный отрог Эльбруса из долины реки Малки в Баксанское ущелье. По Дж. Н. Кокову, этимология топонима **Кыртык** сводится к **кырдык** «зелень», «растительность»⁸⁸. П. С. Рототаев склоняется к этому же мнению: **Кыртык**—**кырдык** «трава»⁸⁹. Однако каким же образом понятное для балкарцев слово **кырдык** «трава» в их же среде превратилось в непонятное **Кыртык**. Соответствия т и д в тюркских языках допустимы, но они, как в свое время указывал первый тюрколог М. Кашгарский, в основном имеют место в начальной позиции слов⁹⁰. Если говорить конкретно о фактах балкарского языка, то ясно вырисовывается, что в середине слов звуки д и т носят разные семантические нагрузки, ср.: *керди* «растянул» и *кертти* «правда», *алды* «взял» и *алты* «шесть», *жарды* «расколол» и *жарты* «половина, часть» и др. Нам кажется более близким к истине другой вариант,

⁸⁸ См. *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 79.

⁸⁹ См.: *Рототаев П. С.* Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 55.

⁹⁰ См.: *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 71.

связанный с балкарским словом *кырты* «скверное, бедственное, злосчастное, злополучное, горестное». Известно, что население Верхнего Баксана, который расположен у входа в ущелье *Кыртык*, неоднократно страдало от наводнений. Бурные потоки грязной воды, образованные чаще всего от таяния снегов и продолжительных ливневых дождей, сносили все живое на своем пути. Не обошли они и теперь цветущее селение Верхний Баксан, которое в последний раз в 60-е годы нашего века было почти стерто с лица земли. На месте новопостроенных добротных домов остались одни нагромождения огромных валунов. Уцелели только здание школы и несколько домов на окраине села. Государство для пострадавших выделило средства на строительство нового селения на другом берегу реки Баксан. В верхней части ущелья имеется котловина, которая, постепенно заполняясь водой, образует озеро. Оно в особо дождливые годы переполняется, и вода устремляется вниз, уничтожая все на своем пути и принося неисчислимые бедствия. Это явление могло стать причиной того, чтобы назвать ущелье в прошлом *Кырты кьол* «злосчастное ущелье». По принципу языковой экономии, как это нередко наблюдается в топонимике, географический термин *кьол* постепенно мог отпасть, а компонент *кырты* для полноты слога и звучания мог присоединить к себе *-кь*. Но по нормам тюркских языков *-кь* мог присоединиться к слову *кырты*, лишь превратившись в *-к*. Таким образом, вероятнее всего *Кыртык* произошло следующим образом: *Кырты кьол* — *Кырты + кь* — *Кыртык*.

Чегем — это название носят: ущелье и река, впадающая в Баксан, перевал, два крупных селения, расположенных в Чегемском ущелье — **Огъары** «Верхний» и **Тёбен** «Нижний» **Чегем**. Дж. Коков, при

водя этимологию А. Будаева, Чегем от *Чек* «граница» + *гем* «река»⁹¹, сам полагает, что происхождение гидронима неясно⁹². Мы присоединяемся к мнению А. Будаева, так как оно действительно отражает признаки этого гидронима. Считаем, что гидроним первичен среди остальных названий. Другие объекты переняли название реки. Как было уже отмечено, Чегемское ущелье было местом древнейшего заселения людей, о чем свидетельствуют археологические материалы. И не удивительно, что именно в составе одного из главных и общеизвестных топонимов Балкарии — в гидрониме **Чегем** сохранился древний географический термин *кем//кам* «река». О древности этого слова пишет Х. Хаджилаев «...считаем возможным отнести слово *кам//кэм//хэм* к образованиям урало-алтайской языковой общности, когда финно-угорские языки были еще слабо разобщены с языками алтайскими. Более поздняя же дифференциация алтайских языков, как известно, дала две крупные группы современных языков: тунгусо-маньчжурскую и тюрко-монгольскую»⁹³, при этом автор ссылается на Н. А. Баскакова и Б. Я. Владимирцева. Что касается первого компонента слова *чек* «граница», «пограничная», то множество топонимических названий Балкарии и тюркоязычных республик содержат в составе этот элемент: **Чек кьол** «пограничная балка» в окрестностях селения Гунделен; **Чек дуркьу** «пограничная вежа» в Хуламо-Безенгийском ущелье; **Чек кьулакь** «пограничное русло» в окрестностях селения Хабаз и т. д.

⁹¹ Газ. «Коммунизмге жол», 1967, 29 ноября.

⁹² *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь, с. 142.

⁹³ *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970, с. 29.

В настоящее время трудно объяснить, почему река Чегем называлась «пограничная река», ибо это закрыто пеленой истории. Вероятнее всего, изменение топонима *Чегем* шло так: *Чек кам — Чегам — Чегем*.

Тырныауз — город в Баксанском ущелье. Происхождение этого названия связывали с разными словами. П. С. Рототаев, например, сводит его этимологию к словам *тырна* «царапать», *тырнаууч* «борона, грабли»⁹⁴. Г. Н. Подъяпольский же доказывает, что она ближе к словам «обрыв, ущелье» или «ущелье ветров»⁹⁵. Эти версии, как нам кажется, необоснованны. Есть и другие предположения. Старожилы считают, что исследуемый топоним происходит от карачаевского слова *турна* «журавль» + *аууз* «ущелье». Они объясняют это тем, что в прошлом данную местность занимали карачаевцы (остались фундаменты домов карачаевского селения Эл журту), которые наблюдали, как ежегодно в определенное время стаи журавлей пролетали над этим местом. Потому оно и получило название **Турна аууз** «журавлиное ущелье», «журавлиная теснина».

И тем не менее наиболее близкой к истине, на наш взгляд, является этимология, приводимая Дж. Н. Коковым: **Тырнаууз** от *тар аууз* «тесное (узкое) ущелье», как объяснил этот топоним в своих записях один из первых дореволюционных балкарских просветителей Исмаил Урусбиев. Изменение данного названия Дж. Н. Коков представляет так: *Тар аууз — Тарны ауузу — Тырны ауузу — Тырныауз*. Как известно, город образовался на ме-

⁹⁴ См.: *Рототаев П. С.* Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 80.

⁹⁵ См.: *Подъяпольский Г. Н.* Достопримечательные места КБАССР. Нальчик, 1968, с. 156.

сте нескольких населенных пунктов — Огъары Камук, Тёбен Камук, Тотур, Гирхожан. Первоначально интересующее нас топонимическое название носил один из небольших участков ущелья. Эволюция названия *Тырныауз*, очевидно, такова: *Тарны аузу* — *Тарны аууз* — *Тарнауз*, отсюда письменная форма *Тырныауз*. Необходимо отметить, что в устах балкарцев, особенно местных жителей Баксанского ущелья, название города звучит именно *Тарнауз* (где гласный звук в первом слоге произносится между «а» и «ы», а из последних первое «у» произносится между «у» и «в»). Так что первоначальный топоним *Тарны аузу*, а не *Тар аууз*, в значении «вход в теснину» почти не претерпел фонетических изменений.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ТОПОНИМОВ

Общие принципы

Принципы номинации географических объектов тесно связаны не только с социально-историческими условиями развития общества и природными условиями края, но и с историческими этапами эволюции самого языка, его средств выражения. Географические наименования любого региона состоят из собственных имен и апеллятивной лексики с определенной семантической нагрузкой.

Вопросы семантической классификации географических названий в своих трудах в той или иной мере затрагивают почти все топонимисты.

Ш. Кадырова, например, делит топонимы на образованные от личных имен, фамилий, псевдонимов, прозвищ; от топонимов по названиям растений, птиц и животных; по характеристике почвы и рельефа; внешнему виду, форме и размеру объекта; местоположению объекта; по названиям, связанным с религиозными понятиями и представлениями, отражающим связь с торговлей; по профессии; в честь исторических и иных событий; от этнических наименований¹. Ч. Мирза-заде, классифицируя топонимы Азербайджана, основывается и на истории возникновения их, выделяя имена этнического происхождения; имена антропо-

¹ См.: *Кадырова Ш.* Микротопонимы Ташкента. Ташкент, 1970, с. 55—97.

номического происхождения; чужеземные имена; названия, образованные по физико-географическим признакам местности; по сходству местности с чем-либо; притяжательные названия; названия, указывающие на род занятия населения; образованные в результате происшествий; возникшие на основе социально-исторических преобразований; полярные названия, возникшие при переселении части населения в другие районы². Почти подобным образом классифицировали географические названия многие топонимисты.

Аналогичность классов, которые выделяют авторы при исследовании топонимов с семантической стороны, видимо, связана с относительной однородностью применяемых лексических средств языков и принципов номинации географических объектов в разных реалиях. При этом необходимо опираться как на закономерности конкретного языка, так и на законы общего языкознания. «Знание законов языкознания обязательно для топонимиста, если только он хочет выйти из стадии собирательства и любительства»³.

Разбивка географических названий на семантические классы только по историческим и социальным признакам без связи с географической средой была бы ошибочной, однобокой. На особенности географической среды как на один из источников наименования географических объектов обращали внимание в своих работах еще В. Ф. Саваренский и П. П. Семенов-Тяньшанский. На примере анализа названий оврагов, включающих местные геогра-

² *Мирза-заде Ч.* Факторы образования азербайджанских географических названий. — Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1974, № 4, с. 64—71.

³ *Мурзаев Э. М.* Основные направления топонимических исследований. — Принципы топонимики. М., 1964, с. 23.

фические термины яр, яруга, плота, верх, в бассейне верхнего и среднего течения р. Сейм (Курская область) А. И. Яценко показал, что эти названия отражают прежде всего особенности рельефа исследуемого района⁴.

Об этом же, исследуя казахские топонимы, О. А. Султаньяев пишет: «Смысловая характеристика микрообъектов может быть в двух планах: характеристика свойств объекта или его принадлежность какому-либо лицу»⁵.

С. Л. Берг, признавая несомненное достоинство работ В. А. Никонова, их доступность широкому кругу читателей, оспаривает, подкрепляя примерами, установленные им законы топонимики (основной закон, законы относительной негативности, ряда, подразделения по видам объектов). Особенно он критикует его утверждение об отсутствии связи между названиями и свойствами называемых географических объектов⁶. На связь названия с естественной характеристикой местности обращает внимание и А. И. Попов: «...весьма существенно установление соответствия смысла географического названия с его реалиями — естественными географическими характеристиками объекта. Все это должно входить в состав исторической основы топонимического исследования — исторического в самом широком смысле»⁷.

Географические объекты могут быть названы ис-

⁴ См.: Яценко А. И. Топонимы и географическая среда. — В сб.: Географическая среда и географические названия. Л., 1974, с. 51—56.

⁵ Султаньяев О. А. Казахские микротопонимы Кокчетавской области. — В сб.: Ономастика. М., 1969, с. 209.

⁶ См.: Берг С. Л. — В сб.: Географическая среда и географические названия. Л., 1974, с. 5—12.

⁷ Попов А. И. Географические названия. М.-Л., 1965, с. 7.

ходя из их природных признаков или их пригодности для хозяйственных нужд человеческого коллектива.

По А. Камалову: «Основным источником возникновения гидрографических названий являются физико-географические особенности самого объекта»⁸.

При семантической классификации топонимов мы исходим из известного принципа, что всякое название исторично. Истинность этого тезиса, выдвинутого в свое время В. А. Никоновым, доказана последующими исследованиями по топонимике. Но в то же время автор этого тезиса считал ошибочными и вредными многочисленными попытки исследователей «сортировать» названия «от растений», «от животных», «от почвы», «от истории»⁹. По нашему мнению, такая работа была бы вредной, если основным направлением исследовательской работы стала бы именно такая сортировка. А для выяснения семантической стороны названия она небесполезна. На Центральном Кавказе, где главной отраслью хозяйства является животноводство (что в свою очередь тесно связано с добыванием кормов для скота, наличием природных пастбищ), названия растений могли в иных условиях выступать названиями географических объектов.

Топонимические названия могут выявить свою семантическую сущность в системе, в ряду названий себе подобных. Казахский ученый А. А. Абдрахманов в своем сообщении приводит интересное высказывание проф. В. Семенова-Тяньшанского о том, что в северных районах Европейской части России имеются топонимы, связанные с леднико-

⁸ Камалов А. О топонимии Башкирии. — Советская тюркология. Баку, 1980, № 2, с. 46.

⁹ См.: Принципы топонимики. М., 1964, с. 81.

выми явлениями, а в южных районах — топонимы, связанные с процессами размывания¹⁰. По этому же поводу Э. М. Мурзаев пишет: «Лингвистический анализ одинокого топонима, вырванного из всей совокупности географических названий того или иного района, без привлечения сравнительного материала из топонимики других районов — ненадежный метод...»¹¹ Следовательно, чтобы сделать какие-либо полновесные выводы, необходимо сгруппировать топонимы по общим признакам и рассматривать их в системе.

Наш топонимический материал позволяет выделить с точки зрения семантики следующие группы географических имен: 1) по природным признакам объекта; 2) по хозяйственным признакам объекта; 3) по имени владельца или первого поселенца; 4) по происходившим событиям; 5) топонимы культового содержания. Это деление в некоторой степени условно, резкого разграничения между этими группами нет. Один и тот же топоним может относиться и к одной, и к другой группе. Например, имена, названные по природным признакам объекта, в то же время показывают, какое значение имеют эти природные признаки в жизни общества, показывают отношение людей к данным признакам природы с точки зрения ведения хозяйства. Такого типа названия, как **Къызыл дорбун** «красная (ржавая) пещера», **Эменли** «дубовая», **Къамишли къол** «камышовая балка», могут быть отнесены к группам топонимов, названных как по природным признакам, так и по хозяйственным

¹⁰ См.: *Абдрахманов А. А.* (сообщение). — Принципы топонимики. М., 1964, с. 128.

¹¹ *Мурзаев Э. М.* Основные направления топонимических исследований. — Принципы топонимики. М., 1964, с. 29.

признакам объекта. В топониме **Къзыл дорбун** «красная пещера» наравне с природным признаком выражен и хозяйственный — наличие нарзанного источника в данной пещере, что было, конечно, безразлично для жизни обитателей этой местности. На историческом пути развития общества в разные его этапы те или иные природные богатства имели разностепенное значение. Выбор признака для названия того или иного объекта обусловлен именно этим. И язык как средство общения между людьми остро и тонко реагировал на все явления.

Названия по природным признакам объекта

К названиям по природным признакам объекта относится несколько групп. Одну из них составляют топонимы, образованные по названиям растений: **Къайынлы чунгур** «березовая лощина», **Эменли** «дубовая», **Къамишли къол** «камышовая балка», **Мурсалы къол** «крапивная балка», **Жеркли къол** «вербная балка», **Къундушлу сырт** «возвышенность с чечевицей», **Алмалы** «яблоневая», **Шхельди** «брусника», **Эменли кюнлюм** «солнечная сторона, поросшая дубняком», **Акътерекли къыр** «тополинный склон», **Жыгырак** «укроп» и т. д. Все они в своей основе имеют названия растений. С древнейших времен в силу природных условий своего края балкарцы занимались отгонным скотоводством. Наличие или отсутствие тех или иных растений, состояние травостоя имели большое значение. Видимо, географические объекты свои имена получили по названиям растений в те давние времена. Изменение или исчезновение определяющего признака в объекте вызывало изменение или исчезновение соответствующего топонима. Появление нового более важного признака объекта могло

лечь в основу возникновения его нового названия. Подобное могло произойти даже за период / жизни одного поколения. Поэтому многие имена/ объектов, появившиеся от названий растений, характеризуются большей подвижностью и изменчивостью. Например, топоним **Къамишли кьол** «камышовая балка» имеет уже параллель **Биченчиле кьолу** «балка косарей». Это вполне объяснимо. Видимо, первое название возникло в ту пору, когда камыш использовался как строительный материал для кровли жилищ. С появлением черепицы и шифера камыш перестал применяться с этой целью, и старое название уступило место новому, такому, которое имеет большее значение для общества в теперешних условиях. Топоним **Кертмели**, безусловно, появился тогда, когда дикие груши были не только десертом к столу. Почти до нашего времени балкарцы применяли в пищу «кертме кьууут» — муку из высушенных плодов груш, яблок. Хотя и сейчас эти лесные дары употребляются людьми, но по сравнению с прошлым значимость их в смысле удовлетворения потребностей в пищевых продуктах резко упала. И поэтому с уверенностью можно сказать, что топоним **Кертмели** возник давно и именно в связи с указанным выше явлением — с нехваткой пищевых продуктов, особенно у бедных слоев населения, для которых мясо было роскошью, хлеб в горах не давал урожая да и участки пахотной земли мало у кого были, а «кьууут» в какой-то степени поддерживал горцев-бедняков.

Следующую группу составляют топонимы, в основу которых легли названия животных (диких): **Аюулу кьол** «медвежья балка», **Жыланлы** «змеиная», **Тауукьлу туппур** «холм (пригорок), изобилующий, богатый куропатками», **Жугьутурлу тебе** «возвышенность, где именуются туры», **Жыланлы дор-**

бун «земная пещера», Тюеле «верблюды», Бор-сукъла къая «барсучья скала», Бёрюле хурусу «волков (каменистое) место». Они характеризуются еще большей изменчивостью в связи с большей возможностью исчезновения самих животных с территории объекта по сравнению с растениями. Но они могут иметь место в употреблении постольку, поскольку сами животные имеют определенное значение в жизни общества. Их появление нужно отнести к древним периодам, так как чем дальше к заре человеческого общества, тем теснее его связь с дикими животными. По мере того, как люди, открывая и используя объективные законы, все больше подчиняют себе природу, пользуются богатствами земли, эта связь ослабевает. Балка, где в последние годы открыты богатейшие залежи молибденовой руды, что дало возможность бурному развитию тяжелой промышленности, основанию и расцвету современного города, носит название Аююлу къол «медвежья балка». Безусловно, параллельно с этим имеется другое название, которое дано в связи с изменением рода деятельности людей.

В отдельную группу входят топонимы, состоящие из географических терминов. Многие топонимические названия Балкарии, в частности, взятых нами ущелий, как наиболее консервативная группа слов, относятся к древнейшим формам общетюркского словарного фонда. Среди географических номенклатурных терминов имеются такие, которые являются общими почти для всех тюркских языков. Например: *кёл* «озеро», *къыр* «хребет», *тау* «гора», *тёбе* «холм», *суу* «река», *жар* «обрыв», *къая* «скала», *аууш* «перевал», *баш* «верх», «вершина» и т. д. Многие из современных балкарских номенклатурных терминов, являющиеся общими и для тюркских языков, зафиксированы

в наиболее древних тюркских памятниках: *агъыш* (балк. *аууш*) «восхождение, переход», *агъыз* (балк. *аууз*) «рот», «ущелье», *йурт* (балк. *журт*) «земля, страна, родина» и др.¹² Профессор Н. А. Баскаков приводит общетюркские номенклатурные термины из топонимов Горного Алтая: *кол//коол* 1) «проток», «река», 2) «лог», «ложбина»; *ёзён* «река», «ручей», «русло реки»; *кёл* «озеро»; *суу* «река», «вода»; *оос* «устье реки»; *аркъа* или *бел* «цепь невысоких гор», «предгорий» и т. д., а также названия, употребляющиеся в основном в языках народов Сибири и отчасти Киргизии: *кем* «река, речка», *боом* «отвесная скала», *корум* «россыпь камней», *тура* «город», «селение», «стоянка», *айры* «приток реки» и др.¹³

В балкарском языке в образовании топонимов широко применяются географические термины, характеризующие рельеф местности. Это явление, как известно, особенно характерно для всех тюркских языков, хотя термины участвуют в образовании топонимических названий, очевидно, во всех языках.

В. А. Жучкевич устанавливает причину превращения географического термина в географическое название: «...в каждом термине уже заложена потенциальная возможность перехода его в класс собственных имен, в ряд собственных географических названий. Эти возможности осуществляются в тех случаях, когда термин в данной местности единичен или крайне редок»¹⁴. Географические

¹² *Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках*. Под ред. Батманова И. А. Фрунзе, 1971, с. 20—45.

¹³ См.: *Баскаков Н. А.* Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая. — В кн.: *Топонимика Востока*. М., 1964, с. 64—71.

¹⁴ *Жучкевич В. А.* Общая топонимика. Минск, 1968, с. 35.

термины он подразделяет на два класса: 1) термины обобщающие (общеизвестные, бытующие и имеющие своих аналогов во всех языках) — *гора* и т. п. Они применяются для выражения самых общих понятий, известных во всех частях земного шара; 2) термины детализирующие. Они используются для выражения частных понятий, известных лишь в отдельных частях земного шара, на ограниченных участках, в отдельных географических ландшафтах¹⁵.

И действительно, топонимические названия «*Зыгылы, Табкалы, Дыркыла, Къырыкъла*, в основе которых лежат географические термины, почти не поддаются точному переводу. А выражения «место с молодой порослью», «террасная», «с террасами», «террасы», «желоба» лишь более или менее приблизительно передают те признаки рельефа, которые выражаются самими терминами в карачаево-балкарском языке. Эти термины, так же как и некоторые слова (подобно терминам по животноводству у казахов), не переводимы, поскольку не имеют соответствий в других языках и характеризуют особенности природы, присущие лишь той стране, где этот термин употребляется. По этой же причине отдельные неперебиваемые термины в результате межязыковых общений становятся интернациональными терминами.

Существование в Балкарии региональных, или «видовых», «узкоспециальных», географических терминов объясняется особенностями края. Это и понятно. Ведь каждая территория имеет специфику, и язык создает соответствующие лексические средства. Причиной тому являются «географические условия, природная среда, специфика материаль-

¹⁵ Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск, 1968, с. 36.

ной культуры, ее история, направление хозяйства. Они порождают географическую терминологию, ее детализацию и специфичность... у тюрко-монгольских народов отмечается богатство терминов, связанных с классификацией пастбищ и с элементами микрорельефа»¹⁶.

Земельный голод, теснота, нехватка пастбищ, сенокосных угодий привели к тому, что даже микроучастки в Балкарии имели свои названия. А чтобы отличить их друг от друга, подчеркнуть неспецифические черты объектов, приходилось использовать все богатство лексики. В связи с этим примечательно отметить, что в языке эскимосов, обитающих в Гренландии, среди вечных снегов, имеется 23 названия снега, тогда как в языке народов экватора — ни одного.

По нашим материалам, из всех видов географических терминов в чистом виде, без сочетания с другими компонентами в качестве географических названий выступают термины рельефа местности или, как их еще называют, общегеографические термины.

В топонимике нашего региона следующие номенклатурные термины имеют узколокальное распространение: *сууакъгъан* «водопад» (наравне с этим словом в Балкарии употребляется *чучхур* «водопад», осетинским первоисточником которого В. Абаев считает грузинскую основу¹⁷; *батыу* «низина», «топкие места»; *гара* «целебный, минеральный источник»; *ырхы* «сель», «селевые потоки»; *ырхы аузу* «лощина, балка, где бывают селевые потоки»; *чыран* «ледник»; *къору* «ограждение»,

¹⁶ Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 100.

¹⁷ См.: Абаев В. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1964, с. 327.

«огороженное место»; *туппур* «холмик»; *турукъ* «стоянка», «богатая стоянка», «удобная стоянка для скота с щедрым травостоем и естественно-климатическими условиями»; *сызгъа* «лощина», «расселина горы», «ложбина»; *дыркъыла* «террасы», «горный уклон с террасами»; *къырыкъла* «желоба»; *юзюк* «обрыв»; *юзюлгенле* «обрывы»; *къыбыдын* «солнцек», «южная солнечная сторона горного склона»; *шаудан* «родник»; *тёппе* «вершина», «макушка», «пик»; *куудушла* «кормушки», «ясли»; *чат* «лощина», «ложбина», «узкая балка» (букв. пах); *сабанлыкъ* «участок пашни», «местность, предназначенная для пашни». Некоторые из вышеприведенных терминов в других тюркских языках почти не встречаются.

В качестве топонимов эти термины применяются как самостоятельно (**Чат** «лощина»; **Юзюк** «обрыв»; **Дыркъыла** «террасы»; **Сууакъгъан** «водопад»; **Къырыкъла** «желоба»; **Юзюлгенле** «обрывы»), так и в сочетании с другими, чаще всего с определительными словами (**Гара башы** «верх нарзанного, минерального источника»; **Кёл чаты** «озерная лощина»; **Чат башы** «верх, горловина лощины»; **Къара шаудан** «черный родник»; **Къырыкъ аузу** «вход в желоба»; **Ачы гара** «горький минеральный источник»; **Турукълу** «удобное, богатое место (стойбище) для скота»; **Куудушла** «ясли»; **Чегет сабанлыкъ** «пашня на теневой (северной) стороне (уклоне) горы»; **Сырт тёппе** «вершина», «макушка холма, возвышенности»; **Тауукълу туппур** «холмик, изобилующий куропатками» и др.).

Не вдаваясь в подробности проблемы возникновения или взаимопроникновения вышеперечисленных терминов карачаево-балкарского и других языков, заметим лишь следующее.

1) По своему образованию некоторые регио-

нальные географические термины Балкарии связаны с соседним кавказским языковым фоном. О первичности появления их в том или ином языке и о заимствовании другим языком что-либо сказать трудно. Но причиной заимствования, очевидно, является многовековое соседство и аналогичное ведение хозяйства. К ним можно отнести **чегет** «лес», «северный склон, теневая сторона», возможно, связано с осетин.— **цэгет** «северный склон», **ырхы** «русло дождевого потока» связано с осет.— **эрхэ** «русло дождевого потока, балка, лощина»¹⁸, **стауат** «стойбище для скота» — связано с осет.— **стонуат** «стойбище для скота», **ныгъыш** «место, где собирались старики», возможно связано с кавказ. (осет.) — **нихас** «место в селе, где старики собирались на совет», **буруу** «ограда», «загон» и в осет.— **буру** «ограда». Эти термины нами детально не анализированы и не сопоставлены с терминами других кавказских языков. Не исключена возможность, что отдельные из них имеют общее звучание. Например, **бау** «хлев» имеется с таким же значением в абхазском языке в форме **а-бау-ра**, также и в мегрельском; в каб. **хасэ** с таким значением, как и **ныгъыш** в карачаево-черкесском.

Но все же большинство из наших терминов образованы из лексических единиц самого карачаево-балкарского языка—его же словообразовательными средствами. Таковы: **сууакъгъан** «водопад» слиянием двух слов воедино **суу** «вода», «речка» + **акъгъан** «падающая», «льющаяся», **батыу** «низина» — от **бат** «топись, опустишь» + словообраз. афф. **-ыу**, **ырхы ыз** «русло дождевого потока» от **ырхы** «сель, поток» и **ыз** «след, русло», **къору** «огораждение», «ограда» — от **къору** «огоро-

¹⁸ Хаджилаев Х.-М. И. Указ. раб., с. 122—123.

дить, охранять», **турукъ** «стоянка, богатая стоянка для скота» от *гур* «стой, будь, находишься» + словообраз. афф. *-укъ*, аналогично: **тешик** «дыра» — от *теш* «сверлить» + *ик*, **юзюк** «обрыв» от *юз* «оторвать» + *юк*, **юзюлгенле** «обрывы» от *юз* «оборви, оторви» + возвр. афф. *-юл* + *ген* (аф. причастия) + *ле* (аф. множ. числа), **кюллюм** «солнечная сторона, склон» от *кюн* «солнце» и словообраз. аф. *-люм*, **буруу** «загон, ограда» от *бур* «поверни, крути» + аф. *-уу*.

Среди наших региональных терминов имеются и такие, которые дошли до нас в трансформированной форме, со звуковыми изменениями, но в своей семантике сохранили первоначальное значение. Например, термин **илитир** «лощина, узкая балка; крутой спуск для доставки сена, дров до ровного места», возможно, связано со словом **элтир** в значении «довезет, доведет», составленное от *элт* — «доведи» и *-ир* аф. прич. будущего времени, 3 лица в смысле «что-то другое доведет до места назначения».

Интересно исследовать специфику применения терминов **туппур** «небольшой холмик», **теппе** «вершина», «макушка», «пик». Они имеют много общего с общетюркским географическим термином **тёбе** «холм», «возвышенность», который широко распространен во всех тюркских языках, в том числе и балкарском, в составе топонимов. Для обозначения понятия «холм», «бугор», с разными оттенками в балкарском языке выступают слова: 1) **тёбе** «холм», «возвышенность», «куча»; 2) **Туппур//дуппур** «холмик»; 3) **тёппе** «вершина», «верх», «макушка», «пик»; 4) **тёш** «возвышенность», «склон»; 5) **дубур** «бугор», «неровность»; 6) **догъура** «бугор», «шишка (на голове)». Любопытно отметить, что термин **тёбе** употребляется для обозначения как самого боль-

шого размера естественной выпуклости рельефа местности — «возвышенности», «холма», так и понятия куча (куча песка, камней, зерна и т.д.), т. е. того, что создано руками человека. А слово **туппур** служит для обозначения только естественных объектов. Существование всех этих терминов для обозначения выпуклости рельефа местности говорит о развитости в балкарском языке терминологии микрообъектов, обусловленной историческими причинами, в частности земельным голодом в ущельях. Эти слова являются разновидностью общетюркского **тёбе** или же заимствованиями из других языков кавказской среды. Примечательно, что в осетинском языке имеется слово **чупп//чопп** «верхушка», «вершина», «пик», которое В. Абаев относит к словосимволическому типу и сравнивает с тюркскими **топ** «мяч», «шар» и **тёбе** «верхушка», «холм»¹⁹. В персидском языке **tēn/n/э** также функционирует в значении 1) «холм», «бугор», «пригорок», «возвышенность» и 2) «верх», «вершина», «верхушка» (**tēnэдар** «холмистый», «бугристый») ²⁰. Возможно, эти слова, совпадающие по звучанию и семантике, в балкарском и иранских языках ведут к одному источнику.

В топонимике изучаемого нами ареала в качестве географических терминов широко применяются названия частей тела человека и животных: **Сырт** «спина», а как географический термин «плоская возвышенность», «поднятое плато»; **Тамакъ** «горло» — «устье реки»; **Баш къол** «голова + балка» — «головная балка», «верхняя бал-

¹⁹ См.: Абаев В. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1964, с. 337.

²⁰ См.: Персидско-русский словарь. М., 1965, с. 349.

ка»; **Гара башы** «минерального источника голова» — «верх минерального источника», «начало минерального источника» и т. п.

Как топонимы или как географический термин в составе топонимических названий в балкарском языке могут выступать такие лексические единицы, обозначающие части тела человека и животных: **аууз** «рот, пасть» в значении «ущелье», «вход», «проход в горах»; **аякъ** «нога» — «низовье реки», «устье», «конец балки»; **арт** «спина», «зад» — «задняя сторона (горы)»; **баш** «голова» — «вершина», «начало», «исток», «верх»; **бурун** «нос» — «мыс», «выступ»; **тёппе** «темя» — «вершина», «макушка», «верх»; **кьюлакь** «ухо» — «балка», «ответвление балки»; **боюн** «шея» — «берег реки»; **сырт** «спина» — «плоская возвышенность», «поднятое плато»; **тамакъ** «горло» — «устье реки», «конец балки, лощины», «ущелье», «горные ворота»; **жингирик** «локоть» — «излучина реки, балки»; **жух** «морда» — «мыс», «горный скальный выступ».

Многие из этих слов являются общетюркскими как в употреблении в своем основном значении, так и в качестве географических терминов. Это «позволяет утверждать, что в большинстве случаев метафоры (применение названий частей тела человека и животных как географические термины) возникают по одним и тем же, жестко повторяющимся ассоциациям независимо от языка. В этом сказывается одна из существенных универсалий народной географической терминологии»²¹.

В этой группе балкарской топонимики зафиксированы термины, которые в других языках не встречаются. Например: **Чат** «пах», **Жалау чат** «лощина с солончаками», здесь **чат** — в значении «лощина»,

²¹ Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 132.

Чыран «ледник», **Сызгъа** «лощина», **Элтир/илтир** «лощина», «узкая балка» и т. д.

В балкарском языке встречаются топонимы, которые в своем составе имеют слова, обозначающие цвет: *акъ* «белый»; *къара* «черный»; *сары* «желтый»; *къызыл* «красный». Например: **Сары къол башы** букв. «желтой балки верх»; **Тёбен акъ къая башы** «нижних белых скал верх»; **Акъ тюбю** «низ (низовье) белой (скалы)»; **Къарала башы** «верх черных (скал)»; **Къызыл тюбю** «низ красной (скалы)»; **Сары къая аллы** «перёд желтой скалы»; **Къара къая аллы** «перёд черной скалы»; **Къара шаудан** букв. «черный родник».

Вопрос о том, какую семантическую нагрузку в тюркских топонимах несут слова, обозначающие цвет, вызывает среди ученых много споров. Так, А. Н. Кононов считает, что в древних тюркских языках *ак* означало «течь», *аксу* «текущая вода», *кара* — «земля», *карасу* «земляная», т. е. «родниковая вода». Казахский топонимист Е. Койчубаев утверждает, что многие слова, обозначающие цвет, имеют другой смысл, содержание. Г. Қонкашпаев же категорически возражает ему, доказывая прямое соответствие так называемых цветовых прилагательных их семантике в топонимах. В Средней Азии имеются топонимические объекты, носящие название **Каратау** — дословно «черные горы», но по другим признакам «пустынные, сухие горы, лишенные растительности».

В наших примерах слова, обозначающие цвет, выступают в своем прямом значении: **Къара къая аллы** «перед черной скалы»; **Къарала башы** «верх (верховье) черных (скал)». Однако в гидронимах семантика слова *къара* (черный) изменяется: **Къара шаудан** букв. «черный родник» — в смысле «земляная вода», «родниковая вода». Своеобразный

смысловой оттенок приобретает «скала» со словами *акъ* «белый», *кзызыл* «красный», *сары* «желтый»: **Акъ къая** кроме цвета обозначает «известковая скала»; **Сары къая** «глинистая скала»; **Кзызыл къая** — «скала со ржавчиной»; **Сары жолла** — «глинистые дороги» и т. д.

Наиболее древними по возникновению географическими терминами в изучаемых топонимах являются, видимо, те, которые отражают рельеф местности: **Кыр** «хребет»; **Чат** «лощина»; **Юзюк** «обрыв»; **Тала** «поляна»; **Дорбун** «пещера»; **Дыркыла** «террасы»; **Тёбеле** «холмики»; **Сууакъгъан** «водопад»; **Сырт** «возвышенность»; **Жагъа** «берег»; **Чунгурла** «впадины»; **Жипи** «болото»; **Жалпакъ** «плоскость»; **Кырыкъла** «желоба»; **Юзюлгенле** «обрывы». Эти географические термины, показывая рельеф и другие объективные признаки местности, довольно статичны. Но и они в отдельных случаях могут менять свое содержание, например, **Юзюлгенле**, **Оюлгъанла** «снесенные», «обвалившиеся».

К этой же группе примыкают топонимы со словами, указывающими на местоположение объекта, ориентирующими на местность: *башы* «верх», «выше»; *тюбю* «низ», «ниже»; *арты* «сзади»; *аллы* «перед», «спереди»; *ортасы* «середина»; *кзыйыры* «край». Например: **Къарала тюбю** «низ черных (скал)»; **Эки ара** «между двумя»; **Огъары аууш** «верхний перевал»; **Суу башы** «исток речки»; **Жайлыкъ башы** «верх пастбища»; **Сары къол башы** «верх желтой балки»; **Гара башы** «верх нарзанов»; **Орта сырт** «средняя возвышенность»; **Баш къол** «верхняя балка»; **Кёл сырты** «озерная возвышенность»; **Кёл чаты** «озерная лощина»; **Кийикчи сырты** «верх охотничьего места»; **Ёзен кёл** «озеро в долине»; **Сырт дорбун** «пещера на возвы-

шенности»; **Тёбен акъ къая башы** «нижних белых скал верх»; **Суу къошулгъан** «слияние речек»; **Къая башы** «верх скалы»; **Сырт кёл** «озеро на возвышенности»; **Акъ тюбю** «низ белой (скалы)»; **Къызыл тюбю** «низ красной (скалы)»; **Чат башы** «верх лощины»; **Тонгуз орун башы** «верх свиного места»; **Къарала башы** «верх черных (скал)»; **Гыйы башы** «камня верх»; **Сары къая аллы** «перед желтой скалы»; **Къара къая аллы** «перед черной скалы»; **Огъары арба жол башы** «верх тележных дорог»; **Ийис суула башы** «верх серных вод»; **Къара шаудан** «черный родник».

Их происхождение тесно связано с названием другого близлежащего объекта. Ориентировка на него дала новое наименование, и потому названия последней группы объектов моложе названий ориентировочных. Эти названия тесно связаны между собой. Стирание названий, служащих объектом ориентировки, может привести к стиранию производных от них терминов. К примеру, наименование **Гара башы** «верх (вершина) нарзанов» (место, где бьется нарзанный источник) появилось в тот период, когда ниже имелся нарзанный источник. С исчезновением этого нарзанного источника может исчезнуть и название **Гара башы**. Это не обязательно, но возможно.

В этом смысле характерен пример с названием **Гитче** (уллу) **арба жол башы**. Первоначально эта местность имела название **Нарт жолла** «нартские тропы». «**Нарт жолла**, поднимавшиеся змейкой вверх по скалистым склонам левого берега реки Гунделена и ныне превратившиеся в дороги — **Арба жолла**, вели к полям, где выращивали ячмень и просо»²². С прокладкой пути, по которому могли идти телеги,

²² Улаков З. Гунделен. Нальчик, 1972, с. 5.

он стал именоваться **Арба жолла** «тележные дороги», «дороги, по которым идут арбы», а местность выше этих дорог стала называться **Арба жол башы** «верх тележных дорог». С течением времени здесь появились дороги автомобильные, и они получили название **Сары жолла** «желтые дороги» по желтой глине, вскрытой в склоне горы при строительстве. Но от этого не перестало существовать название **Арба жол башы** «верх тележных дорог». Местность и поныне продолжает носить это топонимическое наименование.

К этой группе относятся еще такие топонимы: **Тамычыла аллы** «перед капельниц»; **Айры тьюбу** «низ разделенной»; **Агъач ара** «лесная поляна»; **Эл башы** «верх селения»; **Къум сырты** «верх места с песком»; **Къара тьюбу** «низ черных скал»; **Агъач къыйыры** «конец (край) леса»; **Эл тьюбу** «низ селения»; **Къамиш аузу** «камышовая пасть»; **Къызыл тамагъы** «горловина красной (скалы)»; **Къырыкъ аузу** «вход в желоба»; **Суу аузу** «русло реки»; **Орта сырт** «средняя (срединная) возвышенность».

Слова *баш* «верх», *тьюб* «низ», *арт* «сзади» в составе топонимов встречаются в памятниках еще древнетюркской письменности.

В балкарской топонимике встречаются названия, которые указывают на ориентировку по солнцу, такие, как **Кюллюм къол** «балка на солнечной стороне»; **Чегет тюз** «равнина на теневой стороне»; **Чегет** «теневая сторона»; **Кюллюм** «солнечная сторона». В эту же группу топонимов входят названия, указывающие на величину, размер объекта со словами **уллу** «большой», **гитче** «малый». **Уллу дорбун** «большая пещера»; **уллу** «большой»; **Уллу чат** «большая ложбина»; **Уллу таллы къол** «большая ивовая балка»; **Узун сабан** «длинная пашня»; **Узун биченлик** «длинный

покос»; **Узун тала** «длинная поляна»; **Гитче чат** «малая ложбина»; **Гитче таллы кьол** «малая ивовая балка». Эти наименования давались для ориентировки на местности, для отличия объектов друг от друга. Такие названия довольно распространены в Балкарии. Слова **улли** «большой» и **гитче** «малый» выступали компонентами топонимических названий и в древнетюркских языках. Так, в словаре Махмуда Кашгарского встречаются топонимы **Улыг Кайкан** «большой Кайкан», **Кичиг Кайкан** «малый Кайкан»²³. Они, по-видимому, применялись тогда, когда по другим признакам объекты были одинаковы и отличались друг от друга только размерами, величиной.

К топонимам по природным признакам уместно отнести и названия, указывающие на форму географического объекта: **Тогъай кьол** «округлая балка»; **Къынгыр сырт** «кривая возвышенность»; **Жапыр тала** «плоская поляна»; **Зугулла** «продолговатые»; **Терс кьол** «неправильная балка»; **Тёгерек тала** «круглая поляна»; **Буруу кьол** «загонная балка»; **Тар орта** «тесная середина»; **Айры агъач** «разделенное дерево»; **Тешик къая** «скала с отверстием».

Наличие этих топонимов лишь подтверждает правильность того принципа номинации географических объектов, о котором писал В. А. Никонов,— принципа историзма. Хотя мы и говорим о том, что все они относятся к названиям по природным признакам объекта, здесь ясно выступает, что в принципе наименования лежит оценка, отношение определенного человеческого коллектива к местности в определенное время. Наш современник не стал бы местность именовать **Буруу кьол** «загон-

²³ *Древнетюркский словарь*. М., 1969, с. 205.

ная балка». Если бы и назвал, все равно такой топоним не закрепился бы в устах коллектива. Название местности **Буруу кьол** связано с основным занятием балкарского населения — животноводством и с тем периодом, когда не было для скота нормальных помещений, утепленных кошар. Для укрытия его от зимних метелей, весенних ливней и ветров служили только естественные удобные места. Теперь же животные спасены от лютой непогоды. Для них построены теплые помещения с электричеством. Но менять название в связи с изменением характера животноводства никому в голову и не приходит. В настоящее время проблема помещений отпала, перед животноводами стоят другие задачи: заготовка обильных кормов, повышение производства продукции, снижение ее себестоимости. И потому, видимо, старые названия существуют и поныне.

Точно так же можно объяснить и топоним **Терс кьол** «неправильная балка». В свое время, может быть, она и была «неправильной», возможно, как направление от дороги, а может быть, для занятия каким-либо видом хозяйства, а теперь никто не считает ее такой. Наоборот, эта местность стала базой Всесоюзного альпинизма и туризма с прекрасными спортивными комплексами. Сюда ежегодно устремляются тысячи спортсменов и туристов из многих стран мира. Она стала достопримечательным местом Кабардино-Балкарии. Тем не менее топоним **Терс кьол** «неправильная балка», данный древним балкарцем, видимо, не от хорошей жизни, употребляется и в наши дни. Это говорит и о заботе нашего народа о сохранении древних местных названий.

Встречаются топонимы, вобравшие в себя признаки почвы в зависимости от грунта: Юз-

мез тала «песчаная поляна»; **Батмакълы къол** «грязная балка»; **Кюл тѣбе** «куча золы»; **Ташлы сырт** «каменистая возвышенность»; **Чайыр тѣбе** «смоляной холм»; **Чирик** «гнилое (место)»; **Ташлы** «каменистая»; **Кюл дорбун** «пещера с золой».

Отдельные наименования объектов указывают на наличие или отсутствие природных богатств на местности: **Къуру къол** «пустая балка»; **Бош къулакъ** «пустая ложбина»; **Гаралы къол** «нарзанов балка»; **Суусузла** «безводные»; **Жарлы къол** «бедная балка»; **Суу келген** «исток воды»; **Зыгытлыла** «с молодой растительностью»; **Мыстылы къол** «балка с кислой растительностью».

Таким образом, можно сделать вывод, что вышеприведенные топонимы (почти каждый из них) связаны с главным занятием населения в прошлом — скотоводством. В них наличествует в той или иной форме мысль о пригодности или непригодности местности для пастьбы и содержания скота.

К этой же группе примыкают топонимы типа: **Къарангы тала** «темная поляна»; **Ачыгъан суу** букв.: «прокисшая» вода»; **Аман агъач** «плохой (скверный) лес»; **Шинжили** «с колючими кустарниками»; **Ачы гара** «горький нарзан»; **Терен дорбунла** «глубокие пещеры»; **Табкалы** «с террасами»; **Терен къол** «глубокая балка»; **Аман къол** «скверная балка».

Названия по хозяйственным признакам объекта

Большую группу в карачаево-балкарском языке составляют топонимы, в основу которых положены прямые хозяйственные признаки объектов, хозяйственная деятельность людей. Хозяйствен-

ная деятельность населения любой территории многогранна. Здесь занятие и животноводством, и охотой, земледелием, торговлей, кузнечным делом, лесным и горнорудным промыслами и т. д. Но наибольшим разнообразием отличается подгруппа топонимов, так или иначе связанных с основным занятием горцев — животноводством. Ведущей отраслью его было отгонное скотоводство, что диктовалось условиями местности. К таким топонимам относятся:

названия, указывающие на удобность, пригодность места для содержания скота, для его стоянки и т. д.: **Таш орун** «каменный загон»; **Ёгюзле уруучу** «куда загоняют быков»; **Къанга къош** «кош из досок»; **Эчи орун** «загон для коз»; **Турукълу** «удобное, богатое место»; **Къынгыр къышлыкъ** «неровное зимовье»; **Къалауур кош** «сторожевой кош»; **Ёзен бау** «хлев в долине»; **Жангы бау** «новый загон»; **Чалманла** «загоны из плетней»; **Хуна стауат** «стойбище с каменной оградой»; **Тууарчы къош** «скотный кош»; **Тонгуз орун** «свиное место»; **Куудушла** «ясли»; **Тай орунла** «место для жеребят»; **Токълу орун** «место для ягнят»; **Къой баула** «овчарня»; **Жууртлу къол** «богатая балка»; **Бай орун** «богатый загон»;

названия, связанные с дорогами, способами передвижения: **Ыран жол** «пещерная дорога»; **Чана жол** «санная дорога», «дороги для саней»; **Арбала тохтаучу** «место, где останавливаются арбы»; **Кечию** «брод»;

названия, отражающие конкретные занятия людей в животноводстве: **Туз къуюучу** «место, где соль дают»; **Къору** «охраняемое место»; **Кийикчи** «охотников место».

Следует остановиться на топониме **Кийикчи** букв.: *кийик* «тур, козерог» — дикое животное,—

чи — аффикс деятеля. Безусловно, местность в какое-то время изобиловала дикими животными, но если бы возникновение топонима было связано только с этим, то название имело бы форму *кийик+ли* (-*ли* — суффикс наличия). И поэтому можно заключить, что происхождение вышеназванного топонима связано с людьми, которые охотились на них в данной местности. Первоначально, видимо, название состояло из нескольких компонентов и имело распространенную форму: **Кийикчиле туруучу жер** «местность, где находились охотники»; или **Кийикчиле чыгыучу жер** «местность, куда поднимались охотники». Затем по принципу языковой экономии для удобства употребления название сокращалось и дошло до нас в виде *Кийикчи* «охотник». Предполагая, что все элементы, кроме *кийикчи*, отпадали постепенно, а семантически этот топоним восходит к тому периоду жизни балкарцев, когда охота была одним из основных занятий в деле добывания пищи, происхождение его относится к далекому прошлому. Такую же семантическую нагрузку несет топоним **Биченчи кьол** от *бичен* «сено», — *чи* — аффикс деятеля (аффикс, показывающий профессию) и *кьол* «балка». Очевидно, название появилось позже, так как здесь сохранился еще географический термин *кьол* «балка».

Итак, одной из причин того, что многие названия местности становятся непонятными, является развитие языка, изменение его различных форм и принцип языковой экономии — стремление к сокращению. Вот почему установление первоначальных форм топонимов сопряжено с большими трудностями.

В карачаево-балкарском языке выделяется группа топонимов, связанных с занятиями по заготовке сена, корма для скота: **Биченчи**

късл «балка, где заготавливается сено»; **Баласлы къол** «балка, где добывают березовые шести»; указывающие на наличие промыслов: **Тирменле къолу** «балка, где имеются мельницы»; **Промплощадка**; на занятие земледелием: **Сабанлыкъ** «пашенная»; **Чегет сабанлыкъ** «тенева пашенная»; **Кендир тюз** «конопляная долина», **Ындырчы** «молотильщик», **Кюзлюк сабанла** «озимая пашня», **Айры сабан** «разделенная пашня». Как отмечает З. Улаков, «в Балкарии условия для развития земледелия были крайне ограничены»²⁴. Отсюда, очевидно, такая малочисленность названий по занятию земледелием, и они довольно позднего происхождения. Из-за неимения пахотных участков в горах земледелие было второстепенным делом.

Горы Кавказа богаты разного рода полезными ископаемыми. Балкарцы издревле знали о их существовании и по мере своих сил занимались их разработкой для удовлетворения своих хозяйственных нужд. Интерес местного населения к горнорудным промыслам повысился с конца прошлого века в связи с проникновением в экономику Балкарии капиталистических отношений. М. Ч. Кучмезова в статье «Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период» так пишет об этом: «Возможность разработки недр своих земель вызывала хозяйственную заинтересованность самих горских обществ. Они находили возникновение горнопромышленного предприятия на своих землях для себя крайне полезным и необходимым. Исхак Муллаев проявил настойчивость и затеял длительную переписку, чтобы добиться разрешения на разработку

²⁴ Улаков З. Гвиделен. Цильчик, 1972, с. 16.

горных богатств Балкарии»²⁵. Топонимическая лексика и исторические данные говорят о том, что население ущелий с древнейших времен использовало горные богатства края. З. Улаков отмечает: «В ущелье Тызыл имеется богатое месторождение свинца и полиметаллических руд. Не исключена возможность, что древние жители использовали их. Что же касается старых шахт, то они были известны и иностранцам, и русским промышленникам»²⁶. Об этом пишется и в «История Кабардино-Балкарской АССР»: «Увеличившаяся разработка и добыча местных меднорудных и других ископаемых (мыньяка, свинца, серебра, сурьмы, цинка) обеспечили резкий подъем хозяйства. Древние шахты известны во многих пунктах Кабардино-Балкарии. Широкий ассортимент бронзовых орудий труда, оружия и украшений производился мастерами в особых мастерских. Такая мастерская известна в горной Балкарии на горе Алмалы-къая»²⁷. Это относится к I тысячелетию до н. э.

Имеются интересные топонимо-археологические параллели, свидетельствующие о том, что недра в горной Балкарии разрабатывались давно и предки балкарцев не были в стороне от этого дела. Значит, отдельные из топонимов, указывающие на местонахождение (месторождение) металлических руд, сравнительно древнего происхождения. В Чегемском ущелье по левому берегу Чегема в районе сел. Верхний Чегем горный хребет носит название **Къоргъашишли тау** «гора, где имеется свинец». В той горе никаких разработок недр не было и нет в наше время, не помнят об

²⁵ Ученые записки КБНИИ, т. 25. Нальчик, 1967, с. 70.

²⁶ Улаков З. Гунделен. Нальчик, 1972, с. 6.

²⁷ История Кабардино-Балкарской АССР..., т. 1. М., 1967, с. 37.

этом и старожилы. Считалось, что слово «свинцовая» просто закрепилось за названием горы. Но в том районе, именно в районе этой самой горы, были произведены археологические раскопки, и в том самом месте, которое называется **Къоргъашишли тау** «гора, где имеется свинец», были обнаружены древние горные выработки, копи, рудники, относящиеся к раннему средневековью (V—VIII вв.)²⁸. Это не единичный случай. Подобные параллели обнаружены в Баксанском ущелье (недалеко от г. Тырнауза) и в других местах. Это в какой-то степени проливает свет и на историю Балкарин того периода, так как по этим вопросам документальных данных почти нет. В «Истории Кабардино-Балкарской АССР» пишется: «...единственным письменным документом о Балкарин указанного времени (XIII—XV вв.) является грузинская надпись (XIV—XV вв.) на золотом кресте из церкви в селе Цховати в верховьях реки Ксапи в Юго-Осетинской автономной области. Она сообщает, что грузинский феодал Рзня Квеневели находился в плену в Черекском ущелье в Балкарин и был выкуплен на средства церкви в селении Цховати»²⁹.

Топонимо-археологические параллели, которые относятся к более древнему периоду, могут быть использованы как косвенный материал для выяснения многих вопросов этногенеза балкарцев и других вопросов истории края.

Топонимы, названные по имени владельца

Следующую большую группу топонимов составляют названия, в основе которых лежат имена,

²⁸ См.: *История Кабардино-Балкарской АССР...*, т 1 М 1967, с. 88.

²⁹ Там же, с. 86.

фамилии и прозвища владельцев, первых поселенцев, жителей. В. И. Гагунова, приведя слова А. А. Реформатского: «Топонимика и ономастика — родные сестры», пишет, что «генетически это не вполне родные сестры: личные имена людей более индивидуализированы, и процессе называния людей носит характер социальной обусловленности, рассматривается как индивидуально-волевой фактор, в то время как топонимы индивидуально-волевого процесса не могут отразить»³⁰.

Особенно четко этот процесс прослеживается при анализе топонимов, которые носят имена и фамилии людей—владельцев земель и первых поселенцев. Если рассматривать их с точки зрения семантики, то они кроме социально-экономической связи не отражают никакой смысловой связи между географическим объектом и названием, как, например, топонимы, данные по природным признакам, т. е. они сообщают только то, что земля принадлежит тому-то, или этот человек является жителем, перво-населенником данной местности. В семантическом плане топонимы связаны с природными условиями, образом жизни народа, его обрядами, традициями и с другими особенностями каждого края. Такие специфические особенности присущи любой области и объясняются различиями в ландшафте, укладе жизни и быте населения этих областей. Например, если сравнить топонимы разных ущелий Балкарии, можно увидеть, что непонятных топонимов больше в Черекском и Чегемском ущельях, чем в Баксанском. Это явление можно объяснить тем, что Чегем и Черек были заселены раньше, чем Баксанское ущелье (о чем говорят и археоло-

³⁰ *Прения.* — В сб.: Принципы топонимики, М., 1964, с. 126.

гические материалы), и что топонимы Чегема и Черка архайчнее. В Баксанском ущелье часто смешались этнические группы. Об этом свидетельствует и тот факт, что почти до начала XVII века здесь обитали и карачаевцы (из тех, которые теперь живут в Ставропольском крае, на Кубани). От их пребывания в Баксанском ущелье остались разрушенные жилища и некоторые топонимические названия (*Эл журту*). В Чегемском ущелье такой частой смены этнических групп, по имеющимся данным, не наблюдалось.

На территории Балкарии встречается значительное количество названий, которые возникли от личных имен. Такие наименования преимущественно получили пастбища и сенокосные угодья, а водных объектов — гидронимов насчитывается незначительное количество. Из-за неимения письменных документов — писцовых книг, списков населенных мест в историческом прошлом и других архивных источников мы лишены возможности определить хотя бы приблизительно время называния той или иной местности на основе личных имен. Единственным источником для определения давности возникновения этих названий выступают предания и легенды. Но, как отмечает Н. Д. Воронин, «не всегда можно доверяться преданиям. Предания очень соблазнительны, но вместе с тем бывают часто обманчивы. Каждое предание необходимо, по возможности, проверять по архивным документам»³¹.

Архивных документов нет, а народная этимология — явление очень распространенное и ненадежное. Многие из топонимов возникли в давние времена. Язык же развивается, видоизменяется. Часть архаизмов исчезла из языка, а отдельные, остав-

³¹ См.: *Принципы топонимики*. М., 1964, с. 127.

шися в употреблении, изменились до того, что невозможно их восстановить.

«Первые балкарские патронимы возникли примерно в конце XIII века в Черекском, Чегемском и Баксанском ущельях»³².

История географических названий по личным именам тесно связана с историей землевладения и землепользования. Говоря о возрасте, об истории названия, А. В. Суперанская пишет: «В разные эпохи и в разных языках наличие топооснов в антропонимии представлено по-разному. Например, в настоящее время в топонимии СССР широко представлены основы фамилий выдающихся людей, в дореволюционной топонимии было много названий поселений, образованных от личных имен первопоселенцев, в еще более раннее время, до того, как институт частной собственности на землю сложился и окреп, в топонимии преобладали названия, отражающие природные особенности местности, и, естественно, антропоосновы встречались в них значительно реже»³³. Против этого трудно возразить. Следовательно, разряд топонимов, который анализируется в этом разделе, т. е. топонимов, данных на основе личных имен, возник в тот период, когда сложилась частная собственность на землю. К группе топонимов, данных по личным именам, относятся названия: а) по фамилии владельца: — названия балок: **Локъяланы къол** «Локьяевых балка», **Дебискаланы къол** «Дебискаевых балка», **Этезланы къол** «Этезовых балка», **Насыраланы къол** «Насыраевых балка».

Названия стоянок: **Моллалары туруучу**

³² Мусукаев А. И. Указ. раб., с. 10.

³³ Суперанская А. В. Структура имени собственного. М., 1969, с. 23.

«Моллаевых стоянка», **Озарыкълары туруучу** «Озарыковых стоянка», **Хадаужукълары туруучу** «Атажукинных стоянка»; **Ацыканлары жашагъан** «Ацыкановых место».

Названия пещер: **Мусукаланы дорбун** «Мусукаевых пещера», **Беккиланы дорбунла** «Беккиевых пещеры», **Калабекланы дорбун** «Калабековых пещера», **Гызы дорбун** «Гызы пещера».

Названия населенных пунктов: **Непелары** «Непеевы», названия пастбищ: **Къудайланы жайлыкъ** «Кудаевых пастбище», названия башен: **Малкъарукъланы къала** «Малкаруковых башни»;

названия впадин: **Къумукъланы чунгурла** «Кумуковых впадины»;

названия земель (пашен): **Гараулуну жери** «Гара сына место (земля)»;

названия возвышенностей: **Тохаланы сырт** «Тохаевых возвышенность»;

названия скал: **Къулуйланы къая** «Кулиевых скала»;

названия загонов: **Газаланы баула** «Газеевых загоны».

б) По имени владельца.

Названия пещер: **Баймырза дорбун** «Баймырзы пещера», **Къалабек дорбун** «Калабека пещера», **Гарайты дорбун** «Гарайты пещера», **Хычау дорбун** «Хычау пещера», **Хасанахан дорбун** «Хасанахана пещера»;

названия земель (пашен): **Тохтамыш жери** «Тохтамыша земля»;

названия стойбищ: **Тамбий стауат** «Тамбия стойбище»;

названия лесов: **Боллат агъачы** «Боллата лес»;

названия населенных пунктов: **Чежокъ**

къабакъ «Чежока аул», **Жарашты къабакъ** «Жарашты аул»;

название потока: **Ору ырхысы** «Ору поток»;

названия речек: **Адыл суу** «Адыла речка»;

названия родников: **Чепени шауданы** «Чепе родник»;

названия долин: **Тохара тюзю** «Тохара долина», **Мызы тюзю** «Мызы долина», **Абай гюз** «Абая долина» и др.

названия балок: **Хазгери къол** «Хазгери балка», **Жашаркъул Хажиланы къол** «Жашаркул-Хаджи балка», **Мачу къол** «Мачу балка», **Темиряз къол** «Темиряза балка»;

названия стоянок: **Айдобол туруучу** «Айдобола стоянка», **Домбай туруучу** «Домбая стоянка», **Муса туруучу** «Мусы стоянка», **Гылыу туруучу** «Гылыу стоянка», **Еребаш туруучу** «Еребаша стоянка», **Кыкын туруучу** «Кыкына стоянка», **Мустафа туруучу** «Мустафы стоянка»;

названия поляны: **Жарашты тала** «Жарашты поляна»;

названия возвышенностей: **Инал сырты** «Инала возвышенность», **Хушто сырт** «Хушто возвышенность»;

названия дорог: **Ислам жол** «Ислама дорога», **Ислам жол башы** «Ислама дороги верховье»;

названия перевалов: **Бечо ауушу** «Бечо перевал»;

названия мест пастыбы: **Жабагылы кютген** «Место, где Жабагылы пас овца» и др.

Из вышеприведенных примеров видно, что топонимическими названиями могут выступать как личные имена, так и фамилии (вернее было бы их называть родовыми именами). В нашем материале, среди различных объектов местности, названных

личными именами, преимуществом пользуются такие объекты: *туруучу* «стоянка», *кѳол* «балка», *дорбун* «пещера», реже встречаются *агѳач* «лес», *жер* «земля», *кѳала* «башня» и др. Как явствует из семантики топонимов, вторая группа слов связана с именами владельцев объектов, тогда как первая с именами тружеников, которые вдали от своей семьи десятилетиями ухаживали за скотом хозяина на этой местности или арендовали эту землю у владельцев.

Из этого можно заключить, что в балкарской топонимии широко представлены так называемые «синонимические ряды». Выясняя причину этого явления, О. А. Султаньяев пишет: «Наличие столь распространенных синонимических рядов мы склонны объяснить тем, что местное население, в употреблении которого находятся эти микроназвания, избегает повторения одних и тех же слов — терминов и подбирает различные, но близкие по значению слова»³⁴. В топонимии нашего региона терминов, так или иначе заменяющих понятие «стоянка», довольно много: *Кѳудайланы жайлыкъ* «Кудаевых пастбище», *Кѳумукъланы чунгурла* «Кумыковых впадины (низины)» и др.

В традиции применения антропонимов в качестве топонимических названий балкарская топонимия имеет много общего как с практикой номинации тюркских народов, так и с традициями окружающего кавказского фона. Справедливы слова Т. Жанузакова о том, что «личные имена народов Средней Азии, в том числе и тюркских народов, в основном близки как по форме, так и по содер-

³⁴ Султаньяев О. А. Казахские микротопонимы Кокчетавской области, образованные от личных имен. — Ономастика. М., 1969, с. 212.

жанию. Это связано с культурно-историческими условиями существования народов, заселяющих эту территорию»³⁵.

Приведенные примеры свидетельствуют, что основами топонимов служат личные и родовые имена людей. Но по Т. Жанузакову, «в дореволюционном казахском ауле каждый человек имел, кроме имени, прозвище, указывающее на положительные или отрицательные черты характера его носителя, на склонности и физические недостатки и т. д.»³⁶. Это явление имело место и в Балкарии.

Среди географических названий от личных имен и фамилий могут быть и такие, которые даны по прозвищам. Из-за отсутствия каких-либо побочных данных не представляется возможным четко выделить их среди других антропонимов. Но, судя по смыслу, некоторые назвать можно: **Гылыу туруучу** «Гылыу стоянка», где гылыу «осленок»; **Еребаш туруучу** «Еребаша стоянка», где Еребаш — «продолговатая голова»; **Жабагылы кютген** «Жабагылы пасшее (место)», где Жабагылы — «линяющий» и др. Возможно, имена этих людей подпали под табу и будучи в запрете окончательно уступили место прозвищам. Относительно того, что *Еребаш* «продолговатая голова» и *Гылыу* «осленок» — прозвища, сомневаться не приходится, так как Еребаш — кличка коровы, а Гылыу был самым богатым человеком в селении. Следовательно, человека не могли назвать кличкой животного, а самый богатый, «почетный» человек не мог носить имя «осленок». Еще по обычаям прошлого

³⁵ Жанузаков Т. Ж. Обычаи и традиции в Казахской антропонимии. — В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 100.

³⁶ Жанузаков Т. Из истории развития ономастики казахского языка. — Питание ономастики. Киев, 1965, с. 296.

действовали разного рода запреты. В статье «К истории алтайских имен» Н. И. Шатинова по этому поводу пишет: «Не называли по имени в тех случаях, когда действовал или возрастной запрет — нельзя называть по имени мужчин и женщин старше себя по возрасту, или обычай избегания — невестке (и ее родственникам) нельзя называть по имени родственников мужчин и женщин по линии мужа, старше себя по возрасту; муж (и его родственники) также не мог называть по имени родственников по линии жены, старше себя по возрасту. Невозможно упоминание в разговоре даже нарицательного слова, совпадающего по значению с именем родственника, которого нельзя называть. Слово, совпадающее с именем, должно быть заменено синонимом»³⁷. Этот обычай существовал и у балкарцев. О существовании табу в карачаево-балкарском языке и о замене имени прозвищем пишет М. М. Текуев: «...прозвища настолько за каждым закрепляются, что люди забывают их настоящие имена. Нам пришлось слышать, как в одной семье, проживающей в с. Гунделен, жена называет мужа *Ёрежип* (букв. «долговязый»), за его стройный высокий стан, *Айжаш* (букв. «Эй, парень»). И очень немногие помнят его настоящее имя»³⁸. Имелись случаи, когда балкарка-мусульманка, мужа которой звали *Мухаммад*, читая молитву на арабском языке, имя пророка заменяла синонимическим рядом — *бизни киши атлы*, т. е. «тот, который носит имя моего мужа». В такой си-

³⁷ Шатинова Н. И. К истории алтайских имен. — В сб.: Этнография имен. М., 1971. с. 65.

³⁸ Текуев М. М. Некоторые табу и эвфемизмы в карачаево-балкарском языке. — Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Вып. 1. Нальчик, 1979, с. 89.

туации прозвище, конечно, могло вытеснить имя человека.

Среди антропонимов данного края наиболее древний пласт составляют традиционные национальные имена. Некоторые из фамилий и имен имеют прозрачную этимологию. Например: *Озарыкъ* «опережающий» (тот, кто опередит), *Жашаркъул* (тот, кто будет жить), *Гылыу* «осленок», *Жарашты* «обходительный», «ладящий», *Ёребаиш* «продолговатая голова», *Темирёз* «железо давящий, одолеваяющий», *Жабагъылы* «линяющий», *Гара* «нарзан», *Бердибий* «отдал» + «богач», *Къалабек* «башня крепкая», *Тохтамиш* «остановиться» и другие.

Большинство имен, особенно фамилий балкарцев, семантически непрозрачны. В настоящей работе мы не ставили задачу этимологизировать непонятные имена и фамилии, встречающиеся в топонимах Балкарии, такие, как *Мызы*, *Беппай*, *Бекки*, *Амай*, *Хустос*, *Боллат*, *Тохара*, *Дебиска*, *Мусука*, *Тоха*, *Чепе*, *Горда*, *Гарайты*, *Тамбий*, *Ору*, *Башил*, *Бапына*, *Непе*, *Локъа*, *Этез*, *Къасай*, *Мачу*, *Хычау*, *Тежа*, *Кыкын*, *Алчагъыр* и другие. Они еще ждут своих исследователей. По фонетическим и морфологическим данным можно предположить, что многие из них относятся к тюркским языкам, а может быть, и к балкарскому. Но на современном языке балкарцев они ничего не означают. Рассмотрим лишь один пример. Между верховьями рек Малки и Гунделена есть пастбище, которое носит название **Инал сырты** «Инала возвышенность». В современном балкарском языке слово «Инал» непрозрачно. Однако оно совершенно без фонетического изменения встречается в древнетюркском языке в значениях «Сын женщины из ханского рода и простолюдина»; лицо, имеющее знатное происхождение, высокородный; 1) *ай йинч-*

ка *сакыну*к тилагми инал «О знатный потомок, ищущий (женщину) с утонченным образом мыслей»; 2) титул; 3) имя собственное³⁹.

Назрела необходимость заняться исследованием этой группы слов, что пролило бы свет на многие неясные стороны карачаево-балкарского языкознания и истории народа. Здесь уместно привести слова А. В. Суперанской, которая писала, что «компоненты старинных имен были ярко предметны, а значение слова в целом определялось суммой значений: *Желтонос*, *Златоцвет*... Значение основ показательно и в некоторых других отношениях: у древних германцев на первом месте были воинственные имена. У славян преобладают компоненты «добр», «свет», «свят», «твори», «расти», «мир», «слав». У греков и римлян — слова, подчеркивающие в человеке человеческое. У евреев и арабов — слова, подчеркивающие отрешенность от земного и обращение к богу»⁴⁰.

Автор, на наш взгляд, дает правильную ориентировку в вопросах исследования личных имен. По ее словам, в каждую эпоху у каждого народа был свой подход к выбору именных основ. В результате почти каждое имя содержит в себе информацию о времени, месте своего возникновения. Изучение именных основ дает многое не только для изучения обычаев и взглядов людей прошлого, но и для хронологизации имен, а вместе с ними — древнейших памятников, служит, таким образом, не только лингвистике, но и истории, археологии⁴¹.

Среди топонимов от личных имен имеются и такие, которые вошли в обиход с мусульманской

³⁹ *Древнетюркский словарь*. М., 1969, с. 252.

⁴⁰ *Суперанская А. В.* Указ. соч., с. 36.

⁴¹ См.: там же, с. 37—38.

религией. Они, безусловно, позднего происхождения, так как сама религия в Балкарию проникла сравнительно недавно. Хотя арабские имена в настоящее время довольно распространены в балкарской среде, как топонимы они встречаются редко: **Ислам жол**, **Муса туруучу**, **Хасанахан дорбун**, **Мустафа туруучу**, **Адыл суу**, **Абдуллаевски**, **Кудайланы жайлыкъ** и другие.

Названия по происходившим событиям

Необходимо выделить еще одну группу топонимов, которые по семантике существенно отличаются от предыдущих. Это топонимы, возникшие в связи с происходившими событиями. К ним относятся: **Къан жол** «кровавая дорога»; **Тоноу юлешген тѣбе** «холм, где разделили награбленное»; **Къарындашла ташы** «камень братьев»; **Къой аугъан аууш**, букв.: «Перевал, по которому прошла овца» в значении «перевал, по которому перегоняют овец»; **Кюйген къая** «сгоревшая скала»; **Кюйген халжарла кези**, букв.: «лощина сгоревших хлевов»; **Къабан ёлген къол** «балка, где пал кабан»; **Къабакъ жашагъан** «место, где находился аул»; **Киштик тюшген** «откуда спустилась кошка»; **Къой сюрюлген** «откуда были угнаны овцы»; **Къуругъан шаудан** «высохший родник»; **Хан тѣбе** «хана холмик»; **Кюйген халжарла кюлюмю**, букв.: «солнечная сторона места сгоревших хлевов»; **Къарачайлы кетген кёл** «озеро, куда упал карачаевец»; **Обурла къусдургъан** «где заставили вырвать ведьм»; **Къой чапхан** «где побежала овца»; **Элия ургъан** «где молния ударила»; **Къызла кюйген** «где сгорели девушки»; **Арба сыннгын къол** «балка, где сломалась арба»; **Орус тюшген къол** «балка, где спустился русский», и др.

В основу топонимических названий легли события разностепенного значения из жизни горцев⁴². Такие географические названия, как **Къан жол** «кровавая дорога», **Хан тѣбе** «хана курган», отражали важные исторические события. З. Улаков появление топонима **Хан тѣбе** «хана курган» связывает с совместной борьбой кабардинцев и балкарцев против нашествия крымских ханов. Он рассказывает: «...враг вынужден был выйти в долину реки Гунделена. Крымский хан пытался договориться с местными жителями, но не получил желаемого ответа. В это время на помощь им подоспел отряд русских под командованием генерала. На равнине Жанхотеко произошло крупное сражение. Во время схватки предводитель крымских войск раскинул свой шатер на вершине кургана для наблюдения за полем боя, откуда и пошло название»⁴³.

Об этом событии свидетельствуют и исторические материалы: на Таманском полуострове стал собирать свои полчища прибывший из Турции хан Девлет-Гирей. Летом 1744 года объединенные силы турок и татар двинулись на восток и достигли реки Малки. «...После этого русские войска, вступив в Кабарду, разгромили вражеские полчища в Баксанском ущелье»⁴⁴.

Топоним **Къан жол** «кровавая дорога» также связан с событиями разгрома крымских татар в XVIII веке, о чем пишет Дж. Коков, ссылаясь на сведения в трудах известного кабардинского про-

⁴² Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Указ. раб., с. 7—8.

⁴³ См.: Улаков З. Гунделен. Пальчик, 1972. с. 7.

⁴⁴ История Кабардино-Балкарской АССР..., т. 1. М., 1967 с. 170.

светителя и ученого Ш. Б. Ногмова (1794—1844)⁴⁵. Об этом рассказывается и в преданиях.

По поводу происхождения названия **Орус тюшген кьол** «балка, где спустился русский» предание гласит: спустившись по названной балке, русский в сопровождении кабардинца-переводчика, который хромал на одну ногу, вел переговоры с жителями Баксанского ущелья. В результате между ними было заключено взаимовыгодное соглашение экономического характера. Это было знаменательным событием в жизни жителей ущелья, и они стали называть эту местность **Орус тюшген кьол** «балка, где спустился русский».

Среди топонимов есть и такие, которые связаны с малозначительными случаями в жизни общества. Например: **Кьой чапхан** «куда овца побежала», **Кьозу ойнагъан** «где резвятся ягнята», **Арба сыннган кьол** «балка, где сломалась арба» и др. Хотя с точки зрения нашего современника трудно судить о степени важности тех событий, которые породили эти топонимические названия. Одно несомненно — они не имели общенародного значения, но в жизни отдельных коллективов людей могли играть заметную роль. К примеру, **Кьой чапхан** «куда овца побежала» могло говорить о богатой растительности, отличном травостое или о наличии водного источника в той местности. **Кьозу ойнагъан** «где ягнята резвятся» — то же самое: только место с хорошими условиями для пастьбы овец могло дать возможность резвиться ягням. Наоборот, топоним **Арба сыннган кьол** «балка, где поломалась арба» носил отрицательную информацию о характере местности, предупреждая, что

⁴⁵ См.: *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970, с. 83.

это труднопроходимая балка, лучше ее обойти, там опасно. А для горца, у которого вся жизнь была связана с животноводством, условия местности приобретали особую значимость. По этой причине, видимо, и закрепились эти, с нашей точки зрения, малозначительные события в качестве географических имен.

В основе топонимов — термины духовной культуры

Топонимия вбирала в себя термины различных слоев лексики карачаево-балкарского языка. В этом смысле большой интерес представляет семантическая группа топонимических названий, состоящая из терминов духовной культуры народа, в частности, религиозных верований, представлений, обрядов.

Как известно, ислам довольно поздно утвердился в Балкарии. По этнографическим данным, начало его распространения среди балкарцев относится к первой половине XVIII века, и завершился этот процесс, видимо, в первой половине XIX века⁴⁶. По свидетельству академика В. В. Бартольда, кыпчаки, одни из предков балкарцев⁴⁷, в южной Руси находились под влиянием «не только ислама, но и христианства»⁴⁸.

До принятия мусульманства религиозные верования балкарцев представляли собой смесь язычества со средневековым христианством. Вплоть до Великой Октябрьской революции да и в первое время после установления Советской власти у них существовало очень много магических жертвопри-

⁴⁶ См.: *История Кабардино-Балкарской АССР...*, т. 1, с. 298.

⁴⁷ См.: *Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов*. Нальчик, 1960, с. 15—26.

⁴⁸ См.: *Бартольд В. В. Соч.*, т. 5, М., 1963, с. 551.

ношений, обрядов, они поклонялись различным «священным» местам, камням, деревьям, склепам, могилам, верили в злых и добрых духов.

Глубокие следы в топонимии Балкаррии оставило христианство. По утвердившемуся в научной литературе мнению, составными элементами в этногенезе балкарцев являются аланы и половцы (кыпчаки)⁴⁹. Христианство получило распространение у кавказских алан еще до монгольского нашествия, среди половцев также могли быть христианские общины⁵⁰. И потому вполне закономерно, что в быту у балкарцев существовали пережитки христианства, своеобразно переплетаясь с языческими верованиями. Топонимия горной Балкаррии пестрит такими названиями, как **Бабас сабан** «попа пашня»; **Байрым чунгурла** «Байрыма впадины»; **Байрым кышлыкъ** «Байрыма зимовье», «Байрым» + «зимовье»; **Жор** «крест»; **Никола** «св. Николай»; **Жора суу** «креста речка»; **Жора ырхысы** «креста поток (дождевой)»; **Жиграк** — «святое место»; **Тотур** «св. Федор»; **Тотур аузу** «ущелье св. Феодора»; **Бай къачы** «богача, хозяина (состоятельного, богатого) крест»; **Къач** «крест» **Аштотур таш** «камень св. Феодора»; **Элия ургъан** «место, где ударил св. Илья (молния)», и др.

Как явствует из перечисленных топонимов, в качестве географических названий выступают имена целого ряда святых. Христианская религия исчезла, а местные наименования, возникшие под ее влиянием, остались. Это свидетельствует о том, что

⁴⁹ См.: *Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов*. Нальчик 1960 г. с. 80.

⁵⁰ См.: *Лавров Л. И.* Карачай и Балкаррия до 30-х годов XIX в.— *Кавказский этнографический сборник*, т. 4. М. 1969 г. с. 109.

христианство играло важную роль в повседневной жизни, быту и обрядах балкарского народа. Элия, т. е. христианский пророк Илья, считался божеством грома. К нему относились с большими почестями. М. М. Текуев пишет: «В значении «гром» в балк. языке употребляется слово элия от Илия-громовержец»⁵¹. Г. Ю. Клапрот писал: «Они уверяют, что он часто показывается на вершинах гор, и ему с пением и танцами приносят они в жертву ягнят, молоко, масло, сыр и пиво (сра)»⁵².

Почиталось это божество и у соседних народов — кабардинцев и осетин. Кабардинцы его называли Щы блэ (Илья). Еще в XV в. у адыгов убитый молнией признавался за святого, и гроб с его телом не закапывали в землю, а вешали на дереве: при этом в течение трех дней совершались обрядовые пляски и жертвоприношения, повторяемые ежегодно⁵³. Осетины поклонялись У а ц и л л е // У а ц е л л е «святому Илье» — богу урожая, грома и молнии. У них это имя встречается в двух вариантах: У а ц и л л а // У а ц е л л а и И л ь я // Е л и а⁵⁴.

Вера в святых сопровождалась не только введением особых обрядов, но и закреплением под их именами «святых» мест, строительством часовен, церквей. В. Ф. Миллер в своей работе о Кавказе упоминает «название каменной часовни в Чегемском ущелье — Аш-Элиа»⁵⁵.

⁵¹ Текуев М. М. Некоторые табу и эвфемизмы в карачаево-балкарском языке. — Теоретические проблемы карачаево-балкарского языкознания. Нальчик, 1979, с. 87.

⁵² Лавров Л. И. Указ. соч., с. 108.

⁵³ См.: История Кабардино-Балкарской АССР..., т. 1, с. 93.

⁵⁴ См.: Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии, ч. 1. Орджоникидзе, 1971, с. 207.

⁵⁵ Миллер В. Ф. Осетинские этюды, т. 8, с. 3. Тифлис, 1884, с. 8.

Дж. Коков среди многих других топонимов, адыгских по своему происхождению, словообразовательным моделям или фонетическому облику, топоним **Щыблэ//Шыблэ** (адыг.) — бог неба (грома) ⁵⁶ возводит к временам язычества. Трудно, конечно, что-либо сказать по поводу происхождения этого названия. Известно, что в осетинском, кабардинском и карачаево-балкарском языках оно выступает в вариантах: осет. — *Уацилла//Уацелла* и *Илья//Елиа*, каб.-адыг. — *Щыблэ//Шыблэ*, балк. — *Элиа//Шибиля*, где балк. *Шибиля* фонетически весьма созвучно с каб. *Щыблэ*. В современном языке балкарцев интересны семантические различия *Элиа* и *Шибиля*. *Элиа* относится к собственно молнии: *Элиа урду* «молния ударила», *Элиа урлукъ* «чтобы молния ударила», *Элияча* «как молния». Но, чтобы сказать «молния сверкнула», применяется словосочетание *Кёк жашнады*, букв.: «небо процвело (позеленело, помолодело, зажглось)». Если же ударит, то ударит только *Элиа*. Слово **Шибиля** для обозначения удара самой молнии почти не применяется, оно употребляется чаще всего, даже всегда, для сравнения какого-либо резкого, болючего удара с ударом молнии: **Шибиля ургъан кибик** «как будто молнией ударило», **Шибиляча не ачы къолунг барды** «рука твоя болючая, как Шибиля (молния)». Интересно отметить, что на половецком языке, наиболее близком из мертвых языков к карачаево-балкарскому, *шабла* означало «кинжал», «нож» ⁵⁷.

Вахушти в 1775 г. сообщал, что в «Бахсане»

⁵⁶ См.: *Коков Дж. Н.* Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. Нальчик, 1973, с. 26—27.

⁵⁷ *Грунин Т. И.* Документы на половецком языке XVI в. М., 1967, с. 414.

(т. е. Балкарском ущелье), как и в соседних осетинских обществах, «главари и знатные суть магометане, а простые крестьяне — христиане, но они не сведущи в той и другой вере: различие между ними состоит только в том, что кушающие свинину считаются христианами, а кушающие конину — магометанами. Все же они почитают подобие идола, которого называют Вачила»⁵⁸. Л. И. Лавров считает, что Вачила — это осетинское божество Уац-Илла, или балкарское Элна, т. е. заимствованный из христианского пантеона св. Илья⁵⁹.

С топонимическими названиями **Байрым**//**Байрам**, **Байрым чунгурла**, **Байрым кышылык** соответственно «св. Мария», «св. Марии впадины», «св. Марии зимовье» было связано много народных поверий, обрядов и святых мест. По Л. И. Лаврову, недалеко от Авсолту находится «священный» камень **Байрам таш**. Другой такой же камень под тем же названием известен в сел. Хулам. Третий камень **Байрам таш** существует в Карачае⁶⁰. О последнем в 1912 г. Н. С. Иваненков писал: «Около него и теперь кладут пожертвования деньгами, вещами, хлебом, возносят молитвы за счастье новорожденного, за здоровье отца или близкого человека, за удачу в каком-либо предприятии»⁶¹. В названии «священных» камней Байрам В. Ф. Миллер видел искаженное Майрам, которое считал име-

⁵⁸ *Вахушти*. География Грузии, кн. 24, вып. 5, 1904, с. 141.

⁵⁹ См.: *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. — Кавказский этнографический сборник, т. 4. М., 1969, с. 118.

⁶⁰ См.: *там же*.

⁶¹ *Иваненков Н. С.* Карачаевцы. — ИОЛИКО, вып. 5, 1912, с. 27.

нем «христианской девы Марии»⁶². И действительно, в современном балкарском языке наравне с географическим названием *Байрым//Байрам* функционирует *Мариам//Майрам* как женское имя. Чисто религиозный смысл содержит лишь Байрам, причем оно как антропоним не встречается. В Чегемском ущелье около сел. Верхний Чегем имеется древний могильник, который издревле считался как священное место, где устраивались жертвоприношения. О том, что почитание Байрам связано с христианской религией, свидетельствует факт существования около сел. Былым христианской часовни под названием Байрым. По преданию, услышанному А. С. Фирковичем, в пещере «хранятся книги, разные вещи и оружие под проклятием, а потому никто не решается прикоснуться к ним и даже открыть тайну эту другим под опасением дурных последствий»⁶³. Об этом писали в своих трудах также В. Ф. Миллер, В. Я. Теппов и М. И. Ермоленко⁶⁴. При раскопках могильника Байрым в Чегемском ущелье найдено много предметов, говорящих о культовых обрядах местного населения⁶⁵. Об остатках христианства, связанных с культом св. Марии у кабардинцев и балкарцев, пишет Г. Х. Мамбетов: «Именем Марии—христианской богоматери назван не только день недели (мэрем) (у балкарцев — *Байрым кюн* «пят-

⁶² Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды.— Вестник Европы, 1884, кн. 4, с. 551.

⁶³ Фиркович А. С. Археологические разведки на Кавказе. — Труды восточного отделения императорского Археологического общества, т. 3, вып. 3. СПб., 1858, с. 128.

⁶⁴ См.: Лавров Л. И. Указ. соч., с. 114.

⁶⁵ См.: Мизиев И. М. Средневековый могильник «Байрым» у сел. Верхний Чегем. — Ученые записки КБГУ, вып. 3. Нальчик, 1964, с. 18—22.

ница»), но и многие места, где были установлены каменные столбы или сложены груды валунов, почитаемых как священные. Как и у православных, у кабардинцев и балкарцев мэрэм (день Марии) считали праздничным, нерабочим днем, а имя Марии почиталось особо, так как она признавалась покровительницей женщин, плодородия и посевов. Летом ей посвящали даже специальный праздник»⁶⁶. После принятия мусульманской религии пятница, т. е. Байрым кюн, осталась праздничным днем. Еще «в 90-х годах XIX века... в каждом (балкарском) обществе была центральная мечеть, в которой в каждую пятницу жители всего общества собирались на коллективную молитву «жума-намаз»⁶⁷.

В топонимах **Тотур** «св. Федор», **Тотур къала** «башня (крепость) св. Федора», **Тотур аузу** «ущелье св. Федора» фигурирует другое христианское божество — св. Федор. Объекты, названные этим именем и почитавшиеся как «святые», имелись в нескольких местах. Именем **Тотур** назывались (по-старинному) весенние месяцы март (**Тотурну ал айы**), апрель (**Тотурну арт айы**)⁶⁸. В Баксанском и Хуламском ущельях издавна были поселки под названием **Тотур**. У хуламского **Тотура** на высокой конической горе стоят развалины христианского храма, и сама эта гора называется **Тотур-тепе**. Средневековые развалины у Верхнего Чегема именуются **Тотур-къала**, т. е. крепость Федора.

Как топонимическое наименование выступает имя другого христианского святого — Николая-

⁶⁶ *История Кабардино-Балкарской АССР...*, т. 1, с. 300.

⁶⁷ Асанов Ю. И. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976, с. 25.

⁶⁸ См.: Шахмурзаев С. Календарь горца. Нальчик, 1970. с. 33—37.

угодника. Одно из мест в Чегемском ущелье носит название **Никкола**. Это имя фигурирует и в старинных названиях месяцев — *Никкола ай* «июнь» (ср. **Никкола башы** (вершина) — в Хуламо-Безенгийском ущелье) по названию божества и праздника ⁶⁹.

С христианством связаны и ряд топонимов со словом «крест»: **Жор** «крест», **Жора суу** «креста вода (речка)», **Жора ырхысы** «креста поток (дождевой)», **Къач** «крест», **Бай къачы** «богатого, состоятельного (богача, хозяина) крест».

Из вышеприведенных примеров видно, в какие причудливые переплетения слились различные наслоения религий в верованиях балкарцев, что нашло свое отражение и в топонимике края. Возможно, не все эти строения предназначались для отправления обрядов христианской религии, но факт их существования, в каком бы количестве они ни были, не вызывает сомнения. Следовательно, и «Бабасов» — поповских мест — тоже было видимо немало. Но с приходом ислама их осталось лишь единицы, о чем свидетельствует топоним **Бабас сабан**.

Исследовав вопрос о проникновении христианства в Осетию, В. И. Абаев писал: «Старые боги получили повые, христианские наименования, но их природа и связанные с ними культовые празднества и обряды долго еще оставались прежними и явственно просвечивали сквозь христианскую оболочку» ⁷⁰. Если говорить о религиозных обрядах балкарцев, то в них легко можно выделить мотивы христианской и мусульманской религий в сочетании

⁶⁹ Лавров Л. И. Указ. соч., с. 109.

⁷⁰ Абаев В. И. Дохристианская религия алан. М., 1960, с. 11.

с древнетюркскими (культ Тейри) и кавказскими (культ Апсаты) верованиями.

Топонимические названия мусульманского происхождения в нашем регионе широкого распространения не получили, что связано, возможно, со сравнительно недавним проникновением ислама в наш край. Это чаще всего микротопонимы, относящиеся к позднему слою топонимической лексики.

В Балкарии, видимо, долгое время среди различных слоев населения и в разных ущельях сосуществовали мусульманская религия с остаточными элементами христианства и пережитками язычества. Иначе как объяснить хотя бы следующие исторические факты. 11 января 1827 г. представители урусбиевских, чегемских, хуламских и собственно балкарских феодалов прибыли к генерал-лейтенанту Г. А. Емануелю в г. Ставрополь и подали прошение о принятии их в российское подданство. При этом они обязались выдать заложников («аманатов»), принести присягу и поступить на военную службу. Передавая прошение, они со своей стороны ходатайствовали о сохранении за ними древних обычаев, суда по шарияту, свободного исповедания ислама⁷¹. В то же время «священное» дерево Раубазы было срублено в Балкарии в 1914 г. Вера в него была так сильна, что местные жители говорили: «Пусть аллах будет на твоей стороне, лишь бы Раубазы было на моей стороне». Щепки от «священного» дерева они хранили и в первые годы советской власти.

Рассматривая отраслевую лексику, заимствован-

⁷¹ См.: Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб., 1851, с. 61.

ную из арабского и персидского языков, А. А. Жаппуев пишет, что «интенсивное пропикновение арабских и персидских слов происходило с начала XVII в. в связи с распространением мусульманской религии среди карачаевского и балкарского народов. В этот период преимущественно заимствуется религиозная и общественно-политическая терминология»⁷². Малочисленность географических названий в Балкарии, связанных с мусульманской религией, еще раз подтверждает архаичность топонимической лексики. Это значит, три столетия — недостаточный срок, чтобы повсеместно закрепились за географическими объектами Балкарии слова мусульманского толка. Для их повсеместного распространения, видимо, потребуется более продолжительное время.

К топонимии региона, связанной с мусульманской религией, относится: **Капыр (кяфыр) шауданла** «иноверцев родники», **Межгит дорбун** «пещера-мечеть», **Хажибаш тёбе** «холм с чалмой на макушке» и др. О том, что в семантике этих названий проступает отпечаток мусульманской религии, видно из составляющих их слов: *Капыр (кяфыр)* «иноверец», «христианин»; *Межгит* «мечеть»; *хажу* «мусульманский проповедник (мулла), побывавший в Мекке», который носил на голове чалму и отсюда — *Хажибаш* «носящий (имеющий) на голове чалму». Название **Капыр шауданла** «иноверцев (христиан) родники» могло появиться после внедрения ислама в среду балкарцев, вернее говоря, в связи со сменой христианской религии мусульманской. Словом *Капыр* называют балкарцы именно

⁷² *Жаппуев А. А.* Заимствованная и общетюркская земельная терминология карачаево-балкарского языка. — Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка, вып. 1. Нальчик, 1979, с. 66.

представителя христианства. Видимо, родники были местом поклонения во времена христианской религии, где имелось и святилище. После установления ислама святилище было разрушено, а родники стали именоваться **Капыр шауданла** «неверных родники». Народная память сохранила об этом предание аналогичного содержания.

Первое слово топонима **Межгит дорбун** означает «мечеть». Мечети, строения для совершения молитв приверженцами ислама, в Балкарии появились относительно недавно. По свидетельству Ю. Н. Асанова, «...в 90-х годах XIX века... во всех крупных и средней величины балкарских селах имелись мечети»⁷⁸. В процессе смены одних религий другими на определенных территориях у многих народов наблюдается тенденция, когда «священные» объекты остаются со старым содержанием, а их религиозная «оболочка» сменяется другой, соответствующей новой вере. Так случилось и с местом **Межгит дорбун** «пещера-мечеть». Без сомнения, эта пещера была местом поклонения и во времена прежних религиозных представлений. Она находится в Тызылском ущелье по руслу р. Гунделен, недалеко от местности **Къабакъ жашагъан** «место нахождения аула». По рассказам стариков, «в той пещере имеются отпечатки рук, колен и головы пайхампара «пророка», когда тот совершал намаз — «молитву». Хотя этот объект носит название «пещера-мечеть» (он мог получить его и не так давно), однако никто из старожилков не помнит даже предания, что там совершалось богослужение мусульманского толка. Следовательно, это место было культовым еще до проникновения ислама.

⁷⁸ Асанов Ю. Н. Указ. соч., с. 25.

Небезынтересно отметить и другую группу местных географических названий, так или иначе связанных с культовыми обрядами: **Жуунуучу** «место для купанья»; **Жууннгу эл** «село при месте для купанья»; **Жууннгу суу** «речка (вода) при месте для купанья»; **Жуунду** «искупался»; **Кукук кычыргъан** «место, где кукушка куковала»; **Мурдар агъач**, букв.: «убийца-лес (дерево)»; **Тешикли къая** «скала с отверстием»; **Тешик таш** «камень с отверстием»; **Киштик тюшген** «где кошка спустилась»; **Къарындашла ташы** «братьев камень»; **Обурла къусдургъан** «место, заставившее вырвать ведем»; **Къарт бодуркъу** («старое (древнее) пугало (чучело)»); **Нарт таш** «нартов камень» (топонимы со словом *нарт* широко распространены у кавказских народов); **Нарт жолла** «нартов тропы (дороги)» и др. Эти объекты в древние времена, а некоторые даже в бытность ныне живущих старожилов, служили для отправления традиционных народных обрядов.

Несколько мест носили названия со словом **Жууннгу** «место для купанья». По преданию, в этих местах в засушливые годы люди купали ослов, поливали друг друга водой, делали жертвоприношения, чтобы вызвать дождь.

На первый взгляд может показаться наивным, что люди называли местность **Кукук кычыргъан** «где куковала кукушка». Мало ли где кукует кукушка, и что в этом особенного. Но в действительности это название гоже отражает поверье людей: если услышать кукование кукушки, особенно натошак, это принесет несчастье, болезни. Про умершего говорили, что он там-то услышал кукование кукушки, которое привело его к смерти. Вероятно, поэтому название закрепилось за определенным местом. Это лишний раз доказывает, что многие

названия исторически связаны с обрядовыми представлениями народа.

Топоним **Къарындашла ташы** «братьев камень» появился в тот период истории балкарцев, когда между племенами действовала кровная месть, а вернее, когда она стала ослабевать. Рассказывают, что кровников приводили к этому камню для примирения. Здесь они давали клятву, что отныне будут вести себя как братья.

Топоним **Тешик таш** «камень с отверстием» был закреплен за камнем, находящимся в микрорайоне Чегет сел. Гунделен по правому берегу одноименной речки. Этот же камень имел другое название **Къара таш** «черный (в смысле скверный, позорный) камень», что проливает свет на семантику топонима. Оказывается, еще в начале нашего века существовал обычай: совершивших преступления, такие, как воровство, прелюбодеяние и др., судили всем обществом у этого камня. Наказание состояло в том, что виновных привязывали к этому камню, и все, имеющие совершеннолетний возраст, проходя мимо них, плевали им в лицо. После чего их отпускали на все четыре стороны. Но это было равносильно тому, что их изгоняли из села. Да после такого позора редко кто и оставался в том обществе. По рассказам старожилков, чаще попадались за неверность. Объект, связанный с таким острым явлением в жизни сельчан, как вышеописанные события, не мог не иметь топонимического названия, которое верно отражало его назначение: **Тешик таш** «камень с отверстием» или **Къара таш** «черный (позорный) камень».

Обращает на себя внимание группа топонимов типа **Нарт таш** «нарта камень», «нартский камень», **Нарт жолла** «нартские тропы», **Ныгыш таш** «Ныгыша камень» (ныгыш — особое место, площадь,

где собирались мужчины села для беседы, собраний). Нарты — герои нартского эпоса, широко распространенного среди кавказских народов, в том числе и балкарцев. Это как бы их мифические предки, которым приписываются все благородные человеческие качества: мужество, стойкость в борьбе за родную землю, справедливость и т. д. И потому термины нартского эпоса, мотивы появления которых относятся к древнейшим периодам в жизни горцев, заняли свое место в топонимике края. Один из таких топонимов — **Ныгыш таш** — «ныгыша камень». «Ныгыш» был оживленным, излюбленным местом сбора горцев в селе. Здесь решались самые злободневные вопросы их жизни, касающиеся сельского общества, такие, как судебные и тяжёлые дела преимущественно по обычному праву. Здесь в беседах коротали время старики, рассказывая различные истории, вспоминая о прошлом⁷⁴. М. О. Косвен пишет: «Такие особые места собраний или площади сохранились у ряда народов Кавказа до недавнего времени»⁷⁵. И действительно, эта традиция была общей у балкарцев, осетин, кабардинцев, и называлось это место соответственно *ныгыш, нихас, хаса*. Что примечательно, этот термин встречается и в топонимических именах этих народов. А. Дз. Цагаева считает такие топонимы древнейшими по происхождению, являющимися отзвуком периода общинно-родового быта⁷⁶. У осетин и кабардинцев этот термин применялся и в сочетании со словом **нарт** в значении «нартowskiй ныгыш»: *Нарт нихас* (осет.), *Нарт хаса* (каб.). Осетины испокон веков, вплоть до 20-х го-

⁷⁴ См.: Асанов Ю. Н. Указ. соч., с. 25.

⁷⁵ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 39.

⁷⁶ См.: Цагаева А. Дз. Указ. соч., с. 177.

дов XX в., решали свои общественные дела, вопросы военных походов и прочее на нихасе⁷⁷. Балкарцы до сих пор имеют обыкновение в свободное время собираться у **Ныгыш таш**.

В нашем регионе немало топонимов, содержащих в себе термины погребальных сооружений: **Огыры къабырла** «верхние могилы, кладбище»; **Сын** «надгробие»; **Сынла** «надгробия»; **Кешенеле** «мавзолей», «склепы», «могильники»; **Кешенеле аллы** «местность перед склепами»; **Кешенетюзю** «равнинная местность перед склепами»; **Кешенеле сырты** «возвышенность у склепов»; **Къалын обала** «могильник с частыми (густыми) могилами»; **Деука обасы** «Деука могильник»; **Гымыжа обасы** «Гымыжа могильник».

В каждом населенном пункте есть по несколько кладбищ, которые называются по микрорайону. Например, в сел. Гунделен они именуются: **Кюнлюм къабырла** «кюнлюм (солнечная сторона) кладбище», **Чегег къабырла** «чегег (тенивая сторона) кладбище»; **Тёбен къабырла** «нижнее кладбище»; **Табшин къабырла** «Табшин (микрорайон села) кладбище»; **Жангы къабырла** «новое кладбище». Некоторые из них носят параллельные названия. К примеру, **Чегет къабырла** имеет другое название **Алау сабаны** «Алау пашня», которое почти не используется в связи с похоронами. На вопрос, где хоронят умершего, обязательно ответят — на Чегет къабырла. Название **Алау сабан** «Алау пашня» употребляется в таких устойчивых фразеологических единицах, как **Алау сабаннга бар** «чтобы ты оказался в Алау сабан» (т. е. чтобы умер, чтобы оказался на кладбище в числе покойников). Инте-

⁷⁷ См.: Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 411—416.

ресно отметить, что Алау — в действительности существовавшее лицо — Алау Байсултанов. Таким образом, термин указывает на то время, когда местность принадлежала определенному человеку и использовалась им под пашню, и может пролить свет на историю возникновения данного топонима.

Некоторые места носят названия **Сын, Сынла**, хотя никаких надгробий в настоящее время там нет.

В Чегемском ущелье много мест, называемых **Кешене, Кешенеле** «склепы», «мавзолеи». Там сохранилось множество погребальных сооружений в виде мавзолеев и склепов. «Эти **Кешене** представляют собой эффективные памятники архитектуры. Они бывают четырехугольные в плане с двухскатной крышей и шести-или восьмигранные с пирамидальной крышей. Характерной особенностью их является отсутствие дверей. Но каждый мавзолей имеет по одному окошку»⁷⁸. Известны восьмигранные кешене у сел. Булунгу, четырехгранное у сел. Думала и одиннадцать кешене на могильнике у сел. Верхний Чегем — четыре восьмигранных и семь четырехгранных⁷⁹.

В рассматриваемой группе топонимов следует различать два термина — **къабырла** «кладбище», «могилы» и **обала** «могильник», «старые могилы». Термин **оба** «могила» относится только к древним погребениям. Чаще всего они бывают курганной формы и не на современных кладбищах. **Оба** могут быть одиночными могилами и групповыми. Само слово **оба** относится к арханзмам в карачаево-балкарском языке и все больше отходит от активной части словарного фонда. Небезынтересно привести

⁷⁸ См.: Лавров Л. И. Указ. соч., с. 115.

⁷⁹ Там же, с. 116.

семантические параллели термина **оба** в осетинском языке: в иронском диалекте **обау** означает «курган» (погребальное сооружение), а в дигорском «курган» передается словом **туппур**, что в балкарском тоже «курган». В то же время «склеп» в иронском — **заппадз**, а в дигорском — **обай**⁸⁰. По-видимому, балкарское **оба** «старая могила», иронское — **обау** «курган» и дигорское **обай** «склеп» восходят к единому источнику. В монгольском языке **оба//обоо** «куча камней на перевалах или вершинах гор». Термины «курган», «указатель дорог» выступают в топонимии⁸¹ весьма продуктивно.

Итак, термины различных погребальных сооружений принимают активное участие в образовании балкарских топонимических названий.

Завершая раздел о терминах духовной культуры карачаево-балкарского языка, отраженных в балкарской топонимии, можно с уверенностью заключить, что они широко представлены в топонимической лексике нашего региона. Это объясняется тем, что на историческом пути развития балкарского народа в его духовной жизни большую роль играли различные религиозные представления и обряды. Все происходившие явления природы они объясняли себе исходя из наивных религиозных верований. Затуманенное предрассудками и пережитками сознание народа придавало стихийным, не подвластным человеку явлениям действительности особую значимость, приписывало им сверхъестественную магическую силу. Поэтому термины духовной культуры, занимая такое важное место в жизни балкарцев, и получили распространение в географических наименованиях местных объектов.

⁸⁰ См.: Цагаева А. Дз. Указ. соч., с. 206.

⁸¹ См.: Мурзаев Э. М. Указ. соч., с. 265.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМОВ

Принципы структурного анализа

Топонимисты в своих работах по-разному подходят к вопросу образования географических названий, следовательно, по-разному и решают его. Хотя каждый по-своему выделяет классы топонимов, все же критерий подхода к их классификации у всех один и тот же — структурно-морфологический. Так, например, А. В. Суперанская их подразделяет на «модели»: однословные топонимы, топонимы сложные слова и многословные, и каждый из этих классов — еще на более мелкие группы¹. В. А. Жучкевич по морфологическому признаку (форме) делит топонимы на простые и сложные, или составные². Рассматривая структуру каракалпакских топонимов, Т. Бегжанов и К. Абдимуратов приводят простые и сложные группы географических названий³.

Известно, что под структурой топонимов обычно понимают характерные особенности их конкретного морфологического типа, то есть способность сочетаться с соответствующими аффиксами и служить основой для некоторых типов словообразования⁴.

¹ См.: Суперанская А. В. Структура имени собственного. М., 1969, с. 87.

² См.: Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск, 1968, с. 88.

³ Бегжанов Т., Абдимуратов К. Структура каракалпакских топонимов. — Советская тюркология. Баку, 1971, № 6, с. 85.

⁴ Там же, с. 84.

Географические имена образуются от апеллятивов. Кроме этого, наименованиями объектов могут выступать и слова, не имеющие апеллятивного значения, то есть имена и фамилии людей, другие собственные имена. «Компоненты топонимов всегда бывают в какой-то связи, отношении друг с другом. Исходя из словообразовательных возможностей какого-либо определенного языка, мы обязаны выделить все аффиксы и все типы словосложения, и каждая мельчайшая рубрика будет своего рода типом или подтипом»⁵. Большинство типов балкарских топонимов состоит из двух слов. Однословных типов сравнительно немного. Имеются топонимические названия, состоящие из трех, четырех и пяти компонентов. А. В. Суперанская причину возникновения двусловных и многословных топонимов видит в том, что «люди просто не могут дать всем объектам, находящимся на данной территории, совершенно особые, не похожие друг на друга названия. Это, возможно, связано и с особенностью памяти человека, так как потребовало бы запоминания большого числа не похожих друг на друга слов. Потому названиям нужно было дать новые определения, то есть дополнительные элементы». Многословные топонимы по принципу языковой экономии для удобства употребления постепенно сокращались, и некоторые из них стали однословными. Такой вывод по крайней мере можно сделать на основе исследования тюркских, в частности балкарских, топонимов. В качестве примеров приведем такие балкарские топонимы, как **Акъла** «белые», **Къызылла** «красные», **Ташлы** «каменная», **Сары** «желтая» и др.

⁵ Суперанская А. В. Структура имени собственного. М., 1969, с. 55.

Совершенно очевидно, что все они являлись определениями и произносились в сочетании с именем. С течением времени имена отпали, а прилагательные субстантивировались, и стали однословными топонимическими наименованиями. Нельзя отрицать возможности возникновения и однословных топонимов. Такими могли выступать географические термины типа **Сырт** «возвышенность», **Тала** «поляна», но их, видимо, было очень немного, так как географические объекты с одинаковыми названиями легко могли спутать друг с другом. А микротопонимы, как известно, сплошь и рядом состоят из двух, трех, а иногда и из нескольких компонентов.

Необходимо подчеркнуть, что из всех средств — корневых слов, словообразовательных аффиксов, средств сочетания — в образовании топонимов участвуют не все, а лишь определенные. Эта избирательность в выборе словообразовательных средств, изменения топонимов по строгим закономерностям дают право сделать вывод о существовании какой-то системы. Но о системе в топонимии Балкарии говорить было бы ошибочно, так как это понятие более широкого масштаба. Системы, например, могут составить топонимы нескольких близкородственных тюркских языков, с учетом и территориальных условий. Ю. А. Карпенко говорил: «Единая топонимическая система охватывает всю территорию распространения одного языка или даже группы близкородственных языков. Так, территория распространения русского, украинского и белорусского языков представляет, по-видимому, одну систему. Однако это не означает факультативности топонимической системы. Определение действия этой системы как тенденции, а не как закона объясняется тем, что есть множество слу-

часев, в которых по требованию системы, казалось бы, должно произойти изменение, однако изменение не происходит. Другими словами, есть множество нарушений системы»⁶. По нашим материалам, можно вести речь лишь об отдельных типах, а не о целой топонимической системе.

Исходя из имеющихся материалов и опираясь на теоретические предпосылки, высказывания ряда отечественных топонимистов, топонимические названия высокогорной части — ущелий Кабардино-Балкарской АССР считаем нужным классифицировать по принципу структурно-морфологическому на: 1) простые, 2) сложные и 3) составные.

Каждый из этих классов, в свою очередь, делится на мелкие структурные группы, отличающиеся друг от друга по наличию или отсутствию в составе топонимов аффиксов, по способу сложения основ, сочетания компонентов, по участию в них той или иной части речи, по способу образования и другим признакам. Рассмотрим их

Простые топонимы

В разряд простых топонимов входят названия, состоящие из одного компонента. Они могут быть: а) корневыми и б) аффиксальными. К корневым топонимам относятся:

1) имена существительные, нарицательные, в единственном числе, основном падеже: **Сырт** «возвышенность», **Къыр** «хребет», **Чунгур** «впадина», **Кюнлюм** «солнечная сторона», **Чегет** «теневая

⁶ Карпенко Ю. А. О синхронической топонимике. — В сб.: Принципы топонимики. М., 1964, с. 56.

сторона». (Автор считает нецелесообразным сопровождать названия географическими привязками, так как они имеются для большинства топонимов в источниках, названных во введении);

2) имена существительные, собственные, в единственном числе, основном падеже: **Бапына**, **Алчагыр**, **Хустос**, **Хычау**;

3) имена прилагательные, качественные, в единственном числе, основном падеже, субстантивированные: **Сары** «желтая», **Ачы** «горькая».

К простым **аффиксальным** топонимам относятся:

1) имена существительные, нарицательные, в основном падеже, множественном числе, с аффиксами *-ла/-ле*: **Чунгурла** «впадины», **Дыркыла** «террасы» (на склоне холма), **Тёбеле** «холмики», «курганы», **Къырыкъла** «желоба»;

2) имена прилагательные, качественные, в основном падеже, субстантивированные, во множественном числе, с аффиксами *-ла/-ле*: **Зугулла** «продолговатые», «эллипсообразные», **Акыла** «белые», **Къызылла** «красные»;

3) имена прилагательные, относительные, субстантивированные, в единственном числе, основном падеже, образованные от имен существительных с помощью аффиксов наличия, обладания предметом или признаком *-лы/-ли/-лу/-лю*: **Гашлы** «каменная», **Шинжили** «колючая, с колючками», **Табкалы** «террасная», «с террасами», **Къоргъашинли** «свинцовая», «имеющая свинец»;

4) имена существительные, нарицательные, в единственном числе, основном падеже, образованные от имен существительных с помощью аффиксов назначения, принадлежности *-лыкъ/-лик/-лукъ/-люк*: **Къышлыкъ** «зимовье», «зимовка», **Са-**

банлыкь «пашня», «земельный участок, отведенный под пашню»;

5) имена существительные, парцательные, в единственном числе, основном падеже, производные, образованные от имен существительных с помощью аффикса деятеля (профессии) *-чы/-чи -чу/-чуо*: **Кийикчи** «охотник», **Ындырчы** «молотильщик»;

6) имена существительные (имена действия), парцательные, в единственном числе, основном падеже, производные, образованные от глаголов с помощью аффиксов *-ыу/-уу/-уу/-ууо*: **Кечиу** «брод»;

7) имена прилагательные, относительные, субстантивированные, во множественном числе, основном падеже, производные, образованные от имен существительных с помощью аффикса наличия *-лы/-ли/-лу/-лю* + аффикса множественного числа *-ла/-ле*: **Зыгытлы + ла** «место с молодой порослью»;

8) имена прилагательные, относительные, субстантивированные, во множественном числе, основном падеже, образованные от имен существительных с помощью аффикса отсутствия предмета (признака) *-сыз/-сиз/-суз/-сюз* + аффикса множественного числа *-ла/-ле*: **Суусузла** «безводные места»;

9) имена прилагательные, относительные, субстантивированные, в единственном числе, основном падеже, производные, образованные от собственных имен существительных с помощью русских словообразовательных суффиксов *-ов/-ев + ск + ий*: **Согаевский, Узденовский, Моллаевский, Абдуллаевский**.

Из многих словообразовательных аффиксов в образовании простых топонимов изучаемого ре-

гнона принимают участие лишь некоторые: 1) аффикс множественного числа *-ла/-ле*; 2) аффикс наличия *-лы/-лу/-лю*; 3) аффикс назначения, принадлежности *-лыкѡ/-лик/-лукѡ/-люк*; 4) аффиксы деятеля *-чы/-чи/-ци/-чию*; 5) аффиксы *-бу/-уу/-юу*, образующие от глаголов имена существительные; 6) аффиксы отсутствия предмета, признака *-сыз/-сиз/-сюз*; 7) русские аффиксы *-ов/-ев + ский*. Среди этих аффиксов нет такого, который бы, потеряв связь с апеллятивными словами, превратился в топообразующий. Правда, имеются непрозрачные географические названия с повторяющимися однотипными формантами на *-шкы, -ты, -чы* и их вариантами: **Быкъмылгы, Гюдюрю, Жюкюрюшкю, Гестенти, Былдышхы** и др., **Кюлтю, Билчи** и др. Но утверждать, что они — топообразующие аффиксы, пока нельзя.

Конкретно остановимся лишь на известных словообразовательных аффиксах *-ла, -лы, -лыкѡ, -чы*. Они, сочетаясь как с топонимами, так и с другими словами в балкарском языке, широко выполняют свои функции. Небезынтересно рассмотреть некоторые из этих аффиксов, специфику их употребления в сравнении с другими тюркскими языками, обратив внимание на своеобразие формы и применения этих аффиксов в карачаево-балкарском языке.

Большой интерес представляет собой специфика функционирования в балкарской топонимии аффикса мн. числа *-ла/-ле*.

Первой примечательной чертой балкарских топонимов, связанных с аффиксом мн. числа, является частое и разнообразное применение последнего. Он применяется и с теми формами слов, в которых в обычных, вистопонимических сочетаниях почти не принимает участия. О частом применении эффек-

са мн. числа *-ла// -ле* в составе топонимов свидетельствуют такие примеры: **Мокъа биченликле** «Мока покосы», **Мусук къулакъла** «Мусук балки», **Къарындаш къолла** «братьев балки» (букв.: братья — балки), **Бодуркъула** «чучела», **Мыстыла** «солончаки», **Акъ жарла** «белые (известковые) обрывы», **Байдалары** «Байдаевы», **Азаматлары** «Азаматовы» и т. п.

Вопрос о происхождении аффиксов, отдельных их видов в тюркских языках приобретает в настоящее время все большее значение в связи с тем, что «языковеды-тюркологи все чаще от описания материала тюркских языков переходят к попыткам анализа причинной связи и внутренней основы языковых явлений».

Для топонимической науки проблема происхождения аффиксов представляет определенный интерес, так как во многих топонимах консервировались такие словообразовательные аффиксы, которые в современных состояниях слов путем фонетического сплавления уже превратились в морфологически неразложимые единицы.

В тюркологической литературе появился ряд статей, посвященных вопросу возникновения, исторического развития аффикса множественного числа *-ла// -ле* в тюркских языках. Этому же вопросу посвящается статья А. Азнабаева, В. Псянчина с анализом различных гипотез о возникновении аффикса⁷. В статье подчеркивается, что среди тюркологов нет единого мнения по этому вопросу. Г. И. Рамстедт считал, что аффикс мн. числа *-лар* в тюркских языках в прошлом был самостоятель-

⁷ Азнабаев А., Псянчин В. К проблеме исторического развития аффикса множественного числа *-лар* в тюркских языках. — Советская тюркология. Баку, 1971, № 5, с. 11—20.

ным словом, которое с течением времени потеряло свое реальное значение и превратилось в служебный формант⁸. По мнению Б. А. Серебренникова *-лар* представляет собой сложный аффикс, состоящий из двух древнейших показателей собирательной множественности. Появление *-р* он объясняет совпадением форманта *-ла* с формантом имеющегося в прошлом в тюркских языках совместного падежа и стремлением устранить омонимию аффиксов⁹.

А. Азнабаев и В. Псянчин считают правильным гипотезу Н. Поппе, который в данных фактах усматривает специфическую черту алтайских языков в частной комбинации отдельных аффиксов множественного числа. Эти же авторы приводят мнения ряда ученых в пользу последней гипотезы. По И. А. Батманову в киргизском языке местоимение второго лица множественного числа имеет несколько вариантов: *сиз-силер*, *сиздер*¹⁰, то же самое наблюдается у сибирских татар: *алдынг-ыз*, *алдынг-ар*, у ногайцев: *сиз/сенлер*. Н. К. Дмитриев, основываясь на том, что турецкому повелительному наклонению *алинг-из* «берите вы» соответствует казахское и узбекское *алынг-дар* и *алинг-лар*, утверждает, что *-ыз* равняется *-лар/-дар*¹¹. Такие же параллели можно привести из монгольских языков. Так Т. А. Бертагаев пишет, что «большин-

⁸ *Рамштедт Г. И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957, с. 27.

⁹ *Серебренников Б. А.* О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-лар* в тюркских языках.— Советская тюркология, 1970, № 1, с. 52.

¹⁰ *Батманов И. А.* Грамматика киргизского языка. Фрунзе, 1940, с. 34.

¹¹ *Дмитриев Н. К.* Категория числа.— Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. II. М.-Л., 1956, с. 67—68.

ство аффиксов в монгольских языках состоит из двух некогда простых и первородных аффиксов, слитых в единый форматив»¹². Возникновение и параллельное существование в тюркских языках двух видов аффикса множественного числа А. Азнабаев и В. Псянчин объясняют явлением плеоназма, которое широко распространено в тюркских и монгольских языках.

Тюркологи не отрицают того факта, что аффикс множественного числа, который почти во всех современных тюркских языках функционирует в форме *-лар*, прошел сложный многоступенчатый исторический путь развития. В современном карачаево-балкарском языке значение множественности передается: в именах существительных и во всех субстантивированных именах и некоторых формах глагола формантом *-ла'-ле*: *ат* «лошадь» *-атла* «лошади», *келген* «прибывший» *-келген + ле* «прибывшие», *келсин* «пусть придет» *-келсин + ле* «пусть придут», *бу* «этот» *-бы + ла* «эти», *ол* «он» *-а + ла* «они», *мунукъу* «его (вещь)» *мунукъу + ла*, его (вещи) (некоторые виды местоимения и глаголов — без этого аффикса в формах: *мен* «я», *биз* «мы», *бараса* «идешь», *барасыз* «идете») и др.

А. Азнабаев, В. Псянчин приходят к выводу о том, что множественное число имен существительных имело следующую древнейшую форму: *кадал* «горы» *урал/юрал* «горы», *ата-а-л* «кони» и т. д. С течением времени подобные формы стали утрачивать значение множественности, воспринимаясь как корневое слово, чем и объясняют они появление нового показателя множественности — неопределенности — широких гласных *-а/-а*. Образован-

¹² Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 54.

ный таким образом комплекс *-ла/-ле*, по всей вероятности, продолжал служить показателем множественности и после распада общетюркского единства. Далее аффикс *-ла* также начал терять функцию показателя множественного числа и присоединил к себе новый показатель множественности *-р*. Только в балкарском, уйгурском и кумыкском языках (видимо, по причине их обособленного развития и функционирования) он сохранил свое прежнее значение. В других же тюркских языках следы аффикса *-ла* со значением множественности можно обнаружить лишь в отдельных диалектах и говорах (кумыкского, уйгурского и узбекского языков), а также в топонимах¹³. В противоположность этому исследователь карачаево-балкарского языка проф. М. А. Хабичев утверждает, что «аффиксы множественного числа в карачаево-балкарском языке *-ла*, *-ле* развились из аффиксов *-лар*, *-лер*, которые в других тюркских языках носят значение множественности»¹⁴. Мы присоединяемся к мнению тех ученых, которые считают *-ла/-ле* древнейшим формантом множественности, о чем свидетельствуют и топонимические факты карачаево-балкарского языка.

Из всех словообразовательных аффиксов, принимающих участие в образовании односложных топонимов во взятом нами регионе, наиболее продуктивными являются аффиксы наличия, или а ф ф и к с ы о б л а д а н и я, *-лы/-ли/-лу/-лю*. И это не случайно, так как этот аффикс в балкарском языке широко применяется для образования относительных прилагательных от имен существительных:

¹³ Азнабаев А., Псянчин В. Указ. раб., с. 10.

¹⁴ Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1966, стр. 150.

сют «молоко» — **сют+лю** «имеющая молоко», «породистая» (корова), **къайын** «береза» — **къайын+лы** «имеющее березы (место)», «березняк», **акъыл** «ум», «разум» — **акъыл+лы** «имеющий ум, разум», «умный», «разумный», **кюч** «сила» — **кюч+лю** «сильный», «имеющий силу», редко от имен числительных (при этом показывают возраст): **терт** «четыре» — **терт+лю** «в возрасте четырех лет (животное)». Имена прилагательные, образованные с помощью аффикса *-лы* и его вариантов, очень часто субстантивируются, и порою отличить их от имен существительных бывает трудно: **ат** «конь» — **ат+лы** «всадник», **тау** «гора» — **тау+лу** «гористое», «имеющее горы», в другом значении это слово означает «горец» — общее этническое самоназвание балкарцев. Аффикс *-лы/-ли* вместе с названием местности, т. е. топонимом, дают понятие — житель данной местности, выходец из данной местности. Например: *Чегем* — название местности (ущелья, села), *чегем+ли* — «житель Чегема», «чегемовец»; *Малкъар* — название Балкарского ущелья, этноним, *малкъар+лы* — «житель Балкарского ущелья», «выходец из Балкарского ущелья», «балкарец»; *Бызынги* — название ущелья, села, *бызынги+лы* — «житель этого ущелья», «выходец из Безенгийского ущелья», «безенгиевец»¹⁵. (По утверждению некоторых ученых *Бызынги* происходит от названия древнего тюркского племени). Но **Баксан** — название ущелья, села, города, *баксан+чы* — «житель Баксана», «выходец из Баксана», «баксановец», так же: *Москва* — город, *Москва+чы* — «москвич», «житель Москвы». В то же время представители наций, народностей, этни-

¹⁵ М. А. Хабичев доказывает, что *Бызынги* восходит к этнониму одного из древних тюркских племен «печенег». — Советская тюркология. Баку, 1971, № 2, с. 127.

ческих групп в балкарском языке образуются путем прибавления к этнониму аффикса *-лы* и его вариантов: *орус тил* «русский язык», *орус+лу* «русский», «представитель русской нации»; *Къабарты* «Кабарда», *къабарты+лы* «кабардинец»; *Къарачай* «Карачай», *къарачай+лы* «карачаевец», «представитель карачаевского народа». Встает вопрос, почему нельзя говорить *чегем+чи*, *малкъар+чы* или *бахсан+лы*, *кёнденен+ли*? Это наталкивает на мысль, что, возможно, *Чегем*, *Бызынгы*, *Малкъар* в прошлом могли быть этническими названиями (*Малкъар* стал этнонимом балкарцев только в советское время, а раньше *Малкъар* было названием Балкарского ущелья и селения в том же ущелье). Нужны дополнительные всесторонние исследования, чтобы сделать убедительные выводы по данному вопросу.

Часто применяются в балкарском языке аффикс именного образования *-лыкъ* и его варианты. Как было сказано выше, он носит значение будущего назначения предмета: *тон* «шуба» — *тон + лукъ* «из чего будут делать шубу», *къочхар* «баран» — *къочхар + лыкъ* «тот, кто в будущем станет бараном-производителем», *жай* «лето» — *жай + лыкъ* «летовка», «пастбище», *къыш* «зима» — *къыш + лыкъ* «зимовка», «место, предназначенное для зимовки», *кёз* «глаз» — *кёз + люк* «очки»; абстрактного понятия: *бай* «богатый» — *бай + лыкъ* «богатство», *ахшы* «хороший» — *ахшы + лыкъ* «добро», *жарлы* «бедный» — *жарлы + лыкъ* «бедность», *келек* «рубаха» — *келек + лик* «для рубахи».

Сложные наименования местности

Сложных названий, состоящих из двух или нескольких корней, в балкарской топонимии

немного: **Поштжол** «почтовая дорога», **Промплощадка** «промплощадка», **Темиррез** «железо давящий», **Ташкёпюр** «каменный мост».

Этот способ словообразования в балкарской топонимии развит сравнительно слабо, хотя вообще в карачаево-балкарском языке они довольно часто встречаются, о чем свидетельствует Ю. Х. Джабоев: «В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, издревле наличествует аналитический способ словообразования. ...Образование сложных слов является одним из продуктивных способов именного и глагольного словообразования в карачаево-балкарском языке»¹⁶: *акъсакъал* «белобородый, старец» *кёкташ* «купорос (медный)», образованы путем сложения прилагательного и имени существительного: *ючаякъ* «трехножка», *жюзаякъ*, букв.: «стоножка», *ючмойюш* «треугольник» (неологизм), *бешжыллыкъ* «пятилетка», *экижашар* «двухгодовалое (животное)» — от имен числительных и имен существительных или субстантивированных форм глагола. Встречаются сложные слова, компоненты которых состоят из имени существительного и глагола: *башкес* «палач», «головорез» (букв.: голова+режь), *эльбер* «загадка» (букв.: село+дай), *тюбсий* «человек (ребенок), страдающий недержанием мочи» (букв.: низ+мочись). Часто сложными в балкарском языке бывают личные имена, фамилии людей: *Сыйлыкъыз*, букв.: «почетная (почитаемая) + девушка», *Къаричач*, букв.: «черноволосая», *Ариу-жан*, букв.: «красивая + душа», *Айжаякъ*, букв.: «луна + щека», *Бийегер*, букв.: «господин + друг,

¹⁶ *Джабоев Ю. Х.* О способах обогащения лексики карачаево-балкарского языка в советский период. — Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка, вып. 1. Пальчик, 1979, с. 61.

товарищ», клички животных: *Акъкъаш* «белая бровь», *Къараууз* «черная + морда», *Еребаиш* «продолговатая голова», *Къаракъулакъ* «черные уши»; топонимы: *Къаишхатау* «голая, (лысая) гора», *Жемтала* «ягода + поляна», *Беиштау* «пять + гора», *Таишкёюр* «каменный + мост».

Как видно из приведенных примеров, сложные топонимы развиты из составных путем усечения — отпадения отдельных компонентов. Кроме этого, существенной чертой сложных топонимов выступает то, что, сливаясь в одно целое, теряется одно ударение.

Составные названия

Разряд составных топонимов — наиболее разнообразный из всех нами перечисленных. Исследование этих топонимов в плане структурно-морфологическом сводится к определению моделей по сочетанию слов, частей речи, составляющих компонентов, выполняющих функции как члены предложения, по словосочетаниям, типам грамматической связи между словами. Эти и другие лексико-грамматические значения слов в словосочетаниях, составляющих топонимические названия, наиболее ярко выражены в состоящих из двух слов топонимах, основных групп словосочетаний — атрибутивно-субстантивных и атрибутивно-определятельных (по классификации Н. А. Баскакова). В наших материалах преобладают примеры первой группы. Основные виды атрибутивно-субстантивных двусоставных словосочетаний, встречающихся в местных названиях нашего региона, таковы:

а). Простые атрибутивно-
субстантивные словосочетания

А. *Определяемое — субстантивная форма имени и определение — именное.*

1. *Определяемое — имя существительное, нарицательное, в единственном числе, определение — имя существительное, нарицательное, в единственном числе, тип грамматической связи (далее — тип связи) — примыкание: Баш кьол «верхняя (главная) балка», Ёзен кёл «озеро на равнине», Сырт дорбун «пещера на возвышенности», Сырт кёл «озеро на возвышенности», Кюл тёбе «курган (холмик) из золы», Агъач ара «поляна, леса середина», Хан тёбе «хана курган», Къан жол «красная дорога».*

2. *Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, определение — имя существительное, собственное, в ед. числе, тип связи — примыкание: Хасанахан дорбун «Хасанахана пещера», Жарашты къабакъ «Жарашты аул», Ислам жол «Ислама дорога», Мачу кьол «Мачу балка», Хычау дорбун «Хычау пещера», Адыл суу «Адыла речка», Темиррез кьол «Темирреза балка», Баймырза дорбун «Баймырзы пещера», Хазгери кьол «Хазгери балка», Тамбий стауат «Тамбия стойбище», Къалабек дорбун «Калабека пещера», Чежокъ къабакъ «Чежока аул», Беппай сызгъа «Беппая расселина».*

3. *Определяемое — имя существительное, нарицательное, во множ. числе, определение — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, тип связи — примыкание: Отоу орунла «места для помещения (дома)», Тай орунла «помещение (загон) для жеребят», Къой баула «загон для овец (овчария)».*

4. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, определение — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, образованное от имени существительного с помощью аффикса деятеля *-чы*, тип связи — примыкание: **Туарчы кьош** «скотоферма, помещение для скотников», **Биченчи кьол** «балка, где заготавливают сено; балка тех, кто убирает сено», **Темирчи кьол** «балка кузнецов».

5. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, определение — имя прилагательное, качественное, тип связи — примыкание: **Къара суу** «черная речка», **Уллу дорбун** «большая пещера», **Уллу чат** «большая балка (замкнутая между двумя горными хребтами)», **Гитче чат** «малая балка (замкнутая между горными хребтами)», **Къара кьол** «черная балка», **Сары тюз** «желтая равнина».

6. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, определение — имя прилагательное, образованное от наречий, тип связи — примыкание: **Огъары аууш** «верхний перевал», **Огъары бийлик** «верхний загон», **Кюллюм кьол** «балка на солнечной стороне», **Чегет тюз** «равнина на теневой стороне».

7. Определяемое — имя существительное, собственное, в ед. числе, определение — имя прилагательное, качественное, тип связи — примыкание: **Уллу Къасай** «большой Касай», **Гитче Къасай** «малый Касай».

8. Определяемое — имя существительное, нарицательное, во множ. числе, определение — имя прилагательное, качественное, тип связи — примыкание: **Акъ жарла** «белые обрывы», **Терен дорбунла** «глубокие пещеры», **Къыбыдын жухла** «выступы на солнечной стороне».

9. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, определение — имя прилагательное, относительное, образованное от имени существительного с помощью аффикса наличия: *-лы*, тип связи — примыкание: **Къамишли къол** «камышовая балка», **Жеркли къол** «вербная балка», **Кундушлу сырт** «возвышенность с чечевицами».

10. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, определение — имя прилагательное, относительное, образованное от глагола с помощью аффикса *-ыу*, тип связи — примыкание: **Жалау чат** «балка с солончаками».

11. Определяемое — имя существительное, нарицательное, во множ. числе, определение — имя прилагательное, относительное, образованное от имени существительного с помощью аффикса *-лыкъ*, тип связи — примыкание: **Кюзлюк сабанла** «пашни под зябь, осенние пашни».

12. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, определение — имя числительное, количественное, тип связи — примыкание: **Эки ара** «середина», букв.: «два + середина» (между двумя).

Б. Определяемое — субстантивная форма имени, определение — глагольное.

13. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, определение — причастие прошедшего времени с аффиксом *-гъан*, тип связи — примыкание: **Ачыгъан суу** «горькая вода», **Кюйген къая** «сгоревшая скала (черная скала)», **Къуругъан шаудан** «высохший родник» (сухое русло).

Необходимо отдельно выделить топонимические

названия типа **Домбай туруучу** «Домбая стоянка», **Киштик тюшген** «кошки спустившейся (место)». Эти словосочетания в структурном отношении состоят из имени существительного и причастия, прошедшего или настоящего времени. Дело в том, что эти конструкции некоторыми учеными считаются предложениями, в которых логическое подлежащее оформлено основным падежом, а логическое сказуемое — причастной формой. В сущности, такого типа словосочетания, будучи неразложимыми, являются развернутыми причастными определениями и примыкают к определяемому. Но сложность заключается в том, что в наших примерах типа **Гылыу туруучу** (жер) «Гылыу стоянка», **Къызла кюйген** (жер) «девушек сгоревших (место)» определяемое слово *жер* «место, местность» отсутствует, оно только подразумевается. В связи с этим причастие субстантивируется и причастный оборот как бы вбирает в себя функции определения и определяемого. Ниже перечисляются эти топонимы, их виды по участию различных категорий имени существительного и причастия в словосочетаниях:

14. Сочетается имя существительное, собственное (личное имя), в ед. числе, основном падеже с причастием настоящего времени на *-уу + чу*: **Айдобол туруучу** «Айдобола стоянка», **Гылыу туруучу** «Гылыу стоянка» **Ёребаш туруучу** «Ёребаша стоянка», **Муса туруучу** «Мусы стоянка».

15. Сочетается имя существительное, нарицательное, во множ. числе, основном падеже с причастием настоящего времени на *-уу + чу*: **Дохтурла туруучу** «ветеринаров стоянка».

16. Сочетается имя существительное, собственное (фамилии), во множ. числе, основном падеже с причастием настоящего времени на *-уу + чу*:

Моллалары туруучу «Моллаевых место», «Моллаевы проживающие (место)», **Хадажукълары туруучу** «Атажукиных стоянка», **Тежалары туруучу** «Тежаевых стоянка», **Озарыкълары туруучу** «Озарыковых стоянка».

17. Сочетается имя существительное, нарицательное, в ед. числе, основном падеже с причастием прошедшего времени на *-гъан*: **Суу чыккъгъан** «речка вытекающее (место)», **Киштик тюшген** «кошка спустившееся (место)», **Жан туугъан** «человек (или вообще «плод») родившееся (место)», **Къабакъ жашагъан** «аул жившее (находившееся место)», **Къой чапхан** «овца побежавшее (место)».

18. Сочетается имя существительное, собственное (личное имя), в ед. числе, основном падеже, с причастием прошедшего времени на *-гъан*: **Горда бегитген** «Гордой загороженное (место)», **Жабакълы кютген** «Жабагылы пасшее (овец) (место)».

19. Сочетается имя существительное, нарицательное, во множ. числе, основном падеже с причастием прошедшего времени на *гъан*: **Къызла кюйген** «девушек сторевших (место)».

20. Сочетается имя существительное, нарицательное, в ед. числе, основном падеже с причастием страдательного залога на *-ыл + аффикс* прошедшего времени *-гъан*: **Къой сюрюлген** «овец (букв.: «овца») угнанных (место)».

21. Сочетается имя существительное, нарицательное, в ед. числе, основном падеже с причастием настоящего времени на *-ыу + чу*. При этом имя здесь выступает как объект по отношению к действию, в отличие от словосочетаний типа **Дохтурла туруучу** «доктора находившееся (место)»: **Туз бе-**

риучю «(место)», где дают соль», Аш ийиучю «(место), откуда посылают пищу».

22. Сочетается имя существительное, нарицательное, во множ. числе, в основном падеже (как объект действия) с причастием настоящего/времени на *-уу + чу*: Ёгюзле уруучу «(место), куда загоняют быков».

б). Притяжательные атрибутивно-субстантивные словосочетания.

А. Определяемое — субстантивная форма имени, определение — именное.

23. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица *-ы*, определение — имя существительное, собственное, в ед. числе, без падежного окончания, тип связи — примыкание: Инал сырты «Инала возвышенность», Бечо ауушу «Бечо перевал».

24. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, без падежного окончания, тип связи — изафет II, примыкание: Къала дорбуну «пещера у башни» (башни пещера), Гара тюзю «нарзанова равнина», Чат башы «балки верховье (вершина)».

25. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение — субстантивированное имя прилагательное, в ед. числе, без падежного окончания, тип связи — изафет II, примыкание: Акъ тюбю «белой (скалы) низ, низовье», Къызыл тюбю («красной, бурой (скалы) низовье», Къара тюбю «черной (горы) низовье», Къызыл тамагъы «красной (скалы) горловина».

26. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение — субстантивированное имя прилагательное, во множ. числе, без падежного окончания, тип связи — изафет II, примыкание: **Къарала тьюбу** «черных (скал) низовье», **Къарала башы** «черных (скал) верховье».

27. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение — имя существительное, нарицательное, во множ. числе, тип связи — изафет II, примыкание: **Тирменле къолу** «мельниц балка», **Къарындашла ташы** «братьев камень», **Тамычыла аллы** «капельниц (капающее место) перед (впереди)».

28. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, образованное от имени существительного с помощью аффикса деятеля *-чы*, тип связи — примыкание, изафет II: **Кийикчи сырты** (охотников). букв.: «охотника возвышенность».

29. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, без аффикса принадлежности, определение — имя существительное, собственное, во множ. числе (название фамилии), с аффиксом родительного падежа *-ны*, тип связи — изафетный: **Тохаланы сырт** «Тохаевых возвышенность», **Къалабекланы шаудан** «Калабековых родник», **Локъяланы къол** «Локьяевых балка», **Мусукаланы дорбун** «Мусукаевых пещера», **Дебискаланы къол** «Дебискаевых балка», **Этезланы къол** «Этезовых балка».

30. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение — имя существительное, нарицательное, во множ. числе, тип связи — изафет II, примыкание: **Къарала тьюбу** «черных (скал) низовье», **Къарала башы** «черных (скал) верховье».

тельное, нарицательное, во множ. числе, без аффикса принадлежности, определение — имя существительное, собственное, во множ. числе, (название фамилии), с аффиксом родительного падежа *-ны*, тип связи — изафетный: **Къумукъланы чунгурла** «Кумуковых впадина», **Беккиланы дорбунла** «Беккиевых пещеры», **Газаланы баула** «Газасвых загоны».

31. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение — имя существительное, собственное, с аффиксом родительного падежа *-ны*, тип связи — изафетный (III), согласование в лице и числе: **Чепени шауданы** «Чепе родник».

Большинство топонимических названий выступает в качестве двусоставных. Но имеется немало названий, которые состоят из большего числа компонентов. Топонимические названия из трех и более слов составляют смешанный вид атрибутивно-субстантивных словосочетаний, в которых при одном определяемом имеются два разнородных определения:

в). Смешанные атрибутивно-субстантивные словосочетания.

А. *Определяемое — субстантивная форма имени, определения* — также именные.

1. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе; определения I, II — имена существительные, нарицательные, в ед. числе, адъектированные; тип связи — примыкание: **Гара аууз суу** «нарзанов ущелья речка».

2. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе,

основном падеже; определение I — имя прилагательное, качественное, определение II — имя прилагательное, относительное, образованное от имени существительного с помощью аффикса наличия *-лы*; тип связи — примыкание: **Уллу таллы къол** «большая вербная (ивовая) балка», **Гитче таллы къол** «малая вербная (ивовая) балка».

3. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, основном падеже; определение I — имя прилагательное, качественное, определение II — имя существительное, нарицательное, в ед. числе; тип связи — примыкание: **Уллу стауат суу** «большая стоибищная река».

4. Определяемое — имя существительное, нарицательное, во множ. числе, основном падеже; определение I — имя существительное, собственное, (личное имя), в единствен. числе; определение II — имя прилагательное, качественное; тип связи — примыкание: **Къази къара суула** «Казы черные речки».

5. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определения I, II — имена существительные, нарицательные, в ед. числе; тип связи: между определениями — примыкание, между определяемыми (последним) и определением — изафет II: **Тонгуз орун башы** «свиней места верховье», **Къочхар таш дуппуру** «бараньего камня холм».

6. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение I — имя существительное, собственное, в ед. числе; определение II — имя существительное, нарицательное, в ед. числе; тип связи: между опреде-

лениями — примыкание, между определением и определяемым — изафет II: **Ислам жол башы** «Ислама дороги верховье».

7. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение I — имя прилагательное, качественное; определение II — имя существительное, нарицательное, в ед. числе; тип связи: между определениями — примыкание, между определением и определяемым — изафет II: **Сары кьол башы** «желтой балки верховье», **Ийис суу башы** «серных вод (букв.: вонючих вод) верховье».

8. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение I — имя существительное, собственное, в ед. числе, в форме основного падежа; определение II — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом падежа *-ны*, тип связи: между определениями — примыкание, между определением и определяемым (последним) — согласование, изафет III: **Гара улуну жери** «земля (место, местность) сына Гара».

9. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица *-ны*; определение I — имя прилагательное, качественное, определение II — имя прилагательное, качественное, субстантивированное; тип связи: между определениями — примыкание (простое), между определяемым и определением — изафет II: **Уллу жютю башы** «большой острой (скалы) верховье».

Б. *Определяемое — субстантивная форма имени*, одно из определений — именное, другое — глагольное.

1. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение I — имя существительное, собственное, в ед. числе, основном падеже; определение II — причастие настоящего времени на *-ыу + чу*, субстантивированное; тип связи: между определениями — примыкание, между определяемым и определением — изафет II: **Кыкын туруучу башы** «Кыкына находившегося (места) верховье».

2. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица, определение I — причастие прошедшего времени на *-гъан*; определение II — имя существительное, нарицательное, во множ. числе; тип связи: между определениями — примыкание, между определяемым и определением — изафет II: **Кюйген харжарла кези** «сгоревших хлебов седловина», **Кюйген харжарла кюллюю** «сгоревших хлебов солнечная сторона».

3. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, основном падеже; определение I — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, основном падеже; определение II — причастие прошедшего времени на *-гъан*; тип связи — примыкание: **Къабан ёлген къол** «балка, где пал кабан».

4. Определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, основном падеже, определение I — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, (производное имя); определение II — причастие прошедшего времени на *-гъан*; тип связи — примыкание: **Тоноу юлешген тебе** «холмик, где делилось награбленное».

Топонимы, состоящие из четырех и более слов.

Их сравнительно немного. Они так же, как и трехсловные, входят в смешанный вид атрибутивно-субстантивных словосочетаний. В наших примерах компонентами этих названий в основном выступают субстантивированные формы имен.

1. Сочетается имя существительное, нарицательное, в ед. числе, основном падеже, с аффиксом принадлежности 3-го лица, выступающее как определяемое, с именем прилагательным, качественным (определение); с именем существительным, нарицательным, в ед. числе, (определение) с именем существительным, нарицательным, в ед. чис. без падежного аффикса (определение); тип связи: между определяемым и определением (последним) — изафет II, между остальными определениями — примыкание: **Огъары арба жол башы** «верхних тележных дорог верховье», **Тёбен арба жол башы** «нижних тележных дорог верховье».

2. Сочетаются компоненты, где определяемым выступает имя существительное, нарицательное, 3-го лица; определениями являются: первые два — имена прилагательные, качественные, третье определение — имя существительное, нарицательное, в ед. числе; тип связи: между определяемым и предшествующим определением — изафет II, между остальными словами — простое примыкание: **Тёбен акъ къая башы** «нижней белой скалы верховье», **Огъары акъ къая башы** «верхней белой скалы верховье».

3. Имеются и пятисловные топонимические названия, которые сочетаются в такой последовательности: определения — имя существительное, нарицательное, в ед. числе + имя прилагательное,

качественное + имя существительное, нарицательное, в ед. числе и определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица; тип связи: между определяемым и предшествующим определением — изафет II, между остальными словами — простое примыкание: **Тонгуз орун гитче чат башы** «свиной места малого ущелья верховье».

4. Сочетаются компоненты в такой последовательности: определения I, II, III — имена существительные, в ед. числе, нарицательные + определение IV — имя прилагательное, качественное, субстантивированное и определяемое — имя существительное, нарицательное, в ед. числе, с аффиксом принадлежности 3-го лица; тип связи: между определяемым и предшествующим определением — изафет II, между другими компонентами — простое примыкание: **Тонгуз орун чегет къара башы** «свиной места теневой стороны черной (скалы) верховье».

По передаче на письме топонимов края в балкарском и русском текстах нет единого мнения. В 1970 г. были утверждены и изданы очередные орфографические правила по балкарскому языку, в которых нормированы, хотя не все случаи, написания географических названий. Но при написании топонимов не придерживаются и этих правил. Для наглядности приведем ряд примеров из печатной литературы.

В «Русско-карачаево-балкарском словаре» (М., 1965) пишется: Акъ топракъ (по-русски Актопрак), Акъ суу (село), Белая Речка, Тонгуз Орун, Донгуз Орун, Хушто Сырт (с. 744); в кн. «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы» (Нальчик, 1966) — Акъкъая, Сарытюз, Аксырт, Ташлы Сырт, Минги Тау, Къара тенгиз, Къара суу (с. 46—50); в «Крат-

ком словаре горных названий Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1969) — Адыл-су, Адыр-су-баши, Азау-гитче-чегет-къара баши, Уллу-тау (с. 4); в «Балкарском топонимическом словаре» (Нальчик, 1970) — Агъач ара, Азап сырты, Басмалы къол суу, Ат елген жер, Мингитау//Минги Тау (с. 5); в кн. «Очерки карачаево-балкарской лексикологии» (Черкесск, 1970) — Уллу — Кам, Минги-Тау (с. 23); в кн. «География Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1971) — Акъ Къая, Къоштан-Тау, Хуш-тосырт, Тютю-Баши (с. 8); в «Грамматике карачаево-балкарского языка» (Нальчик, 1976) Акъ Суу, Минги-Тау, Чирик Кёл, Белая Речка (с. 8); в кн. «Моя республика» (Нальчик, 1977) — Кала-Тюю, Тютю-Суу (с. 9).

Приведенный перечень настораживает и убеждает нас в том, что назрела настоятельная необходимость прийти к единым нормам написания топонимических названий, изжив существующий разноречивый.

В настоящее время группа местных ученых готовит к изданию «Орфографический словарь» и приступила к составлению новых правил орфографии и пунктуации карачаево-балкарского языка, которые, безусловно, будут способствовать унификации передачи топонимов на письме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог исследованию, можно заключить следующее:

1. Топонимия региона складывалась в течение многих веков, так как в ее лексический состав входят названия, по своему происхождению относящиеся к разным историческим периодам, иноязычные, что свидетельствует о бурной истории этого края и о пребывании здесь разных племен и народностей.

2. Кроме основного и новейшего пластов, в балкарской топонимике имеется древний пласт, состоящий из непрозрачных, древнетюркских, субстратных названий, и таких, в семантике которых обнаруживаются следы традиций, религиозных представлений (язычества, христианства, мусульманства) и культовых обрядов, восходящих к древнему периоду в истории народа.

3. Подавляющее большинство географических названий данной местности прозрачно, т. е. живой язык местного населения не имеет расхождений с формами этих топонимов. Если учесть утверждения ученых о том, что балкарцы являются древнейшими жителями данной территории, то прозрачность топонимов говорит в пользу мнения об устойчивом, своеобразном развитии карачаево-балкарского языка, сохранившего архаичные формы. В топонимии исследуемого региона имеются немногочисленные названия грузинского, осетинского, кабардинского происхождения, что свидетельствует о существовании определенных связей между балкарцами и этими народами. В наше время появляются названия, отражающие новые социальные измене-

ния. Они составляют новейший пласт топонимов, в котором немало слов русского происхождения. Из этого вытекает, что обновление и обогащение топонимии — это непрерывный и объективный процесс.

4. На топонимию края наложили свой отпечаток такие специфические социально-экономические явления в Балкарии, как малоземелье, преимущественное развитие скотоводства, особенности социальных отношений, своеобразие материальной и духовной культуры народа.

5. С семантической точки зрения балкарские топонимы восходят к апеллятивной лексике и собственным именам. Названия местности давались по природным и хозяйственным признакам объекта, по имени владельца, по происходившим событиям, могли быть культового содержания. Географические термины, как и во всех тюркских языках, в образовании балкарских топонимов принимают активное участие.

6. В структурно-морфологическом плане топонимы нашего региона можно классифицировать на простые, сложные и составные; на корневые и аффиксальные; состоящие из одного, двух, трех, четырех и пяти компонентов. Топонимами могут выступать все три вида атрибутивно-субстантивных словосочетаний, где способами связи являются примыкание, изафет.

7. В образовании географических названий участвуют имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, глагольные формы и аффиксы: наличия *-лы*, деятеля *-чы*, назначения *-лыкъ*, отглагольного имени *-ыу*, отсутствия *-сыз*, мн. числа *-ла*.

8. Топообразование данной территории обнаруживает самобытные черты: оно идет по аналогии

со всеми тюркскими языками, но с учетом традиций кавказского фона.

Вместе с уходящими из жизни знатоками старины бесследно исчезают и многие древние названия местности. В связи с этим повсеместный их сбор и изучение представляют насущную необходимость и большой научный интерес.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XIV.
Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 20.
Абаев В. И. Дохристианская религия алан. М., 1960.
Абдимуратов К. Топонимика Каракалпакии. АКД. Нукус,
1966.
Эбдірахманов А. Топонимика және этимология. Алматы, 1975.
Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1980.
Аксентьев А. В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь,
1973.
Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.
Алексеева Е. Л. Карачаевцы и балкарцы — древний народ
Кавказа. Черкесск, 1963.
Айдаров Г. Некоторые топонимические названия в памятни-
ках «Тоньюкук». — Труды института языкознания АН
КазССР, т. 3. Алма-Ата, 1963.
Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки
балкарцев. Нальчик, 1976.
Атаниязов С. Топоимика Юго-Восточного Туркменистана.
АКД. Ашхабад, 1966.
Бартольд В. В. Соч., т. 5, 1968.
Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.,
1969.
Баскаков Н. А. Родоплеменные названия кипчаков в топони-
мии Южной Молдавии.— Топонимика Востока. М., 1964.
Будаев А. Ж. Система фонем современного карачаево-балкар-
ского языка. Нальчик, 1968.
Владимирцев Б. Я. Географические имена орхонских надпи-
сей, сохранившиеся в монгольском.— Доклады АН СССР,
№ 9, 1929.
Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
География Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
Грамматика карачаево-балкарского языка. Под ред. Н. А. Бас-
какова. Нальчик, 1966.
Грамматика карачаево-балкарского языка. Под ред. проф.
Баскакова Н. А. Нальчик, 1976.
Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
Гусейнзаде А. К. К этимологии двойных тюрко-монгольских
этнонимов. — Уч. зап. Азербайджанского ун-та. Баку, 1978,
№ 8.

- Дмитриев Н. К., Исхаков Ф. Г. Вопросы изучения хакасского языка и его значение. Абакан, 1954.
- Древнетюркский словарь. М., 1969.
- Дульзон А. П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. М., 1960.
- Документы по истории Балкарии. Нальчик, 1959.
- Лонидзе Г. И. Гидронимические термины в тюркских языках.— В кн.: Ономастика. М., 1969.
- Жанузаков Т. Казак тіліндегі жалқы есімдер. Алматы, 1965.
- Жанузаков Т. Основные проблемы ономастики казахского языка. АДД. Алма-Ата, 1976.
- Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск, 1968.
- История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней, т. 1. М., 1967.
- Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алта-Ата, 1958.
- Камалов А. Н. Источники возникновения и лексико-семантические группы башкирских гидронимов.— В кн.: Башкирский языковедческий сборник. Уфа, 1975.
- Караев С. О. Опыт изучения топонимов Узбекистана. АҚД. Ташкент, 1969.
- Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974.
- Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимики.— Ученые записки педагогического института. Вып. 8. Уфа, 1956.
- Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимика. Нальчик, 1974.
- Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик. 1970.
- Конкашпаев Г. К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963.
- Кононов А. Н. О семантике слов «кара» и «ак» в тюркской географической терминологии.— Докл. АН Туркменской ССР. Отдел общ. наук. Ашхабад, 1954.
- Кумыкско-русский словарь. М., 1969.
- Лавров Л. И. Карачаи и Балкария до 30-х годов XIX в.— Кавказский этнографический сборник, т. 4. М., 1969.
- Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР. АДД. Свердловск, 1970.
- Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик, 1976.
- Молчанова О. Т. Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области. АҚД. Томск, 1968.
- Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974

- Мурзаевы Э. и В.* Словарь местных географических терминов. М., 1959.
- Мусукаев А. И.* Балкарский «тукъум». Нальчик, 1978.
- Никонов В. А.* Введение в топонимику. М., 1965.
- Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Надеждин Н. И.* Опыт исторической географии русского мира.— Библиотека для чтения, 1837, т. 22, отд. 3.
- Нурмагамбетов Э.* Туркменстандагы казактардын тілі, II. Алматы, 1974.
- Подъяпольский Г. Н.* Достопримечательные места КБАССР. Нальчик, 1968.
- Попов А. И.* Географические названия. М.—Л., 1965.
- Поспелов Е. М.* Топонимика и картография. М., 1971.
- Принципы топонимики. М., 1964.
- Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.
- Рототаев П. С.* Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
- Саттаров Г. Ф.* Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань, 1970.
- Серебренников Б. А.* О методах изучения топонимических названий. ВЯ, № 6, 1959.
- Субаева Р. Х.* Взаимодействие русского и татарского языков в топонимии Татарской АССР. АКД. Казань, 1963.
- Султаньяев О. А.* Топонимика Кокчетавской области. АКД. Томск, 1969.
- Суперанская А. В.* Структура имени собственного. М., 1969
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Топонимика Востока. М., 1964, 1969.
- Умурзаков С. У.* К исторической топонимии. В кн.: Ономастика Средней Азии. М., 1978.
- Хасанов Х. Х.* Урта Осне жой номлари тарихдан. Тошкент, 1965.
- Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
- Чагаева А. Дз.* Топонимия Северной Осетии, ч. 1. Орджоникидзе, 1971.
- Шахмураев С. О.* Календарь горца. Нальчик, 1970.
- Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. М., 1977.
- Юзбашев Р. Л.* Опыт исследования азербайджанских географических терминов. АКД. Баку, 1963.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

афф.	— аффикс
АКД	— автореферат кандидатской диссертации
АДД	— автореферат докторской диссертации
балк.	— балкарский
букв.	— буквально
вр.	— время
вм.	— вместо
ВЯ	— Вопросы языкознания
ед. число	— единственное число
ж.	— журнал
каб.	— кабардинский
кн.	— книга
кар.-балк.	— карачаево-балкарский
мн. число	— множественное число
осет.	— осетинский
отд.	— отдел
раб.	— работа
сб.	— сборник
см.	— смотри
соч.	— сочинение
ср.	— сравни
с.	— страница
тр.	— труд
тюрк.	— тюркский
т.	— том
указ.	— указанное
Указ. раб.	— указанная работа
ч.	— часть
яз.	— язык.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Социально-экономические и исторические условия возникновения топонимов региона	24
Социальные отношения	29
Условия землевладения. Малоземелье	30
Отношения с соседями	35
Особенности духовной жизни	36
Древний пласт топонимов	39
Основной пласт названий	44
Новейшие топонимические наименования	45
Топонимы иноязычного происхождения	46
Об этимологии топонимов	49
Этимологический анализ отдельных топонимов.	56
Семантические группы топонимов	72
Общие принципы	—
Названия по природным признакам объекта	77
Названия по хозяйственным признакам объекта.	94
Топонимы, названные по имени владельца.	99
Названия по происходившим событиям.	110
В основе топонимов — термины духовной культуры.	113
Структурный анализ топонимов	130
Принципы структурного анализа	—
Простые топонимы	133
Сложные наименования местности	142
Составные названия	144
а) Простые атрибутивно-субстантивные словосочетания	145

б) Притяжательные атрибутивно-субстантивные словосочетания	150
в) Смешанные атрибутивно-субстантивные словосочетания	152
Заключение	159
Библиография	161
Условные сокращения	164

Мусукаев Б. Х.

М 917 Топонимия высокогорья Балкарии.—
Нальчик: Эльбрус, 1981.— 168 с.

В пер.: 40 к. 1000 экз.

Работа кандидата филологических наук Б. Х. Мусукаева представляет собой первую попытку анализа балкарских топонимов с лингвистической точки зрения.

В книге рассматриваются вопросы влияния социально-экономических условий на возникновение географических названий горной Балкарии, определены их слои в историческом плане, анализа семантических пластов местных наименований, выявления структурно-морфологических моделей образования топонимов.

М 0713—057 88 — 81 2604050000 ББК 81, 2Ба — 3
М 125 (03) — 81 4 С (Балк) — 07

Борис Хамитович Мусукаев

ТОПОНИМИЯ ВЫСОКОГОРЬЯ БАЛКАРИИ

Редактор *А. М. Башиев*

Художественный редактор *В. Л. Захохов*

Технический редактор *Б. Х. Буздова*

Корректор *А. В. Ляхова*

ИБ № 703

Сдано в набор 11.03.81. Подписано к печати 26.06.81. Ч00185.

Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура лите-
ратурная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,825. Уч.-изд. л. 6,87.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2265. Цена в переплете 40 коп.

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Госкомиздата КБАССР

Нальчик, проспект им. Ленина, 33